

Право между Востоком и Западом

№ 1 / 2025

Журнал издается при поддержке
Фонда благодарных выпускников
Международно-правового
факультета МГИМО

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-84258 от 5 декабря 2022 г. Выходит с 2024 г., издается ежеквартально

Главный редактор

Толстомятенко Г.П., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Малиновский А.А., д.ю.н., доцент
Платонова Н.И., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь

Осина Д.М., к.ю.н.

Редакционная коллегия:

Абдуллин А.И., д.ю.н., профессор
Арзуманова Л.Л., д.ю.н., профессор
Баранов В.М., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Васильева Т.А., д.ю.н., доцент
Волеводз А.Г., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ
Гаврилов В.В., д.ю.н., доцент
Грачева Е.Ю., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ
Захарова М.В., д.ю.н.
Зинковский С.Б., к.ю.н., доцент
Кравец И.А., д.ю.н., профессор
Монастырский Ю.Э., д.ю.н.
Носырева Е.И., д.ю.н., профессор
Ображиев К.В., д.ю.н., профессор
Покачалова Е.В., д.ю.н., профессор
Рыжкова Е.А., к.ю.н., доцент
Сайдов А.Х., академик Академии наук
Узбекистана, д.ю.н., профессор
Сидоренко Э.Л., д.ю.н., доцент
Скворцов О.Ю., д.ю.н., профессор
Трикоз Е.Н., к.ю.н., доцент
Троицкая А.А., д.ю.н., доцент
Трошинский П.В., к.ю.н.
Церковников М.А., к.ю.н.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, академик РАО,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Корректра: Воробьева Н.Н.

Верстка: Курукина Е.И.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

Лановая Г.М. Критерии нормального и аномального
в языке права: проблемы поиска и применения..... 2

Беляев М.А. Особенности языковой политики
государства в условиях быстрого развития
информационных технологий 9

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Пешин Н.Л., Акулов С.А. Взаимодействие государств
с Международным олимпийским комитетом
в сфере спорта 16

Цыплакова А.Д. Некоторые юрислингвистические
особенности источников уголовного права и уголовного
процесса арабских государств 28

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Корольков В.В. Критический анализ стереотипов
о федеративном устройстве: контуры новых дискуссий
исследователей и практиков государственного
строительства в современной России.
Часть 3. Конъюнктурные стереотипы 39

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Савина А.В. Влияние финансово-правовой политики
на становление и развитие финансовой системы:
опыт Китая 48

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО И РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ СПОРОВ

Давыденко Д.Л., Лазаренок К.А. Перспективы внедрения
положений о разрешении спора ex aequo et bono
и amiable compositeur в законодательство России
и Беларуси о международном коммерческом арбитраже 56

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ И ТОРГОВОЕ ПРАВО

Волчанский М.А. Сопоставление некоторых аспектов
института поручительства по нормам ГК РФ и ГК КНР 64

Фролов А.И. Модели правового регулирования
коммерческого найма жилья в сравнительно-правовом
измерении 74

СРАВНИТЕЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО

Чайка Л.Н. Тенденции развития форм труда и занятости
в рамках БРИКС 89

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 12,5.

ISSN 3034-2953

Номер подписан в печать: 12.03.2025.

Номер вышел в свет: 27.03.2025.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая

группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка
материалов без письменного
разрешения авторов статей или
редакции преследуется по закону.

Учредитель: МГИМО МИД России

Критерии нормального и аномального в языке права: проблемы поиска и применения

Лановая Галина Михайловна,
профессор кафедры теории государства и права Московского
университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент
lanovaya-galina@mail.ru

Решение актуальной в теоретическом и практическом плане задачи повышения качества нормативных правовых текстов невозможно без ясного понимания того, что является в языке права нормой, а что — аномалией. В статье обосновывается, что определить критерии нормального и аномального в языке права могут исключительно ученые-лингвисты, опираясь на знание закономерностей и тенденций развития языка как феномена культуры, а также на понимание тех особенностей, которые приобретает язык права в современных условиях, функционируя и изменяясь в неразрывной связи с законодательством, правовой практикой, правосознанием. Принимая лингвистические представления о нормальном и аномальном для языка права как данность, ученые-юристы получают возможность повысить эффективность усилий, направленных на разработку и реализацию таких юридико-технических средств, приемов и правил, применение которых облегчает восприятие и интерпретацию юридических текстов.

Ключевые слова: язык права, язык закона, требования к языку закона, юридическая техника.

Общим местом многих работ, посвященных проблемам языка права, является констатация существующих в нем проблем, поэтому традиционно актуальным для юридической техники на протяжении многих лет остается вопрос о том, что для названного языка является нормой, а что — аномалией. Решение обозначенного вопроса обоснованно рассматривается в качестве необходимого условия совершенствования языка законов, подзаконных и правоприменительных (в том числе судебных) актов, а в итоге — правового регулирования в целом.

Проблемы языка права относятся к области юрислингвистики, находящейся на стыке юриспруденции и лингвистики, и в этой связи закономерным образом возникает вопрос

о том, кто должен определять критерии нормального и аномального в языке права.

С одной стороны, существует большой соблазн декларировать, что успешное исследование межпредметной области требует «всестороннего и комплексного анализа», и в этой связи ответ на вопрос о критериях нормального и аномального в языке права юристы и лингвисты должны искать сообща. С другой стороны, для лингвистов и юристов язык права выступает абсолютно позорному интерпретируемым феноменом: если первые видят в нем прежде всего знаковую систему, являющуюся частью культуры, то вторые — инструмент управления человеческим поведением, а в некоторых случаях вообще элемент юридической техники.

Кроме того, видение языка права не совпадает у ученых-юристов и юристов-практиков, поскольку последние ориентируются прежде всего на формально закрепленные требования и рекомендации, а также на сложившиеся в правовой практике обыкновения.

В описываемой ситуации возникают опасения, что совместный поиск критериев нормального и аномального в языке права лингвистами, учеными-юристами и юристами-практиками может превратиться в процесс, описанный И.А. Крыловым в басне про Лебедя, Рака и Щуку.

С практической точки зрения лингвистические аспекты характеристики юридических текстов значимы постольку, поскольку использование инструментов языка в качестве средств выражения нормативно-правовых предписаний и индивидуально-властных решений является условием самого существования и функционирования права. В силу этого логичным было бы предположить, что вопрос о критериях нормального и аномального в языке права должен решаться учеными-юристами. Однако язык права воспринимается ими утилитарно и часто вне сложной системы исторических, этнических и иных факторов, определяющих наиболее общие закономерности развития и функционирования русского языка. Как следствие, вопрос о критериях нормального и аномального в языке права, во-первых, трансформируется в проблему формулирования и реализации обязательных требований к отдельным составляющим названного языка (языку закона, языку правоприменительных актов,

языку судебных документов и т.д.). Во-вторых, требования определяются во многом по наитию, исходя из обыденных представлений о том, что для текста закона хорошо, а что — плохо. При этом ни найти действенные способы обеспечить осуществление сформулированных требований, ни объяснить, почему они, несмотря на предпринимаемые усилия, не находят своей реализации, ученые-юристы оказываются не в состоянии.

Поскольку юристы объективно испытывают затруднения с тем, чтобы выйти за рамки обыденных представлений о языке, постольку предпринимаемые с целью оптимизации языка права и отдельных его составляющих усилия не дают тех результатов, к которым они сами стремятся. Например, общим местом многих исследований, затрагивающих проблемы языка нормативных актов, является констатация того, что он должен быть ясным¹. Доктринальная идея находит отражение в действующем законодательстве и правовой практике². В то же время проводимые

¹ См.: Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. М.: Юстицинформ, 2011. С. 131, 191; Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество. М.: Проспект, 2011. С. 255; Малышева И.В. Единство правотворчества и систематизации законодательства. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2020. С. 57; и др.

² См., например: пункт 1 ст. 7 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ред. от 24.09.2022) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ч. 1. Ст. 5007; Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. М.: Издание Государственной Думы, 2013. С. 7; пункт 5.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Воргена и П.Д. Олдхэма» // СПС «КонсультантПлюс».

исследования свидетельствуют о том, что язык законов не становится более ясным; напротив, наблюдаются тенденции, свидетельствующие о том, что уяснение смысла текста законов становится все более трудной задачей. Так, в ходе исследования, проведенного экспертами НИУ «Высшая школа экономики», было установлено, что отдельные российские законы по сложности текста значительно превосходят «Критику чистого разума» Иммануила Канта³.

Попытки добиться большей точности языка закона приводят к появлению излишне сложных терминов, избыточным повторам в тексте нормативных правовых актов, которые даже с точки зрения здравого смысла вряд ли могут восприниматься в качестве языковой нормы.

Для юристов-практиков вопрос о нормальном и аномальном в языке права предстает прежде всего вопросом о соблюдении нормативных требований, предъявляемых к языку правовых документов отдельных видов, а также рекомендаций, отражающих сложившиеся на практике юридико-технические обыкновения. Реализация такого сугубо формалистского подхода к решению вопроса о норме и аномалиях в языке права приводит к появлению юридических текстов, страдающих многочисленными дефектами, не согласующихся с теми представлениями о языке права, которые находят отражение в работах ученых-юристов и лингвистов, а иногда — и с представлениями самих юристов-практиков.

³ Григорьева Н.Л., Кнутов А.В., Плаксин С.М. и др. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. С. 79–80.

Когда «так установлено» и «так принято» становятся, в сущности, самодостаточными критериями определения нормы языка права, возникают условия для превращения правовых текстов в интуитивно понятные для юристов, но для лиц, не имеющих юридического образования, напоминающие фразу известного лингвиста Л.В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка», в которой слова, с одной стороны, воспроизводят законы языка, с другой стороны, воспринимаются как бессмысленные сочетания звуков.

Негативным в описываемой ситуации является не только то, что язык права в высокой степени профессионализируется и, как следствие, снижается его функциональность в качестве средства управления адресатами правовых норм, среди которых большинство не юристы. Тексты законов постепенно перестают быть понятными и для самих юристов, и в этой связи акцент переносится с текста на его интерпретацию. Возникает опасность того, что определять практику будут не субъекты правотворчества, а интерпретаторы. Кроме того, складываются условия, способствующие «недобросовестному отношению уполномоченных лиц к реализации возложенных на них функций»⁴, появляется дополнительный фактор коррупционного поведения должностных лиц — возможность «толковать нечетко сформулированные нормы права в своих собственных интересах, не имеющих ничего общего с государственными интересами»⁵.

⁴ Солодовниченко Т.А. Субъективные права и обязанности в частном и публичном праве. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 100.

⁵ Там же. С. 100.

Принимая во внимание изложенное, а также исходя из того, что язык права, в сущности, является лишь одним из стилей современного русского официального языка⁶, а изучением закономерностей развития и функционирования последнего занимается лингвистика, следует признать, что вопрос о нормальном и аномальном в языке права должны решать именно ученые-лингвисты. При этом источником представлений о критериях нормального и аномального должны быть, с одной стороны, закономерности развития языка как феномена культуры, с другой стороны, те особенности, которые фактически приобретает язык права в современных условиях в силу того, что он имеет специфическую локализацию, изменяется и функционирует в определенной исторической среде в неразрывной связи с другими правовыми феноменами — законодательством, правовой практикой и т.д. Такая постановка вопроса предполагает, что нормальным будет считаться типичное для русского языка в целом, а также то, что, будучи для русского языка в целом допустимым, является типичным для современного языка права с учетом его назначения и функциональных особенностей.

Те представления о нормальном и аномальном, которые получают обоснование в проводимых лингвистами исследованиях, основанных как на изучении истории языка, так и на анализе современной языковой практики, юристам, очевидно, следует рассматривать как относящи-

еся к характеристике юридических текстов аксиомы, принимаемые в качестве не нуждающихся в обосновании и не подлежащих пересмотру. По этому пути идет, например, Н.А. Власенко, когда пишет не о юридико-технических требованиях к языку права и не о реализации таких требований, а о специфических чертах текста права, его типичных дефектах и возможностях профилактики, выявления и устранения последних⁷.

В отличие от вопроса о критериях нормального и аномального в языке права, решение которого относится к компетенции лингвистов, изучение возможностей применения названных критериев в юридической деятельности для повышения качества юридических документов и эффективности правового регулирования следует отнести к «зоне ответственности» ученых-юристов — уже в силу того, что они лучше осведомлены о том, какие именно несовершенства юридических текстов создают проблемы для практиков.

Приняв лингвистические представления о нормальном и аномальном для языка права как данность, ученые-юристы получают возможность переключиться с рассмотрения проблем, в которых они не вполне сведущи, на решение вопросов, которые в действительности относятся к сфере их компетенции. Прежде всего, речь идет о том, как при помощи языка выражать правозначимую информацию, облекать в языковую форму нормативные правовые и индивидуально-властные предписания различных видов,

⁶ Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 64.

⁷ Власенко Н.А. Язык права // Избранное. М. : Норма, 2019. С. 108–119.

следовательно, о выработке рекомендаций относительно использования средств языка права, соответствующих лингвистической норме, при создании правовых документов.

Кроме того, важной представляется выработка специальных средств, приемов и правил юридической техники, которые позволяют нивелировать те особенности языка права, которые, существуя объективно (в силу того, что последний является частью литературного языка), тем не менее негативно влияют на правотворческую и правореализационную практику.

Например, особенностью русского языка является его образность. И несмотря на то что «для отечественной законодательной традиции использование образных выражений не характерно»⁸, правовые тексты в силу специфики самого сознания воспринимаются зачастую так же, как и неюридические тексты, включающие в себя образно-ассоциативные комплексы. С учетом этого спорной представляется идея о возможности и необходимости «формулизации» языка права⁹. Нормативные правовые предписания, выраженные предельно формализованно, могут интуитивно маркироваться в качестве отклоняющихся от языковой нормы в силу того, что заключенные в них формулы воспринимаются не как четкие прави-

ла, описываемые при помощи символов, которым придается условное значение, а как образы, причем в контексте именно тех бытовых ситуаций, с которыми они прежде всего ассоциируются.

Показательным можно считать то, что у юристов вызывает негативную реакцию предельно формализованный текст, содержащийся в п. 1 Приказа Председателя ГТК РФ от 28 июня 2002 г. № 675 «О приведении нормативных актов ГТК России в соответствие с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 01.12.2004): «С 1 июля 2002 г. в актах ГТК России, изданных до 1 июля 2002 г., слово “заводить” со всеми от него производными, относящиеся к производству по делу о нарушении таможенных правил, заменить соответственно словом “возбуждать” со всеми от него производными»¹⁰.

Другой иллюстративный пример. Примечательной особенностью русского языка, которую должны учитывать юристы, занимающиеся разработкой специальных средств, приемов и правил юридической техники, является полисемия, препятствующая однозначной интерпретации юридически значимых высказываний.

В сочетании с образностью полисемантизм приводит к тому, что проблемы интерпретации правовых текстов иногда обнаруживаются даже там, где их возникновение предсказать объективно невозможно. Например, Е.В. Скурко указывает, что в силу особенностей русского языка неоднозначными для интерпретаторов порой выглядят форму-

⁸ Давыдова М.Л. Нормативная база цифровой экономики: терминологические проблемы // Проблемы в праве в условиях цифровизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 118.

⁹ См.: Иванов Г.И., Ельчанинова Н.Б., Саак А.Э. Методы формализации нормативно-правовой информации на основе декларативного программирования // Известия ТРТУ. 1998. № 1 (7). С. 285–286.

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

лировки с использованием глагольной формы «могут»: в частности, возникают сомнения относительно того, подразумевают ли формулировки «могут проводиться с привлечением» и «могут присутствовать» право на участие для тех лиц, о которых идет речь (например, для экспертов), или возможность должностных лиц или органов требовать обязательного присутствия тех же самых лиц в проводимых ими мероприятиях¹¹.

Для того чтобы нивелировать особенности языка права, негативно влияющие на правовую практику, юристы располагают множеством возможностей, которые, к сожалению, не всегда рационально используются. К числу таких возможностей, в частности, можно отнести применение общепризнанных (соответствующих нормам русского языка, а в случае необходимости — предписываемых нормативно) сокращений, структурирование текста, законодательное закрепление дефиниций юридических понятий. Эффектив-

ными инструментами могут быть единообразное графическое оформление схожих нормативно-правовых и индивидуально-властных предписаний, рубрикация, использование юридических конструкций, презумпций и фикций.

Итак, определение критериев нормального и аномального в языке права относится к компетенции ученых-лингвистов, так как решение данной задачи требует понимания закономерностей и тенденций развития языка права в качестве составляющей литературного языка. Применение определенных лингвистами критериев юристами чрезвычайно значимо для оптимизации правотворческой и правореализационной практики.

Не пытаясь изменить то, что обусловлено спецификой самого русского языка и ментальными особенностями его восприятия, юристы должны сосредоточить свои усилия на разработке и реализации юридико-технических средств, приемов и правил, применение которых облегчает восприятие и интерпретацию юридических текстов.

¹¹ См.: Скурко Е.В. Язык права. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 52.

Литература

1. Власенко Н.А. Избранное / Н.А. Власенко. Москва : Норма, 2019. 688 с.
2. Григорьева Н.Л. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / Н.Л. Григорьева, А.В. Кнутов, С.М. Плаксин [и др.]. Москва : Издательский дом ВШЭ, 2020. 312 с.
3. Давыдова М.Л. Нормативная база цифровой экономики: терминологические проблемы / М.Л. Давыдова // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общей редакцией Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. Москва : Инфотропик Медиа, 2022. С. 114–122.
4. Иванов Г.И. Методы формализации нормативно-правовой информации на основе декларативного программирования / Г.И. Иванов, Н.Б. Ельчанинова, А.Э. Саак // Известия ТРТУ. 1998. № 1 (7). С. 285–290.
5. Исаков В.Б. Язык права / В.Б. Исаков // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Н.Д. Голева. Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2000. С. 64–79.

6. Малышева И.В. Единство правотворчества и систематизации законодательства / И.В. Малышева. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2020. 96 с.
7. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. Москва : Издание Государственной Думы, 2013. 40 с.
8. Москалькова Т.Н. Нормотворчество : научно-практическое пособие / Т.Н. Москалькова, В.В. Черников. Москва : Проспект, 2011. 384 с.
9. Нормотворческая юридическая техника / под редакцией Н.А. Власенко. Москва : Юстицинформ, 2011. 312 с.
10. Скурко Е.В. Язык права : монография / Е.В. Скурко. Москва : Юрлитинформ, 2022. 144 с.
11. Солодовниченко Т.А. Субъективные права и обязанности в частном и публичном праве : монография / Т.А. Солодовниченко. Москва : ИНФРА-М, 2021. 111 с.

References

1. Vlasenko N.A. Izbrannoe [Selected Works] / N.A. Vlasenko. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2019. 688 s.
2. Grigoryeva N.L. Slozhnost rossiyskikh zakonov. Opy't sintaksicheskogo analiza [Complexity of Russian Laws. Experience of the Syntactic Analysis] / N.L. Grigoryeva, A.V. Knutov, S.M. Plaksin [i dr.]. Moskva : Izdatelskiy dom VSHE — N.L. Grigoryeva, A.V. Knutov, S.M. Plaksin [et al.]. Moscow : Publishing house of the HSE, 2020. 312 s.
3. Davydova M.L. Normativnaya baza tsifrovoy ekonomiki: terminologicheskie problemy` [The Regulatory Framework of the Digital Economy: Terminology Problems] / M.L. Davydova // Probely` v prave v usloviyakh tsifrovizatsii : sbornik nauchny`kh trudov / pod obschey redaktsiyey D.A. Pashentseva, M.V. Zaloilo. Moskva : Infotropik Media — Legal Gaps in the Conditions of Digitalization : collection of scientific works / under the general editorship of D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo. Moscow : Infotropic Media, 2022. S. 114–122.
4. Ivanov G.I. Metody` formalizatsii normativno-pravovoy informatsii na osnove deklarativnogo programmirovaniya [Methods of Formalization of Regulatory Information Based on Declarative Programming] / G.I. Ivanov, N.B. Elchaninova, A.E. Saak // Izvestiya TRTU — News of the Taganrog State Radio Engineering University. 1998. № 1 (7). S. 285–290.
5. Isakov V.B. Yazy`k prava [The Language of Law] / V.B. Isakov // Yurislingvistika-2: russkiy yazy`k v ego estestvennom i yuridicheskom by`tii : mezhvuzovskiy sbornik nauchny`kh trudov / pod redaktsiyey N.D. Goleva. Barnaul : Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta — Legal Linguistics-2: The Russian Language and Its Natural and Legal Existence : inter-university collection of scientific works / edited by N.D. Golev. Barnaul : Publishing house of the Altai State University, 2000. S. 64–79.
6. Malysheva I.V. Edinstvo pravotvorchestva i sistematzatsii zakonodatelstva [The Unity of Law-Making and Systematization of Laws] / I.V. Malysheva. Novokuznetsk : FKOУ VO Kuzbasskiy institut FSIN Rossii — Novokuznetsk : KI of the FPS of Russia, 2020. 96 s.
7. Metodicheskie rekomendatsii po lingvisticheskoy ekspertize zakonoproektov [Methodological Recommendations for the Linguistic Examination of Bills]. Moskva : Izdanie Gosudarstvennoy Dumy` — Moscow : Edition of the State Duma, 2013. 40 s.
8. Moskalkova T.N. Normotvorchestvo : nauchno-prakticheskoe posobie [Rule-Making : scientific and practical guide] / T.N. Moskalkova, V.V. Chernikov. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospekt, 2011. 384 s.
9. Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika [Legal Writing] / pod redaktsiyey N.A. Vlasenko. Moskva : Yustitsinform — edited by N.A. Vlasenko. Moscow : Justice Inform, 2011. 312 s.
10. Skurko E.V. Yazy`k prava : monografiya [The Language of Law : monograph] / E.V. Skurko. Moskva : Yurilitinform — Moscow : Yurilitinform, 2022. 144 s.
11. Solodovnichenko T.A. Subyektivny`e prava i obyazannosti v chastnom i publichnom prave : monografiya [Legal Rights and Obligations in Private and Public Law : monograph] / T.A. Solodovnichenko. Moskva : INFRA-M — Moscow : INFRA-M, 2021. 111 s.

Особенности языковой политики государства в условиях быстрого развития информационных технологий*

Беляев Максим Александрович,
доцент кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат философских наук
yurist84@inbox.ru

Статья посвящена деятельности государства по нормированию социальной коммуникации и созданию юридических текстов. Показано, что современные информационные технологии бросают вызов таким свойствам публичной власти, как суверенность и легитимность. При этом данные технологии могут быть использованы на благо государства и общества при условии научно обоснованного регулирования лингвистической и коммуникативной сторон правовой жизни.

Ключевые слова: государственная политика, информационные технологии, язык права, текст права, легитимность, эффективность регулирования.

То, что язык выступает не только инструментом политики, но и ее объектом, есть факт, накладывающий на осмысление проблем языковой политики государства ряд важных ограничений. В обычной ситуации (она соответствует общепринятой гносеологической схеме, применяемой в социальном познании) между инструментарием конкретной деятельности и объектами воздействия всегда можно провести определенную границу, а в случае с языком и правом это сделать затруднительно. Совершенствование методов деятельности в идеале не должно предполагать модификации той реальности, с которой соответствующие субъекты имеют дело. Но ряд существующих в настоящее время факторов делает регулирование неклассическим, а противоположность

объективного и субъективного — менее четкой и определенной.

В настоящей работе мы не рассматриваем тот аспект языковой политики, который связан с поддержанием статуса определенного языка как государственного — по этой теме ведутся многолетние разработки, с результатами некоторых из них могут ознакомиться все желающие¹. Нас также не будет интересовать забота публичной власти о языках коренных малочисленных народов Российской Федерации, так как и эта проблематика (сама по себе крайне важная и актуальная для многонацио-

¹ Белов С.А., Кропачев Н.М. Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Язык и литература». 2020. Т. 17. № 1. С. 4–21; Белов С.А. Правовые требования к использованию государственного языка в образовании // Петербургский юрист. 2017. № 2. С. 23–30.

* Публикация подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (центр компетенций «Социоправо»).

нальной страны) лежит за пределами данной статьи. В фокус внимания попадает лишь вопрос о лингвосемантическом обеспечении правового регулирования в эпоху быстрого развития высоких технологий работы с информацией, в том числе алгоритмов искусственного интеллекта. Не обсуждая, в какой мере данные алгоритмы составляют конкуренцию людям и сообществам людей, отметим, что данный контекст — источник значительного числа соображений и прогнозов различной степени спекулятивности. Эти соображения могут быть нивелированы благодаря формально-догматическому методу рассуждения, нейтральному по отношению к задачам, которые государство ставит перед своими регулирующими ведомствами, но такая методика решения проблем с научной точки зрения была бы по меньшей мере неосмотрительна. Напротив, мы убеждены в полезности широкого подхода к теме, при котором оказываются задействованными аргументы из разных дисциплин и практик.

Необходимо отметить, что о правовом регулировании менее всего принято говорить с использованием лингвистической, коммуникативно-стилистической или иной подобной терминологии². То, что воздействие права на сознание субъектов неминуемо проходит стадию интерпретации, вытекает из символического характера этого социального регу-

лятора, который, в отличие от иных нормативных систем, всегда выступает как формально-определенный, следовательно, закрепленный в документах, выполненных на том или ином языке (заметим, что правовой обычай обретает полноту своего существования именно в актах государственного санкционирования и потому не является контрпримером). Толкование, безусловно, может рассматриваться с точки зрения теории языка, а также стилистики и некоторых иных родственных дисциплин³. Все элементы правовой системы допускают различные проекции. Если необходимо истолковать право семантически, его представляют как текст, если синтаксически — как логику (т.е. систему, построенную по правилам модальной логики), а если прагматически — как потоки информации, которые можно оценить с точки зрения объема, а также перенаправить от одних получателей к другим⁴. Такое представление может быть развернуто в достаточно сложную теорию, чья основная задача на первом этапе состоит в выявлении специфики законодательных знаков и определении места права как семиотической системы в ряду других систем. Далее исследователи переходят к прагматическим компонентам, говоря о воздействии различных знаковых систем на поведение человека. Допускается и физикалистская

² Автор этой работы сам предпринимал подобные попытки, носившие, впрочем, обзорный характер. См., напр.: Беляев М.А. Понимание права в языковых парадигмах // Научные труды Российской академии юридических наук : в 3 т. Т. 1. Вып. 8. М. : Юрист, 2008. С. 48–51.

³ Например, с точки зрения нарратологии. О попытке такого истолкования см. коллективный труд: Право и нарративы : моногр. / под общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. М. : Проспект, 2022. 128 с.

⁴ Об этом см.: Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления: датацентричность и семантическая интероперабельность. М. : URSS, 2019. 724 с.

редукция исследуемых процессов, в силу чего корни знакового поведения пытаются обнаружить методами нейropsихологии⁵.

Необходимо отметить, что обсуждения подобного рода не лишены смысла и могут снабжать сообщество ученых дополнительными доводами для различных дискуссий, без чего нельзя представить поиск истины. Но предметная принадлежность найденных истин окажется, скорее всего, за пределами юриспруденции. Чем больше мы систематизируем находки и прозрения в сфере правовой семиотики, тем более мы релятивизируем собственно юридическую проблематику. Верно и обратное — как только внимание исследователей возвращается к проблеме регулирования конкретного вида общественных отношений определенными правовыми средствами, семиотический антураж оказывается несколько излишним, так как мешает увидеть ту имманентную логику права, которая только и позволяет его, т.е. право, совершенствовать. Схема семиотического дискурса вся сплошь построена на принципах структурализма, где одно отличие порождает второе, вместе они порождают третье и так далее до бесконечности. Следовательно, со ссылкой на закономерности семиотики можно обосновать как любое юридическое решение, так и ему противоположное, тогда как предпочесть одно решение другому нет никаких собственно семиотических оснований. Простота аргументативных стратегий сопро-

вождается незначительной степенью укорененности того или иного решения в конкретно-исторических реалиях социума, нужды которого призвано обслуживать данное решение.

Полагая, что семиотический аспект права не должен входить в предмет чисто юридической рефлексии, мы одновременно пытаемся ответить на вопрос о специфике языковой политики современного государства, исходя из объективных условий, трансформирующих и социальный порядок как таковой, и способности его описания и нормирования. В настоящее время среди всей совокупности таких условий особое место занимают технологии переработки информации и сетевой коммуникации. Имеет смысл раскрыть своеобразие их действия на общественные отношения, прежде чем размышлять о языковой политике.

Необходимо говорить, во-первых, о технологии как факторе усиления фрагментации социального пространства и социального времени⁶. В физическом смысле пространство социума — это всегда совокупность мест, в которых степень связности объектов высока, и промежутков между местами, где эта связность незначительна. Сетевая форма коммуникации делает относительной любую степень связности, вследствие чего ни одно сообщество не обладает устойчивыми границами в пространстве. То же относится к аспекту времени, временному существованию. Сообщества возникают, живут и распадаются без определенных

⁵ См.: Дидикин А.Б., Беляев М.А., Горбань В.С. Право и нейронауки : сб. ст. М. : Институт государства и права РАН, 2018. 44 с.

⁶ Денисенко В.В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.

закономерностей, поскольку это не ограничено технической стороной дела. Такого рода диспозиции являются вызовом для публичной власти, поскольку оптимальное правовое регулирование опирается на однородное пространство действия государственного суверенитета, исключения из которого априори аномальны и требуют оперативного реагирования. Обустроить же сетевое пространство в качестве однородного не представляется возможным, разве что ликвидировать его материальный базис.

Во-вторых, технология объединяет людей в социальные группы, функционирующие как носители распределенного знания⁷. Классическая эпистемология предполагала следующий принцип: что знает индивид, знает и группа, что знает группа, может знать любой ее член. Неклассическая эпистемология признает невозможность указанной симметрии, групповое знание не распределяется между отдельными субъектами словно платоновский эйдос, существуя одновременно во многих вещах⁸. Чтобы что-то знать, нужно постоянно «быть на связи», т.е. коммуницировать. В таких условиях экспертами становятся не те, кого назначила таковыми власть, а те, кто смог оптимальным образом встроиться в действующие коммуникативные связи, замкнув на себя решающее звено, обрабатываю-

щее информацию наиболее высокого уровня. Это обстоятельство влечет за собой возможность довольно-таки скептического отношения социума или институтов гражданского общества к инициативам власти и ее решениям, оформленным юридическим путем. В частности, «народные эксперты» оказываются способными генерировать более обоснованные и устойчивые к критике варианты решений, а инфраструктура коммуникации делает такие предложения общедоступными в самые короткие сроки.

В-третьих, технология создает собственную социальную нормативность, характерную именно для данного сервиса (видеохостинга, подкаст-платформы, информационного канала и пр.). Действенность этих неформальных правил поведения почти не зависит от специального закрепления или кодификации, вследствие чего единственной санкцией оказывается возможный запрет на дальнейшее потребление или распространение информации. Но такого рода запреты не решают проблемы, ради которой они вводятся: как правило, задействуются альтернативные источники информации, вокруг которых вновь формируется определенная сетевая культура с нигде не закрепленными институтами.

В итоге оказывается, что социальные связи поверх государственных границ есть вызов суверенитету, распределенное знание способно подорвать легитимность властных решений, а сетевая нормативность снижает эффективность и оперативных, и долгосрочных решений

⁷ Денисенко В.В. Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. Т. 22. № 3. С. 231–238.

⁸ Об этом см.: Малышкин Е.В., Погребняк А.А., Тульчинский Г.Л. О распределенности: практики и концепты. СПб. : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. 367 с.

государства, демонстрируя иные альтернативы в отношении последних. Другими словами, современные технологии работы с информацией, не будучи подконтрольными, не слишком хорошо сочетаются с традиционными приемами регулирования, известными всякому государству.

Обозначив проблему, нужно найти и место для ее решения. С нашей точки зрения, довольно важной для государства, стоящего перед массой технологических вызовов, оказывается именно языковая политика, и именно ее область выступает источником потенциальных решений, релевантных обозначенным процессам. Главное объяснение правдоподобности данного утверждения состоит в самой сути языка. Если оставить в стороне философские споры о природе слова, отношения обозначения, именованного, семиозиса и т.д., то можно утверждать, что язык есть совокупность норм речи. Речь, т.е. коммуникация, не состоит полностью из элементов языка, но ограничивается его правилами. Поэтому языковая политика государства — это деятельность по разумному нормированию такого аспекта человеческого взаимодействия, который выходит на первый план в обществе развитого капитализма (оно же — постиндустриальное общество).

Понятно, что государство должно иметь в виду те вызовы, о которых было сказано выше. Сам концепт вызова предполагает умение встретить его, будучи подготовленным, а также дать какой-либо ответ. Так что «технологическая отстраненность» публичной власти в этом случае есть

стратегия проигрышная. Выигрышной стратегией может быть только «технологическая вовлеченность», т.е. абсолютно точное и полное понимание проблем, соединенное с привлечением самых новых технических средств, методов и приемов для достижения позитивного результата.

Теперь о приоритетах языковой политики. Если в центр внимания поместить поддержание доверия и взаимного признания между властью и гражданским обществом, то при принятии решений должны обеспечиваться такие принципы, как единство и открытость эмпирических оснований принятых решений. Речь идет о так называемой доказательной политике, когда регулирующие ведомства обязуются (не в ущерб безопасности страны) публиковать или иначе размещать в открытом доступе те массивы данных, на основе которых был сделан алгоритмический расчет, подобрана оптимальная модель. Публичная власть должна, говоря образно, избавиться в своей работе от принципа «черного ящика». Безусловно, важным является и то, что указанные данные используются многими регулирующими ведомствами совместно, обратная же ситуация, при которой у каждого регулятора строго своя эмпирика, нежелательна.

Если же в центр внимания поместить такой приоритет политики, как понятность, то государству следует задуматься о двух вещах: едином тезаурусе для всех нормативных актов и выстраивании системы машиночитаемого права параллельно с обычным массивом законодательства. Единство используемой в нормо-

творчестве лексики настолько важная цель, что ее и не стоит комментировать. Что же касается двух форматов представления правовых предписаний, это необходимо для продолжения деятельности по дерегулированию. С помощью алгоритма можно наиболее точно и эффективно соблюсти требования по выведению из обращения норм, в том числе утративших фактически основания для действия, а также просто избыточных. Отредактированные машинные тексты необходимо будет вернуть в человеко-ориентированный формат и в таком виде сохранить для традиционной правовой коммуникации.

Если же, наконец, государство сделает центром своего внимания эффективность правового регулирования, т.е. снижение издержек на единицу полезной продукции, то целесообразно делегировать возможность составления нормативного словаря и алгоритмов исключения

избыточных правил некоммерческим организациям, представляющим те или иные сферы коллективной жизнедеятельности. Сохраняя за собой полномочия по общему контролю (надзору), публичная власть тем не менее может освободить себя от малозначительных регуляторных усилий, причем такое освобождение имеет среди прочих и лингвокоммуникативное измерение.

Таким образом, современные технологии работы с информацией создают ряд вызовов стабильности и однородности правопорядка, но именно эти технологии могут быть задействованы публичной властью для своевременного преодоления данных вызовов. Правовые тексты и языки, на которых они составлены, могут обрабатываться более эффективно, в связи с чем и качество правового регулирования может повышаться без утраты таких важнейших свойств публичной власти, как суверенность и легитимность.

Литература

1. Акаткин Ю.М. Цифровая трансформация государственного управления: Датацентричность и семантическая интероперабельность / Ю.М. Акаткин, Е.Д. Ясиновская. Москва : URSS, 2019. 724 с.
2. Белов С.А. Понятие государственного языка / С.А. Белов, Н.М. Кропачев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Язык и литература». 2020. Т. 17. № 1. С. 4–21.
3. Белов С.А. Правовые требования к использованию государственного языка в образовании / С.А. Белов // Петербургский юрист. 2017. № 2. С. 23–30.
4. Беляев М.А. Понимание права в языковых парадигмах / М.А. Беляев // Научные труды Российской академии юридических наук : сборник научных статей : в 3 томах. Т. 1. Вып. 8 / ответственный редактор В.В. Гриб. Москва : Юрист, 2008. С. 48–51.
5. Денисенко В.В. Коммуникативная функция права / В.В. Денисенко // Академический юридический журнал. 2022. Т. 22. № 3. С. 231–238.
6. Денисенко В.В. Юридикация общества и концепции правового регулирования / В.В. Денисенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.
7. Дидикин А.Б. Право и нейронауки : сборник статей / А.Б. Дидикин, М.А. Беляев, В.С. Горбань. Москва : Институт государства и права РАН, 2018. 44 с.

8. Малышкин Е.В. О распределенности: практики и концепты / Е.В. Малышкин, А.А. Погребняк, Г.Л. Тульчинский. Санкт-Петербург : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. 367 с.
9. Право и нарративы : монография / под общей редакцией В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. Москва : Проспект, 2022. 128 с.

References

1. Akatkin Yu.M. Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya: Datatsentrichnost i semanticheskaya interoperabelnost [Digital Transformation of Public Administration: Data Centricity and Semantic Interoperability] / Yu.M. Akatkin, E.D. Yasinovskaya. Moskva : URSS — Moscow : URSS, 2019. 724 s.
2. Belov S.A. Ponyatie gosudarstvennogo yazy'ka [The Concept of a State Language] / S.A. Belov, N.M. Kropachev // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya "Yazyk i literatura". 2020. T. 17 — Bulletin of the Saint Petersburg University. Language and Literature series. 2020. Vol. 17. № 1. S. 4—21.
3. Belov S.A. Pravovy'e trebovaniya k ispolzovaniyu gosudarstvennogo yazy'ka v obrazovanii [Legal Requirements for Using the State Language in Education] / S.A. Belov // Peterburgskiy yurist — Saint Petersburg Lawyer. 2017. № 2. S. 23—30.
4. Belyaev M.A. Ponimanie prava v yazykovy'kh paradigmatkh [Understanding of Law in Linguistic Paradigms] / M.A. Belyaev // Nauchny'e trudy Rossiyskoy akademii yuridicheskikh nauk : sbornik nauchny'kh statey : v 3 tomakh. T. 1. Vy'p. 8 / otvetstvenny'y redaktor V.V. Grib. Moskva : Yurist — Scientific Works of the Russian Academy of Legal Sciences : collection of scientific articles : in 3 volumes. Vol. 1. Issue 8 / publishing editor V.V. Grib. Moscow : Lawyer, 2008. S. 48—51.
5. Denisenko V.V. Kommunikativnaya funktsiya prava [The Communicative Function of Law] / V.V. Denisenko // Akademicheskii yuridicheskii zhurnal. 2022. T. 22 — Academic Legal Journal. 2022. Vol. 22. № 3. S. 231—238.
6. Denisenko V.V. Yuridifikatsiya obschestva i kontseptsii pravovogo regulirovaniya [Juridification of the Society and Legal Regulation Concepts] / V.V. Denisenko // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pravo — Bulletin of the Voronezh State University. Series : Law. 2008. № 2 (5). S. 56—62.
7. Didikin A.B. Pravo i neyronauki : sbornik statey [Law and Neurosciences : collection of articles] / A.B. Didikin, M.A. Belyaev, V.S. Gorban. Moskva : Institut gosudarstva i prava RAN — Moscow : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2018. 44 s.
8. Malyshev E.V. O raspredelennosti: praktiki i kontsepty' [On Distribution: Practices and Concepts] / E.V. Malyshev, A.A. Pogrebnyak, G.L. Tulchinsky. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii — Saint Petersburg : Publishing house of the Russian Christian Academy for Humanities, 2020. 367 s.
9. Pravo i narrativy' : monografiya [Law and Narratives : monograph] / pod obschey redaktsiei V.V. Denisenko, A.K. Sobolevoy, I.L. Chestnova. Moskva : Prospekt — under the general editorship of V.V. Denisenko, A.K. Soboleva, I.L. Chestnov. Moscow : Prospekt, 2022. 128 s.

Заходите в наш магазин на OZON.ru: https://www.ozon.ru/seller/izdatelskaya-gruppa-yurist-390930/products/?miniapp=seller_390930
и выбирайте книги и журналы!

Взаимодействие государств с Международным олимпийским комитетом в сфере спорта

Пешин Николай Леонидович,
заведующий кафедрой административного права
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор
n_peshin@law.msu.ru

Акулов Сергей Александрович,
соискатель кафедры административного права
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
kafedra04@mail.ru

В настоящее время Международный олимпийский комитет (МОК) обладает статусом частнопредпринимательской корпорации. Данный правовой статус совершенно не устраивает МОК, который с самого своего момента учреждения настроен на то, чтобы вести с государствами диалог на равных и ощущать себя полноценным субъектом международного публичного права, т.е. субъектом, обладающим признаками правоспособности международной межправительственной организации (ММПО), такой как, например, ООН. Однако признание такого статуса в силу очевидных причин невозможно со стороны абсолютного большинства государств. Поэтому МОК приходится создавать особые формы взаимодействия с государствами и обосновывать специальные олимпийские принципы, такие как организационно-правовая автономия спорта, предполагающая невмешательство государств в олимпийскую сферу.

Ключевые слова: спортивное право, автономия спорта, олимпийские игры, МОК.

Международный олимпийский комитет (МОК) — одна из немногих международных неправительственных спортивных организаций, действующих в сфере спорта, которая прямо упоминается в нормах российского законодательства о спорте: ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — Закон о спорте) констатирует, что «олимпийское движение России является составной частью междуна-

родного олимпийского движения, целями которого являются пропаганда и внедрение принципов олимпийского движения, содействие развитию физической культуры и спорта, укрепление международного спортивного сотрудничества, участие в Олимпийских играх и других международных спортивных мероприятиях, проводимых Международным олимпийским комитетом, континентальными ассоциациями национальных олимпийских комитетов». А во второй части данной

статьи содержатся ссылки на Олимпийскую хартию МОК, которой должен руководствоваться Олимпийский комитет России (далее — ОКР), и закреплен принцип признания со стороны МОК как основа осуществления деятельности ОКР. Отметим, что Олимпийская хартия МОК — это важнейший элемент международного саморегулирования спорта, признаваемый государством. И подчеркнем, что Олимпийская хартия МОК — это аналог конституции в области сфере саморегулирования спорта, это свод правил, выполнять которые обязан любой субъект спорта.

МОК, как известно, был учрежден в 1894 г. по инициативе П. де Кубертена, и он представляет собой международную неправительственную организацию (МНПО), основанную на индивидуальном членстве. Законодательство Швейцарии (а МОК находится именно там, в Лозанне, имеющей неофициальный статус олимпийской столицы) не выделяет отдельный статус общественных объединений, поэтому с точки зрения государственного регулирования МОК обладает статусом частноправовой корпорации. Следует отметить, что данный статус не вполне устраивал (и до сих пор не устраивает) МОК, который с самого своего момента учреждения был настроен на то, чтобы вести с государствами диалог на равных, и видел себя полноценным субъектом международного публичного права, субъектом, обладающим правоспособностью международной межправительственной организации (ММПО), такой как ООН или Совет Европы. Однако

признание такого статуса в силу очевидных причин было невозможно со стороны абсолютного большинства государств, тем не менее отдельные элементы международной правосубъектности у МОК появились: в частности, Швейцария подписала с МОК договор, которым признаются многие элементы международной правосубъектности, включая иммунитеты: например, члены МОК имеют иммунитет от уголовного, административного и гражданского преследования, МОК пользуется фискальным, таможенным и иными иммунитетами: «Соглашение между МОК и Швейцарией от 1 ноября 2000 г., которым, по сути, со стороны Швейцарии признаны элементы международной правосубъектности МОК (таможенный, налоговый, иммиграционный и другие иммунитеты). И несмотря на то что в отдельных положениях документа швейцарское законодательство именуется превалярующим (*англ. prevailing Swiss law*), в отношении возможных злоупотреблений (ст. 11 Договора — *англ. Abuse Prevention*) положения договора говорят только о сотрудничестве сторон по надлежащему осуществлению правосудия (*англ. — proper administration of justice*), притом что базовым принципом решения любых конфликтов между МОК и Швейцарией является **исключительно** принцип переговоров (ст. 15 Договора — *англ. Settlement of disputes*). Сказанное означает, что при отсутствии согласия со стороны МОК никакие силовые действия не были бы возможны в отношении его членов. Следует подчеркнуть — только на территории Швейцарии. Другими

странами данный принцип (международной правосубъектности МОК — т.е. приравнивания МОК к ООН и т.п. международным межгосударственным организациям) пока не воспринят»¹. Кроме того, Генеральная ассамблея ООН наделила МОК статусом наблюдателя — такой статус имеют только непризнанные государства и нации. В силу этого «еще раз следует подчеркнуть отличие статуса членов МОК при их нахождении в Швейцарии от их же статуса при нахождении в любом другом государстве. Согласно упоминавшемуся выше Соглашению МОК и Швейцарии, члены МОК, по сути, пользуются всеми привилегиями дипломатов в Швейцарской конфедерации, т.е. швейцарская полиция не имела бы права провести такой арест. Вне границ Швейцарии члены МОК не имеют каких-либо иммунитетов, и в их отношении могут проводиться любые оперативные, процессуальные и иные действия в соответствии с конституцией и действующим законодательством данного государства»². В итоге на публично-правовой статус и МОК, и ряда других субъектов международного спортивного движения прямо указывает целый ряд исследователей: «Таким образом, с публичным статусом МНПО в сфере спорта совершенно иная ситуация. Оказавшись столь плотно вовлеченными в спорт, именно государства наделяют данным статусом спортивные организации

(или, точнее сказать, признают его). Публичный статус вполне может возникнуть как результат проявления государственной воли. Кроме того, не секрет, что в большинстве конституций развитых стран на первое место ставятся интересы именно общества, а не государства, и поэтому речь в законодательстве всегда идет о возможности/необходимости введения ограничений (в том числе антикоррупционных), исходя из потребностей общества. Именно поэтому английский термин *public* (букв. «публичный») теперь часто переводится как «общественный»³.

Подобные устремления МОК, безусловно, отражаются и на его взаимоотношениях с любыми национальными органами публичной власти. В основе этих взаимоотношений лежит так называемый принцип автономии спорта: «В наиболее концентрированном виде этот принцип был изложен Х.А. Самаранчем на Генеральной ассамблее МОК в Сеуле: «Важно, чтобы каждый из вас (Национальный олимпийский комитет, НОК. — Прим. Н.П.) поддерживал тесные контакты с правительствами ваших стран и чтобы правительства, со своей стороны, признавали нашу независимость». Автономный характер деятельности ведущих сил в современном спорте приводит, по сути, к тому, что международное спортивное движение организационно не представляет собой единого целого. Как спортсмены, так и спортивные организации объединяются по совершенно различным признакам: территориальному, профессиональному и другим, например по религи-

¹ Пешин Н.Л. Противодействие коррупции в спорте: баланс интересов государств и международных спортивных организаций // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 35.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 36.

озному (Международный католический союз физического воспитания и спорта). Все они, с одной стороны, совершенно четко декларируют принцип невмешательства во внутреннюю политику государств, а с другой — по факту давно уже отказались от концепции “отделения” спорта от государства⁴.

Ровно в этом ключе и сформулированы положения Олимпийской хартии, выполняющей роль Устава МОК. В правиле 1 Олимпийской хартии (в отличие от «обычных» нормативных правовых актов хартия разделена не на статьи, а на правила) указывается, что олимпийское движение, включающее в себя три главные составляющие — это сам МОК, международные спортивные федерации и национальные олимпийские комитеты, — находится под «верховой властью и руководством МОК»⁵. При этом положения Олимпийской хартии обязательны для любого лица или организации, имеющих отношение к Олимпийскому движению в любом качестве. Такие лица также должны выполнять решения МОК⁶.

Таким образом, любое государство, если оно решает принять на своей территории Олимпийские игры, становится частью олимпийского движения. Следовательно, на его территории в полном объеме начинают действовать положения Олимпийской хартии. Например,

такие, как правило 7 Олимпийской хартии, в соответствии с которым все олимпийские символы, включая сами слова «Олимпийские игры», «игры Олимпиады» и т.п. объявлены исключительной собственностью МОК. И государства соглашаются с данной позицией МОК, поскольку очевидно, что любой другой подход, например признание термина «олимпийский» общераспространенным и потому не подлежащим правовой охране, приведет к невозможности проведения в данной стране Олимпийских игр. Пункт 3 правила 33 Олимпийской хартии прямо говорит, что «правительство страны любого кандидата должно представить в МОК документ, имеющий обязательную юридическую силу, содержащий обязательство и гарантии этого правительства о том, что страна и ее органы государственной власти будут соблюдать и выполнять Олимпийскую хартию»⁷.

В Российской Федерации, при подготовке Зимних олимпийских игр в г. Сочи в 2014 г. был принят специальный Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ (далее — Фе-

⁴ Пешин Н.Л. О статусе и юрисдикции Спортивного арбитражного суда в Лозанне // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 130.

⁵ Олимпийская хартия. URL: <https://library.olympics.com/Default/doc/SYRACUSE/1088617/olympic-charter-in-force-as-from-8-august-2021-international-olympic-committee?lg=en-GB> (дата обращения: 22.06.2024).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6071.

деральный закон № 310-ФЗ), в ч. 1 ст. 7 которого были, по сути, подтверждены указанные положения Олимпийской хартии: «1. Для целей настоящей статьи под олимпийской символикой понимаются наименования “Олимпийский”, “Олимпиада”, “Сочи-2014”, Olympic, Olympian, Olympiad, Olympic Winter Games, Olympic Games, Sochi-2014 и образованные на их основе слова и словосочетания, олимпийские символ, огонь, факел, флаг, гимн, девиз, а также эмблемы, символы и сходные с ними обозначения Олимпийских игр и Олимпийских игр, предшествующих им и следующих за ними. Под паралимпийской символикой понимаются наименования “Паралимпийский”, “Паралимпиада”, Paralympic, Paralympian, Paralympiad, Paralympic Winter Games, Paralympic Games и образованные на их основе слова и словосочетания, паралимпийские символ, флаг, гимн, девиз, а также эмблемы, символы и сходные с ними обозначения Паралимпийских игр и Паралимпийских игр, предшествующих им и следующих за ними. К олимпийской символике и паралимпийской символике относятся также произведения изобразительного искусства, музыкальные, литературные и иные произведения, содержащие олимпийскую символику и (или) паралимпийскую символику или ее элементы и предназначенные для обозначения Олимпийских игр и Паралимпийских игр, а также Олимпийских игр и Паралимпийских игр, предшествующих им и следующих за ними»⁹. А в части 2 было указано, что использование олим-

пийской символики и (или) паралимпийской символики, в том числе для обозначения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, производимых ими товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг (в фирменных наименованиях, коммерческих обозначениях, товарных знаках, знаках обслуживания, наименованиях мест происхождения товаров), в составе доменных имен и иным способом, если такое использование создает представление о принадлежности указанных лиц к Олимпийским играм и Паралимпийским играм, допускается только при условии заключения соответствующего договора с Международным олимпийским комитетом и (или) Международным паралимпийским комитетом или уполномоченными ими организациями. В настоящее время Положение о Минспорта в качестве одного из его полномочий определяет установление порядка использования организациями, реализующими дополнительные образовательные программы спортивной подготовки, в своих наименованиях слов «олимпийский», «паралимпийский», «сурдлимпийский» или образованных на их основе слов и словосочетаний по согласованию с Олимпийским комитетом России, Паралимпийским комитетом России и Сурдлимпийским комитетом России. Последние — субъекты, наделенные правом саморегулирования в сфере спорта, — в данном случае выступают в качестве представителей соответствующих международных структур.

Такой же подход применяется МОК и при проведении Олимпийских игр: «В течение всего периода

⁹ Там же.

Олимпийских игр, включая все церемонии, в местах, которые находятся под ответственностью ОКОИ, никакие речи не могут произноситься ни представителями правительства или иного государственного органа, ни какими-либо иными политиками. Во время церемоний открытия и закрытия Олимпийских игр только Президент МОК и Президент ОКОИ имеют право произнести короткую речь» (п. 3 правила 55). ОКОИ — это организационный комитет по проведению Олимпийских игр, специальное юридическое лицо, учреждаемое государством, национальным олимпийским комитетом, городом как муниципальным образованием для проведения игр. В Российской Федерации при подготовке к играм в Сочи был создан оргкомитет «Сочи-2014». В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 310-ФЗ оргкомитет «Сочи-2014» является автономной некоммерческой организацией, учреждаемой Олимпийским комитетом России, Российской Федерацией и городом Сочи для целей организации и проведения Олимпийских игр и Паралимпийских игр в соответствии с положениями Олимпийской хартии, Свода правил Международного паралимпийского комитета и Соглашения в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹⁰. В соответствии с ч. 2 этой же статьи оргкомитет «Сочи-2014» осуществлял свою деятельность в соответствии с цитируемым Федеральным

законом, Олимпийской хартией, со Сводом правил Международного паралимпийского комитета, с Соглашением и учредительными документами оргкомитета «Сочи-2014». Согласно пункту 1 правила 36 Олимпийской хартии, сразу же после избрания принимающей стороны МОК заключает соглашение с избранной принимающей стороной и НОК соответствующей страны. С момента своего создания ОКОИ должен присоединиться и стать участником настоящего соглашения, которое обычно называется «Соглашение о проведении Олимпийских игр» (*англ.* — Olympic Host Contract). Другие организации, такие как местные, региональные, государственные или национальные органы власти или национальные олимпийские комитеты других стран, также могут стать участниками Соглашения о проведении Олимпийских игр, если это будет сочтено целесообразным исполкомом МОК.

Таким образом, прямые взаимоотношения между МОК и органами публичной власти возникают в основном в тех случаях, когда страна получает право на проведение Олимпийских игр¹¹. В этом случае, во-первых, применяется п. 3 правила 33 Олимпийской хартии, согласно которому правительство страны любого кандидата должно представить в МОК документ, имеющий обязательную юридическую силу, содержащий обязательство и гарантии этого правительства о том, что

¹⁰ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ О возникновении и особенностях реализации данного права см. Алексеев С.В. Олимпийское право. Правовые основы Олимпийского движения / под ред. Крашенинникова П.В. М.: Закон и право, 2010.

страна и ее органы государственной власти будут соблюдать и выполнять Олимпийскую хартию. Во-вторых, согласно п. 1.4 Официального разъяснения МОК к правилу 33 (официальные разъяснения содержатся прямо в официальном тексте Олимпийской хартии, следуя сразу же за каждым правилом, требующим такого разъяснения) государственные органы обязаны выполнять процедуры, установленные Исполнительным комитетом МОК (высший коллегиальный орган управления МОК) в отношении выбора принимающей стороны. Кроме того, согласно п. 2.5 этого же официального разъяснения, все города-кандидаты должны предоставить финансовые гарантии, требуемые исполкомом МОК. Исполком МОК принимает решение о том, дает ли эти гарантии сам город, или иные компетентные местные, региональные или государственные органы власти, или какие-либо третьи стороны.

Следовательно, все базовые взаимоотношения МОК с государством выстраиваются через субъектов, наделенных правом саморегулирования в сфере спорта¹². Прежде всего, через национальные олимпийские комитеты. Олимпийская хартия посвящает отдельную главу — 4 — регулированию статуса национальных олимпийских комитетов. В пункте 1 правила 27 их миссия определена как развитие, продвижение и защита Олимпийского движения в соответ-

ствующих странах, в соответствии с Олимпийской хартией. Именно Национальный олимпийский комитет (НОК) несет ответственность за соблюдение в его стране Олимпийской хартии.

Особый комплекс прав, предоставленных национальным олимпийским комитетам, заключается в следующем:

— только НОК вправе представлять свои страны на Олимпийских играх и на региональных, континентальных и мировых комплексных соревнованиях, проводимых под патронажем МОК (это право, но при этом каждый НОК обязан участвовать в Играх);

— только НОК вправе участвовать в выборе и назначении города, который может представить свою кандидатуру для организации Олимпийских игр в его стране;

— само обозначение, идентификация названия «Национальный олимпийский комитет» рассматривается как право, предоставленное МОК;

— только НОК вправе направлять спортсменов, официальных лиц и другой персонал команды на Олимпийские игры;

— только НОК вправе получать поддержку олимпийской солидарности — речь здесь идет о специальной программе, аккумулирующей и перераспределяющей финансовые ресурсы, которые получает МОК, для поддержки олимпийского движения во всем мире, прежде всего в бедных странах;

— только НОК вправе использовать так называемую олимпийскую собственность МОК, речь о которой

¹² См. об этом: *Мировой спорт: правовое регулирование, позиционирование, коммуникации* / К.М. Барский, Е.А. Бухаров, Цзыпу Ван [и др.] ; под общ. ред. Н.Л. Пешина, А.В. Мальгина. М. : Аспект пресс, 2024.

шла выше; это право обусловлено рядом специальных разрешений, которые НОК предварительно должен получить от МОК.

Кроме того, каждый НОК наделен рядом организационных полномочий, связанных с его участием в работе и мероприятиях МОК. В частности, это участие в деятельности, возглавляемой МОК или находящейся под его патронажем, это участие в деятельности ассоциаций национальных олимпийских комитетов, признанных МОК, это разработка предложений для МОК по вопросам совершенствования олимпийской хартии, олимпийского движения, процедур организации Олимпийских игр. Также это полномочия по оценке городов-кандидатов на проведение Олимпийских игр, по участию в работе комитетов, комиссий и других структурных подразделений МОК и др.

Обязанности национальных олимпийских комитетов (отметим, что олимпийская хартия избегает употребления термина «обязанности», используя аналогичные по смыслу понятия, такие как «роль НОК, задачи НОК» и т.п.) разделены на императивные, обязательные к исполнению и рекомендуемые, т.е. принимаемые ими на себя добровольно. К императивным относятся, во-первых, общие обязанности, а именно:

— претворение в жизнь основополагающих принципов и ценностей олимпизма в своих странах, в частности в областях спорта и образования, посредством реализации программ олимпийского образования на всех уровнях в школах, институ-

тах спортивного и физического воспитания и университетах, а также способствование созданию учреждений олимпийского образования, таких как Национальные олимпийские академии, олимпийские музеи и другие программы, включая культурные, имеющие связь с олимпийским движением;

— обеспечение соблюдения Олимпийской хартии в своих странах;

— содействие развитию спорта высших достижений, а также массового спорта;

— содействие подготовке спортивных кадров посредством организации курсов и обеспечение, чтобы такие курсы пропагандировали основополагающие принципы олимпизма;

— принятие мер против дискриминации и насилия в спорте;

— принятие и применение на практике Всемирного антидопингового кодекса;

— поощрение и поддержка мер, относящихся к медицинской помощи и здоровью спортсменов;

— содействие МОК в отношении защиты олимпийской собственности на своих соответствующих территориях.

Во-вторых, следует выделить организационные императивные обязанности национальных олимпийских комитетов, которые должны:

— составлять, организовывать и руководить своими делегациями на Олимпийских играх и на комплексных спортивных региональных, континентальных и всемирных соревнованиях, проводимых под патронажем;

— принимать решения о подаче заявок на спортсменов, представ-

ленных их соответствующими национальными федерациями; такой отбор основывается не только на спортивных достижениях спортсмена, но и на его способности служить примером для молодых спортсменов его страны;

- обеспечить полное соответствие положениям Олимпийской хартии заявок, предложенных национальными федерациями;

- обеспечивать экипировку, транспортировку и размещение членов своих делегаций;

- заключать соответствующие страховые контракты на случай смерти, нетрудоспособности, болезни, медицинских и фармацевтических затрат членов своих делегаций, а также по поводу их ответственности перед третьими лицами;

- обеспечивать надлежащее поведение членов своих делегаций;

- предписывать и определять предметы одежды и униформы, а также экипировку, используемую членами их делегации на Олимпийских играх и на всех связанных с ними соревнованиях и церемониях.

К рекомендуемым относятся:

- регулярная (по возможности — ежегодная) организация Олимпийского дня или Олимпийской недели в своей стране в целях развития олимпийского движения;

- содействие развитию культуры и искусства в области спорта и олимпизма;

- участие в программах олимпийской солидарности (прежде всего в качестве донора, а также в качестве структур, организующих и реализующих те или иные специальные про-

граммы и проекты, например образовательные);

- поиск самостоятельных источников финансирования, совместимых с принципами олимпизма.

Олимпийская хартия содержит и регулирование тех элементов статуса НОК, которые связаны с взаимоотношениями национальных олимпийских комитетов с органами публичной власти. В частности, п. 5 правила 27 устанавливает, что в целях выполнения своей миссии НОК может сотрудничать с правительственными органами, с которыми он должен развивать гармоничные отношения. Однако он не должен принимать участия в какой-либо деятельности, которая противоречит Олимпийской хартии.

В целом же в духе принципа автономии спорта Олимпийская хартия указывает, что каждый НОК обязан сохранять свою автономию и противодействовать всяческому давлению, включая, помимо прочего, политическое, правовое, религиозное или экономическое, которое могло бы помешать выполнять Олимпийскую хартию. Таким образом, можно сделать вывод о том, что свои полномочия национальные олимпийские комитеты реализуют, с одной стороны, в рамках публичного управления спортом под контролем соответствующих органов государства, причем этот контроль в административно-правовом смысле может быть только общим (в рамках режима законности), но фактически он является административным, т.е. основанным на принципах субординации, иначе данные субъекты, наделенные правом саморегулирования в сфере

спорта, просто не будут элементом системы публичного управления в спорте; а с другой стороны, в Олимпийской хартии, по сути, установлен принцип прямого подчинения каждого НОК МОКу, и выполнение требований Олимпийской хартии, включая реализацию возложенных на НОК полномочий, является обязательным.

Более того, Олимпийская хартия содержит также целый ряд требований как к структуре, так и организации деятельности национальных олимпийских комитетов. В частности, правило 28 устанавливает обязательность введения в состав НОК всех членов МОК в его стране, если таковые есть. Такие члены имеют право голоса на Генеральных Ассамблеях НОК (в Российской Федерации — это Олимпийское Собрание ОКР). Кроме того, члены МОК в данной стране, о которых говорится в правиле 16.1.1.1 и в правиле 16.1.1.2, в силу своего положения являются экс-официальными членами ИК НОК, в котором они имеют право голоса. Более того, члены МОК, избранные в МОК по принципу географического представительства (в целом МОК как организация (общественная — с точки зрения законодательства Российской Федерации) состоит из 115 членов, 70 из которых представляют различные регионы планеты (это и есть географическое представительство, напомним, что представителей отдельных стран в МОК нет; но, конечно, у каждого члена МОК есть гражданство того или иного государства), 15 — это квота для руководителей национальных олимпийских коми-

тетов и их ассоциаций, признанных МОК (например, АНОК — всемирная ассоциация, или ЕОК — европейские олимпийские комитеты, или ОКА — олимпийские комитеты Азии и т.д.), 15 — это квота для руководителей международных спортивных федераций, о которых речь пойдет ниже, и 15 — это квота для действующих спортсменов-олимпийцев), в обязательном порядке должны быть включены в высший коллегиальный исполнительный орган НОК (в ОКР это исполком ОКР). Такое же требование выдвигается к НОК и в отношении действующих спортсменов — членов МОК.

Далее, в НОК должны быть представлены (иметь членство) все национальные спортивные федерации, являющиеся членами олимпийских международных спортивных федераций (речь идет о тех международных спортивных федерациях, которые официально признаны МОК и, как следствие, представляемые ими виды спорта включены в программу Олимпийских игр). В НОК также должна быть специальная квота для представительства действующих спортсменов, т.е. часть членов каждого НОК — это действующие спортсмены-олимпийцы.

Общее требование к организации внутреннего управления НОК состоит в том, что представители национальных олимпийских спортивных федераций должны иметь большинство в высшем органе НОК (в Российской Федерации, поскольку в соответствии с нормами действующего законодательства об общественных объединениях все субъекты, наделенные правом саморегулирования

в сфере спорта, создаются в организационно-правовой форме общественных организаций, — это общее собрание членов). Более того, при рассмотрении любых вопросов, связанных с Олимпийскими играми, только указанные представители спортивных федераций вправе принимать юридически значимые решения.

Общее требование к взаимоотношениям НОК и органов публичной власти сводится к тому, что «правительства или иные органы государственной власти не могут назначать членов НОК. Однако НОК может по своему усмотрению принять решение об избрании в качестве своих членов представителей этих властей» (п. 4 правила 28 Олимпийской хартии).

Одним из требований к НОК со стороны, которое в последнее время стало одним из проблемных, является требование о том, что «территориальная юрисдикция НОК должна совпадать с границами страны, в которой он находится и имеет свою штаб-квартиру» (п. 5 правила 28 Олимпийской хартии). Здесь подход МОК вполне может быть описан не вполне юридическим термином «произвол»: например, МОК признает олимпийские комитеты Гонконга и Тайваня и при этом, несомненно, признает и в последние годы активно предоставляет право проведения Олимпийских игр Олимпийскому комитету КНР. В соответствии с процитированным правилом юрисдикция Олимпийского комитета КНР должна распространяться и на территорию Гонконга, и на территорию Тайваня (международно признанные

границы Китая), и, в связи с этим, признание как НОК Гонконга, так и НОК Тайваня должно быть, безусловно, прекращено, а спортсмены этих территорий должны иметь право выступать на олимпийских играх или в составе олимпийской сборной КНР или в качестве нейтральных атлетов. Но этого, как мы видим, не происходит. Более того, МОК на сегодняшний день признает 206 национальных олимпийских комитетов, в то время как стран на нашей планете сегодня менее 200. Еще более сложная ситуация с Российской Федерацией, в состав которой не так давно совершенно свободно, добровольно, на основе международно признанных принципов (право народа на самоопределение, референдум как высшая форма народного волеизъявления) вошли несколько новых регионов. Однако МОК категорически отказывается признавать новые границы ОКР, более того, на сегодняшний день формальная приостановка признания ОКР связана с тем, что в его состав были включены представители этих новых регионов.

Итак, взаимоотношения МОК и государств в сфере спорта носят весьма поверхностный и формальный характер и основываются на принципах автономии, отделения (с точки зрения МОК) спорта от государства. По сути, единственный вопрос, в решение которого очень серьезно вовлечен МОК каждый раз при проведении Олимпийских игр, — это вопрос о налогообложении тех работ, услуг, а также тех товаров, которые производятся, оказываются, создаются, перемещаются,

ся в рамках олимпийского проекта. Вопросы налогообложения каждый раз специально оговариваются в контракте с городом-организатором (даже несмотря на то, что уровень муниципальной власти явно не впра-

ве регулировать вопросы государственной системы налогов). И в этом вопросе государства иногда идут навстречу МОК (устанавливая для него и других субъектов спорта налоговые льготы), но иногда и нет.

Литература

1. Алексеев С.В. Олимпийское право. Правовые основы Олимпийского движения / С.В. Алексеев ; под редакцией Крашенинникова П.В. Москва : Закон и право, 2010. 687 с.
2. Барский К.М. Мировой спорт: правовое регулирование, позиционирование, коммуникации / К.М. Барский, Е.А. Бухаров, Цзыпу Ван [и др.] ; под общей редакцией Н.Л. Пешина, А.В. Мальгина. Москва : Аспект пресс, 2024. 737 с.
3. Пешин Н.Л. О статусе и юрисдикции Спортивного арбитражного суда в Лозанне / Н.Л. Пешин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 125–139.
4. Пешин Н.Л. Противодействие коррупции в спорте: баланс интересов государств и международных спортивных организаций / Н.Л. Пешин // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 34–38.

References

1. Alekseev S.V. Olimpiyskoe pravo. Pravovy'e osnovy` Olimpiyskogo dvizheniya [Olympic Law. Legal Fundamentals of the Olympic Movement] / S.V. Alekseev ; pod redaktsiey Krasheninnikova P.V. Moskva : Zakon i pravo — edited by P.V. Krasheninnikov. Moscow : Act and Law, 2010. 687 s.
2. Barsky K.M. Mirovoy sport: pravovoe regulirovanie, pozitsionirovanie, kommunikatsii [Global Sports: Legal Regulation, Positioning, Communications] / K.M. Barsky, E.A. Bukharov, Zipu Wang [i dr.] ; pod obschey redaktsiey N.L. Peshina, A.V. Malgina. Moskva : Aspekt press — K.M. Barsky, E.A. Bukharov, Zipu Wang [et al.] ; under the general editorship of N.L. Peshin, A.V. Malgin. Moscow : Aspect Press, 2024. 737 s.
3. Peshin N.L. O statuse i yurisdiksiy Sportivnogo arbitrazhnogo suda v Lozanne [On the Status and Jurisdiction of the Court of Arbitration for Sport in Lausanne] / N.L. Peshin // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya — Journal of Foreign Laws and Comparative Legal Studies. 2019. № 5. S. 125–139.
4. Peshin N.L. Protivodeystvie korrupsii v sporte: balans interesov gosudarstv i mezh-dunarodny`kh sportivny`kh organizatsiy [Combating Corruption in Sports: A Balance of Interests of States and International Sports Organizations] / N.L. Peshin // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2017. № 10. S. 34–38.

Чтобы в режиме реального времени получить информацию о статусе статьи, необходимо отправить с Вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru

Некоторые юрислингвистические особенности источников уголовного права и уголовного процесса арабских государств

Цыплакова Алёна Дмитриевна,
преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики Московского государственного института
международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru

В статье представлены некоторые юрислингвистические особенности используемой терминологии в нормативно-правовой базе арабских стран с опорой на специфику исламского шариата (араб. «الشريعة الإسلامية»; аш-шари'ату аль-исляимийяту) при изучении источников права, их иерархии и отдельных юридических конструкций в уголовном праве и уголовном процессе. Обозначение самих источников на арабском языке имеет собственные оттенки. При проведении исследования за основу взяты несколько представителей каждого субрегиона Арабского Востока, однако в первую очередь внимание уделено регулированию Королевства Саудовская Аравия, Объединенных Арабских Эмиратов, Арабской Республики Египет как новых участников стратегического объединения БРИКС, а также государствам, подавшим заявку на присоединение или ставшим партнерами.

Ключевые слова: исламский шариат, уголовный процесс арабских государств, уголовное право арабских государств, лингвоправоведение.

С учетом того, что с 1 января 2024 г. в состав БРИКС вошли Объединенные Арабские Эмираты (далее — ОАЭ), Королевство Саудовская Аравия (далее — КСА)¹ и Арабская Республика Египет (далее — АРЕ), а ряд государств, в частности Алжирская Народная Демократическая Республика (далее — АНДР), подали заявку на присоединение к объединению и стали партнерами, с точки зрения укрепления международного сотрудничества в борьбе с преступностью особый интерес представляет исследование уголовного права

и уголовного процесса *арабских* государств. При изучении таковых необходимо учитывать две особенности: характеристику исламского шариата и специфику аутентичной терминологии.

Исламский шариат (араб. «إسلامية» «الشريعة الإسلامية»; аш-шари'ату аль-исляимийяту) включает в себя регулирование как исполнения религиозных обязанностей — «*убаадатун*» (араб. «عبادة»), — так и взаимоотношения людей, т.е. «*му'амалатун*» (араб. «معاملات»)². Он включает в себя догму

¹ КСА до сих пор не приняло и не отклонило приглашение на вступление.

² Сюкияйнен Л.Р. О правовой природе шариата и его взаимодействии с европейским правом // Ислам на постсоветском пространстве. Взгляд изнутри. М., 2001. С. 15.

(араб. «*كلام*», *каляямун*), этику (араб. «*اخلاقية*», *ахлякьятун*³) и практику, или науку о правилах и сами правила, т.е. «*фикгун*»/«*фикхун*» (араб. «*فقه*»). Это слово образовано от глагола «*факыга*» (араб. «*فقه*»), что обозначает «понимать», «знать» или «быть сведущим». Фикх представляет собой знание практических юридических решений, а также служит поведенческими указателями⁴.

В аутентичных текстах нормативно-правовых актов арабских государств в качестве источника при вынесении решений указываются «нормы исламского шариата». В соответствии со ст. 7 и 94 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов от 18 июля 1971 г. (с измен. № 1 от 10.02.1972, № 1 от 26.11.1976, № 2 от 28.11.1976, № 1 от 07.11.1981, № 1 от 15.10.1986, № 1 от 28.10.1991, № 1 от 02.12.1996, № 1 от 10.01.2004, № 1 от 10.02.2009)⁵, а также в соответствии со ст. 1 Федерального закона ОАЭ № 3 от 26 мая 1983 г. «О федеральной судебной власти» (в ред.

Федерального Декрета ОАЭ № 18 от 29.08.2019)⁶, судьи полагаются на шариат, закон и собственные убеждения. При этом в Федеральном декрете-законе ОАЭ № 32 от 3 октября 2022 г. «О федеральной судебной системе»⁷ нет указания на исламский шариат.

Согласно нормам ст. 23 Основного низама КСА (указа короля КСА от 01.03.1992 № А/90; далее — Основной низам КСА)⁸ и в ст. 1 указа короля КСА № М/64 от 23 июля 1975 г. «О судебной власти» (в ред. от 29.06.2022)⁹ суды обязаны применять шариат.

Любопытно, что в арабоязычной юридической литературе в 50-х годах указывалось, что исламская юриспруденция (араб. «*الفقه الإسلامي*»; *аль-фикгу аль-ислямийяту*) имела приоритетное и основное значение в уголовных делах до конца XIX в.; только в Королевстве Саудовская Аравия и Йеменском Мутавакки-

³ Для разграничения произношения твердых и мягких согласных используются «ы» и «о». Хотя в арабском языке существуют только три гласных звука (гласных букв нет!), обозначаемых соответствующими огласовками «а» (фатха), «и» (кясра) и «у» (дамма), в сочетании они могут звучать по-иному.

⁴ عبد الله الخلفي. مصادر فقه الصحابة والتابعين ودورها في الأنظمة السعودية عبد الرحمن بن عبد الرحيم [Абдул Рахман бин Абдулла Аль-Хулэйфи. Источники судебной практики соратников и последователей и их роль в саудовских режимах] // Журнал исламских этюдов и академических исследований. 2016. № 11 (68). С. 24 (на араб. яз.); Сюкияйнен Л.Р. Основы теории исламского права: учебн. пособ. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. С. 12.

⁵ دستور دولة الإمارات العربية المتحدة [Конституция Объединенных Арабских Эмиратов] // Официальный портал законодательства Объединенных Арабских Эмиратов. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/ar/legislations/1000?keyword=constitution> (дата обращения: 14.10.2024).

⁶ مرسوم بقانون اتحادي في شأن السلطة القضائية الاتحادية [Федеральный декрет-закон «О федеральной судебной системе»] // Официальный портал законодательства Объединенных Арабских Эмиратов. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/ar/legislations/1570> (дата обращения: 14.10.2024).

⁷ قانون اتحادي رقم ١٩٧٣ م في شأن السلطة القضائية الاتحادية [Федеральный закон № 3 1983 г. «О федеральной судебной власти»] // Официальный портал прокуратуры эмирата Дубай. URL: <https://rakpp.rak.ac/en/Laws/Laws%20of%20the%20United%20Arab%20Emirates/Laws/%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%84%D8%B7%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%B6%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D8%A9.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).

⁸ النظام الأساسي للحكم [Основной низам правления] // Бюро экспертов Совета министров Королевства Саудовской Аравии. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/16b97fcb-4833-4f66-8531-a9a700f161b6/1> (дата обращения: 14.10.2024).

⁹ نظام القضاء [Судебный низам] // Бюро экспертов Совета министров Королевства Саудовская Аравия. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/ea1765a3-dec3-41a0-a32f-a9a700f26d58/1> (дата обращения: 18.09.2024).

литском Королевстве¹⁰ сохранилась не просто связь с исламским шариатом, а ее непосредственное применение¹¹. В остальных арабских государствах активно восприняты модели европейских кодексов — либо французская (например, в Королевстве Марокко, Ливанской Республике и Сирийской Арабской Республике), либо английская с производными индусскими и суданскими элементами (например, Республика Ирак и Иорданское Хашимитское Королевство), или же они пошли по сбалансированному пути (самый яркий пример — АРЕ). Велико значение и османского наследия, в частности для Ирака, Ливана, Сирии и Марокко¹². Конечно, на современном этапе нельзя умалять тесную связь законодательства с исламским шариатом¹³.

Согласно Конституции Государства Катар от 8 июня 2004 г.¹⁴, ст. 2 и 60 Основного Закона государства Султаната Оман, утвержденного указом султана Омана № 101/96, с поправками, утвержденными указом султана Омана № 99/2011¹⁵, ст. 2

Конституции Королевства Бахрейн от 6 декабря 1973 г. с поправками от 14 февраля 2002 г.¹⁶, ст. 2 Конституции Государства Кувейт от 11 ноября 1962 г.¹⁷, нормы исламского шариата являются основным источником «*ташири'аатун*», или законодательства (араб. «*تشريعات*»), а судебные решения выносятся на основании «*кануунун*», или законов (араб. «*قانون*»).

Право же обозначается термином «*хукуукун*» (араб. «*حُقوق*»), а термин «*коддоун*» (араб. «*قضاء*»), образованный от «*када*»/«*кодо*» (араб. «*قضى*»), может обозначать юриспруденцию, судопроизводство, выполнение или проведение и юстицию.

Изучение аутентичной терминологии, используемой в нормативно-правовой базе арабских государств, не только представляет интерес с переводческой точки зрения, но и подчас имеет решающее значение при определении источников уголовного права и уголовного процесса, а также их иерархии.

В официальных переводах на английский язык зачастую встречается термин «*code*», однако необходимо учитывать особенности отдельных правовых систем. Так, например, согласно ст. 1 Основного низама КСА, Священная Книга Коран (*аль-Куран*) и Сунна пророка Мухаммада (бук-

¹⁰ Просуществовало до 1962 г.

¹¹ В отношении КСА эта тенденция сохраняется и по сей день, что подтверждается в доктрине. См. подробнее: Абдул Рахман бин Абдулла Аль-Хулэйфи. Указ. соч. С. 85.

¹² توفيق شاوي. محاضرات في التشريع الجنائي في الدول العربية [Тауфик Шави. Лекции по уголовному законодательству в арабских государствах]. Каир : Арабский государственный университет, 1954. С. 7–8.

¹³ جلال ثروت، سليمان عبد المنعم. أصول المحاكمات الجزائية الدعوى الجنائية [Джалат Тарват, Сулейман Абдель-Маныйм. Принципы уголовного процесса. Уголовное дело]. Бейрут : Арабский фонд исследований и публикаций, 1996. С. 30.

¹⁴ إصدار الدستور الدائم لدولة قطر [Конституция Государства Катар от 08.06.2004] // Al-Meezan. URL: <https://www.almeezan.qa/LawPage.aspx?id=2284&language=ar> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁵ النظام الأساسي للدولة [Основное положение государства] // Министерство юстиции и правовым вопросам султана Омана. URL: <https://>

mja.gov.om/basicstatute.aspx# (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁶ دستور مملكة البحرين [Конституция Королевства Бахрейн] // Маджлис Аш-шура Королевства Бахрейн. URL: <https://www.shura.bh/ar/legislativeresource/constitution/pages/default.aspx> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁷ دستور دولة الكويت ومذكرته التفسيرية [Конституция Государства Кувейт и пояснительный меморандум] // Официальная база законодательства Государства Кувейт. URL: <https://e.gov.kw/sites/kg0English/Forms/DastoorKuwait.pdf> (дата обращения: 18.09.2024).

важно с араб. — предание, обычай, практика) являются конституцией — единственным законом. В аутентичных текстах применяется именно термин «низамун» (араб. «نظام»), или положение, как бы подчеркивая их производный характер. Они, как и некоторые подзаконные акты, зачастую могут приниматься в форме указов короля (араб. «أمر»; *амрун*), однако форма в данном случае не всегда репрезентативна и позволяет разграничивать, поэтому целесообразно ориентироваться на наименование актов.

Как указывается арабоязычными исследователями, обозначение самого уголовного закона различается от страны к стране:

— карательный закон (араб. «العقوبات قانون»; *кануну аль-ук 'убаати*) — АНДР¹⁸, АРЕ¹⁹, Сирийская Арабская Республика, Иорданское Хашимитское Королевство, Государство Ливия, Государство Катар²⁰, Ливанская Республика, Королевство Бахрейн, Республика Ирак;

— уголовный закон (араб. «الجناي القانون» или «قانون الجزاء»; *аль-кануну*

аль-джазааийю или *кануну аль-джазааи*²¹) — Государство Кувейт, Султанат Оман;

— закон о преступлении (араб. «القانون الجنائي»; *аль-кануну аль-джинааийю*) — Королевство Марокко, Республика Судан.

Каждый из подходов имеет свои достоинства и недостатки. Несмотря на то что *аль-кануну аль-джинааийю* наиболее широко используется в юридической литературе с упором на преступность, превалирующим все же является *кануну аль-ук 'убаати*, тем самым сосредоточивая внимание на наказании. При этом, по мнению арабоязычных исследователей, разница между *аль-кануну аль-джинааийю* и *аль-кануну аль-джазааийю* состоит в расстановке акцентов: *аль-джазааийю* более нейтрально и охватывает правонарушения различных категорий и, как следствие, наказаний разного характера, в то время как *аль-джинааийю* подразумевает уголовное деяние, как бы оставляя за скобками проступки и правонарушения²². Стоит же, однако, отметить, что по своему содержанию законы указанных стран следуют традициям, не всегда совпадающим с лингвистической точкой зрения.

Примечательно, что в наименованиях Федерального декрета-закона ОАЭ № 31 от 20 сентября

¹⁸ الموافق لـ ٨ يونيو سنة ١٩٦٦ يتضمن قانون العقوبات المعدل والمتمم ١٣٨٦ الأمر رقم ١٥٦-٦٦ المؤرخ في ١٨ صفر عام ١٣٨٦ من 18 فبراير 1386 г. (хиджра), что соответствует 8 июня 1966 г., включающий в себя измененный и дополненный уголовный закон] // Поисквая система алжирского права. URL: <https://legisdz.com/ar/LawTexts/alamr-rqm-66-156-almwrkh-fy-18-sfr-am-1386-almwafq-l8ywnw-snt-1966-ytdmn-qanwn-alqwbw> (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁹ ١٩٣٧ آخر تعديل ١٥ أغسطس ٢٠٢١ بالقانون ١٤١ لسنة ٢٠٢١ [Уголовный закон АРЕ № 58 от 1937 г. в ред. закона АРЕ № 141 от 2021 г.] // Юридические публикации. URL: <https://manshurat.org/node/14677> (дата обращения: 18.09.2024).

²⁰ قانون رقم ١١ لسنة ٢٠٠٤ بإصدار قانون العقوبات [Закон Государства Катар № 11 от 10 мая 2004 г. «Наказания»] // Законодательство база государства Катар Al-Meezan. URL: <https://www.almeezan.qa/LawPage.aspx?id=26&language=ar> (дата обращения: 18.09.2024).

²¹ В первом случае существительное и прилагательное находятся в определенном состоянии и имеют одинаковый падеж, в то время как во втором образована идафа, т.е. второе слово находится в зависимом состоянии.

²² Рубах Ф. Лекции по общему уголовному праву: публикации занятий для студентов 2-го курса // Факультет права и политических наук Университета Мухаммада Ламина Дебагина. 2018–2019. URL: https://fdsp.univ-setif2.dz/images/2019-2018_2.pdf (дата обращения: 18.09.2024) (на араб. яз.). С. 5–6.

2021 г.²³ и Закона Республики Йемен № 12 от 1994 г. содержится указание как на преступления, так и на наказания (араб. «*قانون الجرائم والعقوبات*»; кануну аль-джарааими²⁴ ва-ль-’кубаати).

Именно термин «кодекс», или «маджаллятун» (араб. «*مجلة*»), характерен для стран Северной Африки (например, для Королевства Марокко, хотя и скорее в контексте регулирования гражданских правоотношений). Исключительным случаем является Уголовный кодекс Тунисской республики (араб. «*المجلة الجزائية*» — аль-маждаляту аль-джазааийюту).

Наименование акта имеет свою специфику при сопоставлении с законодательством стран различных субрегионов Арабского Востока: в случае с Уголовным законом АНДР «амрун», или «указ», «приказ», «декрет», имеет силу именно нормативного акта, в то время как, например, в ОАЭ, АРЕ или Королевстве Бахрейн понятием «амрун» обозначаются чаще правоприменительные акты по типу приказов прокуратуры об оперативном сохранении данных, о блокировке незаконного контента и/или ограничении доступа к нему в информационно-телекоммуникационной сети Интернет²⁵.

Например, наименование Положения КСА от 26 ноября 2013 г. (в ред. указа короля КСА от 30.12.2021)²⁶ дословно переводится как «шариатское судопроизводство» (араб. «*الشرعية نظام المرافعات*»; низааму аль-мураа-фа’ату аш-шар’ьяту), хотя по объему оно охватывает фактически гражданский процесс. Тем не менее в части уголовного процесса его нормы применимы в части отвода судей, вручение судебных документов. Этот принцип был заложен еще в указе Короля Саудовской Аравии № М/21 от 19 августа 2000 г. «О производстве в шариатских судах». С одной стороны, в нем содержались принципы установления юрисдикции по гражданским, семейным, банкротным и другим спорам. По общему правилу, он не должен был применяться к уголовным делам. С другой — ст. 128 и 221 Положения КСА от 26 ноября 2013 г. «О шариатском судопроизводстве» допускало применение данного королевского указа, поскольку дела могут рассматриваться также специальными уголовными судами²⁷. Подобный подход объясняется в арабской юридической литературе общей теорией происхождения процедур и источников (араб. «*النظرية العامة للأصول (أو الإجراءات)*»)²⁸.

Moscow : Publishing House Gorodets, 2024. P. 37–38.

²³ Мرسوم بقانون اتحادي رقم (31) لسنة 2021 بإصدار قانون الجرائم والعقوبات [Федеральный декрет-закон № 31 от 20 сентября 2021 г. «Преступления и наказания»] // Официальный сайт Комитета министров ОАЭ. URL: <https://laws.uaecabinet.ae/ar/materials/law/1529?page=1> (дата обращения: 18.09.2024).

²⁴ Термин джарааими (араб. «*جرائم*») — множественное число от джариматун (араб. «*جرية*») — является синонимом аль-джинааийю.

²⁵ Collecting Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Foreign Countries: Experiences and Problems: Monograph / editors S.P. Shcherba (Russian ed.) and P.A. Litvishko (English ed.).

²⁶ [Положение «О шариатском судопроизводстве»] // Бюро экспертов Совета министров Королевства Саудовская Аравия. URL: <https://laws.moj.gov.sa/legislation/BSPmJ6nC4Juj8iFGXrRasA==> (дата обращения: 18.09.2024).

²⁷ الحق في محاكمة جنائة عادلة في المملكة العربية السعودية: دراسة تقييمية. [Абдул Аль-Хамид бин Абдулла Аль-Харкан. Право на справедливое уголовное разбирательство в Королевстве Саудовская Аравия: оценочное исследование] // Журнал университета короля Сауда. 2010. № 22 (2). С. 270.

²⁸ Джалат Тарват, Сулейман Абдель Аль-Маныйм. Указ. соч. С. 9.

Исламский шариат стремится к тому, чтобы решения основывались на ясном и точном источнике. Если в Священной книге или Сунне не находится ответа, судья обращается к общим принципам, в том числе принесению пользы (с араб. «**جلب المصالح**» дословно — обеспечение интересов), устранению коррупции или расточительства (араб. «**درء المفساد**»), достижению справедливости (араб. «**تحقيق العدل**»), а также к постановлениям, вынесенным на основании усилий исламской юриспруденции и доказательств. Однако имеет место и собственное усмотрение²⁹.

Если судья вынес решение, в отношении которого он изменил свое решение в тот же день, избрав более верный путь к правосудию, это не должно мешать ему отойти от него и рассмотреть новое аналогичное дело по-другому, пытаясь установить справедливость. Он не должен каждый раз принимать во внимание прежнее суждение, ведь оно не подвержено влиянию времени, и ничто не делает его недействительным, поэтому лучше снова обратиться к вер-

ному пути, отказавшись от прежнего мнения, чем упорствовать в отстаивании неправильного³⁰. Отсюда следует, что каждая ситуация считается уникальной.

При этом в декабре 2019 г. в ОАЭ была учреждена Комиссия по унификации конфликтующих судебных принципов на основании Федерального закона ОАЭ № 10 от 19 декабря 2019 г. о регулировании отношений между федеральной и местной судебной властью³¹. Ее задача — гармонизация практики, унификация правил поведения и этики. Ее решения считаются *res judicata*, тем самым реализует англо-американский принцип *stare decisis*³².

При обобщении существующих точек зрения в отечественной, арабоязычной и иной зарубежной литературе можно представить источники права в арабских странах схематично следующим образом.

Отдельно стоит подчеркнуть необходимость осторожности при использовании официальных переводов на английский язык. Так, при употреблении отдельных понятий исследователи могут упускать грамматические особенности, позволяю-

²⁹ Зачастую в данном случае ссылаются на хадис 3592 из Сунан Абу Давуд: йеменского судью спрашивают, чем он будет руководствоваться при разрешении дела, если не найдется решения в книге Аллаха или Сунне Посланника Аллаха. Он ответил, что, приложив усилия, основываясь на Коране и Сунне, вынесет решение на основании собственного мнения. Тем не менее данный хадис считается да'иф (араб. «**ضعيف**»), т.е. слабым, поскольку он не удовлетворяет всем условиям приемлемости (проблема в звеньях цепи передачи или свидетелей), хотя очень многие правоведы упоминают его в своих книгах и полагаются на него. التشريعات العربية المعاصرة دراسة تأصيلية في ضوء الشريعة الإسلامية [Гиям Исмаил Ас-Сахмави. Судебный прецедент. Фундаментальное исследование современного арабского законодательства в свете исламского права] // Юридический журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 10 (1). С. 361.

³⁰ Al-Jawziyya ibn Qayyim. The Invocation of God (translated by M. Abdurrahman Fitzgerald and Youssef Slitine). London : Islamic Text Society, 2001. P. 81.

³¹ تنظيم العلاقات القضائية بين السلطات القضائية الاتحادية والمحلية [Федеральный закон, регулирующий судебные отношения между федеральными и местными судебными органами] // Официальная онлайн-база законодательства ОАЭ. URL: https://elaws.moj.gov.ae/UAE-MOJ_LC-En/00_JUDICIARY/UAE-LC-En_2019-12-19_00010_Kait.html?val=EL1 (дата обращения: 14.10.2024).

³² Abuwasel M. High Judicial Commission issues first UAE stare decisis order: concept of absolute invalidity, doctrine of apparent circumstances, and standard of good faith // Wasel & Wasel. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=52725ac6-7316-45bd-980c-8139c9b96cc8> (дата обращения: 18.09.2024).

Рисунок № 1. Система источников уголовного процесса в арабских государствах

шие разграничить объемы исследуемых правовых явлений. Примером служит повсеместное обозначение киберпреступлений в официальных переводах на английском языке как *cybercrime* (киберпреступления), отличающееся от оригинала.

Сложности при сопоставлении аутентичных наименований и привычных юридических конструкций можно продемонстрировать на примере антиотмывочного законодательства и такой формы международного сотрудничества в борьбе с преступностью, как розыск, арест, конфискация и возврат активов из-за рубежа. Для того чтобы определиться с тем, какие активы могут предметом наложения ограничительных мер и последующего возврата, необходимо определиться с понятийным аппаратом. В междуна-

родных документах и их официальных переводах нет единства, из-за чего возникают трудности³³. Сходная ситуация прослеживается и в национальном законодательстве, поскольку применимы различные термины, в частности «*маалюн*» (араб. «*مال*»).

Оно упоминается в гл. 7 разд. 8 кн. 2 ФДЗ ОАЭ № 31-2021, ч. 3 Уголовного закона Государства Катар, Федерального декрета-закона ОАЭ № 20 от 23 сентября 2018 г. «О противодействии отмыванию денег и борьбе с финансированием терроризма и деятельности незаконных организаций» (в ред. ФДЗ ОАЭ № 26-2021)³⁴

³³ Кунев Д.А. Возврат из-за рубежа преступных активов: теория и практика : учебн. пособ. / под науч. ред. А.Г. Волеводза. М. : Прометей, 2021. С. 64–87.

³⁴ Федеральный Декрет-закон ОАЭ № 20 от 2018 г. «О противодействии отмыванию денег и борьбе с финансированием терроризма и деятельности

Таблица 1

Сравнение аутентичных наименований киберпреступлений с авторским переводом на русский язык

№	Государство	Наименование киберпреступления на арабском языке (официальный текст)	Наименование киберпреступления на английском языке (официальный текст)	Наименование киберпреступления на русском языке (авторский перевод с арабского языка)
1	ОАЭ	الجرائم الإلكترونية	Cybercrimes	Электронные преступления
2	КСА	جرائم المعلوماتية	Cybercrimes	Преступления в сфере информатики
3	АРЕ, Государство Кувейт, Султанат Оман, Королевство Бахрейн	جرائم تقنية المعلومات	Cybercrimes; Information Technology Crimes	Преступления в сфере информационных технологий
4	Доктрина и практика	الجرائم المعلوماتية	Cybercrimes	Информационные преступления

и переводится на русский язык как деньги, богатство, собственность, капитал или финансы в зависимости от контекста³⁵. Хотя животное не включается в категорию *маалун*, приравниваясь к живому существу³⁶, составы, связанные с посягательством на них, включены в подобные

незаконных организаций» // Министерство экономики ОАЭ. URL: <https://www.moec.gov.ae/documents/2012/0/29%281%2018+الاموال+لسنة>.pdf/2287139a-68b6-de7d-672b-7d187b57a978?t=1644215517696 (дата обращения: 18.09.2024); Федеральный Декрет-закон ОАЭ № 26 от 2021 г., вносящий поправки в Федеральный Декрет-закон № 20 от 2018 г. «О противодействии отмыванию денег и борьбе с финансированием терроризма и финансированием незаконных организаций» // Министерство экономики ОАЭ. URL: <https://www.moec.gov.ae/documents/2012/0/2021+الاموال+غسل+مواجهة.pdf/ab7cb344-0cc4-60eb-54ee-f8385ac96df0?t=1646293201425> (дата обращения: 18.09.2024).

³⁵ Баранов Х.К. Арабско-русский словарь / под ред. В. Костина. М., 2007. С. 739.

³⁶ What are the rights of animals in Islam? // Dār al-Iftā' wal 'Aqā'id. URL: <https://www.ifta.org.uk/blog/animal-rights> (дата обращения: 18.09.2024).

разделы уголовных законов арабских стран, что свидетельствует о расхождении *ташир 'аатун* с доктриной.

При этом под рассматриваемое понятие не попадают виртуальные активы (дословно с араб. «الأصول الافتراضية» *аль-усуулю аль-ифтирадыйяту* — виртуальные или предполагаемые источники), но включается цифровое представление фиатных валют, ценных бумаг и других активов, согласно решению Совета министров ОАЭ № 111 от 12 декабря 2022 г. «Об организации виртуальных активов и поставщиков виртуальных услуг»³⁷. *Аль-амвалю* (араб. «الاموال»)³⁸ — активы независимо от способа их приоб-

³⁷ (111) لسنة 2022 بشأن تنظيم الأصول الافتراضية ومزودي خدماتها [Решение Совета министров ОАЭ № 111 от 12 декабря 2022 г. «Об организации виртуальных активов и поставщиков виртуальных услуг»] // Онлайн-база Совета министров ОАЭ. URL: <https://laws.uaecabinet.ae/ar/materials/law/1623> (дата обращения: 18.09.2024).

³⁸ Аль-амвалю — множественное число от маалун.

ретения, вида и формы, материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, электронные, цифровые или зашифрованные, включая национальную валюту, иностранную валюту, а также юридические документы и акты, независимо от их формы, включая электронную или цифровую форму, которые доказывают право собственности на эти активы, акции или права, связанные с ними, а также экономические ресурсы.

Тем самым следует учитывать, что понятие активов может обозначаться тремя терминами: *аль-амвалю*, *ма-алюн* и *аль-усуулю*.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, система источников уголовного права и уголовного процесса в арабских странах базируется

на исламском шариате и носит сложный комплексный характер ввиду влияния различных государств.

Во-вторых, с целью продуктивного изучения и практического применения знаний в сфере уголовного права и уголовного процесса арабских государств важно принимать во внимание не только принадлежность к правовой семье, но и специфику аутентичной терминологии. Она может иметь решающее значение при обозначении источников, а также при определении юридической силы акта и его содержания, охвата видов уголовно-наказуемых деяний и их элементов. Более глубокий анализ позволяет понять национальные особенности, что может способствовать более эффективному международному сотрудничеству в сфере борьбы с преступностью.

Литература

1. Абдул Аль-Хамид бин Абдулла Аль-Харкан. Право на справедливое уголовное разбирательство в Королевстве Саудовская Аравия: оценочное исследование [عبد الحميد بن عبدالله الحرقان. الحق في محاكمة جنانة عادلة في المملكة العربية السعودية: دراسة تقييمية] / Абдул Аль-Хамид бин Абдулла Аль-Харкан // Журнал университета короля Сауда. 2010. № 22 (2). С. 265–314 (на араб. яз.).
2. Абдул Рахман бин Абдулла Аль-Хулэйфи. Источники судебной практики соратников и последователей и их роль в саудовских режимах [الصحابة والتابعين ودورها في الأنظمة السعودية] / Абдул Рахман бин Абдулла Аль-Хулэйфи // Журнал исламских этюдов и академических исследований. 2016. № 11 (68). С. 17–92. (на араб. яз.).
3. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь / Х.К. Баранов ; под редакцией В.А. Костина. 3-е изд. Москва : Костин, 2007. 928 с.
4. Гиям Исмаил Ас-Сахмави. Судебный прецедент. Фундаментальное исследование современного арабского законодательства в свете исламского права [الشريعة الإسلامية] / Гиям Исмаил Ас-Сахмави // Юридический журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 10 (1). С. 318–406. (на араб. яз.).
5. Джалат Тарват. Принципы уголовного процесса. Уголовное дело [المحاكمات الجزائية الدعوى الجنائية] / Джалат Тарват, Сулейман Абдель Аль-Маныйм. Бейрут : Арабский фонд исследований и публикаций, 1996. 641 с. (на араб. яз.).
6. Кунев Д.А. Возврат из-за рубежа преступных активов: теория и практика : учебное пособие / Д. А. Кунев ; под научной редакцией А.Г. Волеводза. Москва : Прометей, 2021. 542 с.

7. Рубах Ф. Лекции по общему уголовному праву: публикации занятий для студентов 2-го курса / Ф. Рубах // Факультет права и политических наук Университета Мухаммада Ламина Дебагина. 2018–2019. URL: https://fdsp.univ-setif2.dz/images/2019-2018_مطبوعة_القانون_الجنائي_2.pdf (дата обращения: 18.09.2024) (на араб. яз.).
8. Сюкияйнен Л.Р. О правовой природе шариата и его взаимодействии с европейским правом / Л.Р. Сюкияйнен // Ислам на постсоветском пространстве. Взгляд изнутри / под редакцией А. Малашенко и М. Брилл Олкотт. Москва : Арт-Бизнес-Центр, 2001. С. 15–44.
9. Сюкияйнен Л.Р. Основы теории исламского права : учебное пособие / Л.Р. Сюкияйнен. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. 170 с.
10. Тауфик Шави. Лекции по уголовному законодательству в арабских государствах [توفيق شافي. محاضرات في التشريع الجنائي في الدول العربية] / Тауфик Шави. Каир : Арабский государственный университет, 1954. 140 с. (на араб. яз.).
11. Al-Jawziyya ibn Qayyim. The Invocation of God / Al-Jawziyya ibn Qayyim ; translated by M. Abdurrahman Fitzgerald and Youssef Slitine. London : Islamic Text Society, 2001. 202 p.
12. Arkhipova E.A. Collecting Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Foreign Countries: Experiences and Problems : monograph : translation from the Russian / E.A. Arkhipova, E.V. Bykova, S.P. Shcherba [et al.] ; eds. by S.P. Shcherba (Russian ed.) and P.A. Litvishko (English ed.). Moscow : Gorodets, 2024. 222 p.

References

1. Abdul Al-Hamid bin Abdullah Al-Hargan. Pravo na spravdlivoje ugovornoje razbiratelstvo v Koroletvstve Saudovskaya Araviya: otsenochnoje issledovanie [المملكة العربية السعودية: دراسة تقييمية] [The Right to a Fair Criminal Trial in the Kingdom of Saudi Arabia: An Evaluation Study] / Abdul Al-Hamid bin Abdullah Al-Hargan // Zhurnal Universiteta korolya Sauda — Journal of the King Saud University. 2010. № 22 (2). S. 265–314 (na arab. yaz. — in the Arabic language).
2. Abdul Rahman bin Abdullah Al-Khulaifi. Istochniki sudebnoy praktiki soratnikov i posledovately i ikh rol v saudovskikh rezhimakh [مصادر فقه الصحابة والتابعين ودورها في الأنظمة السعودية] [Sources of the Judicial Practice of Allies and Followers and Their Role in Saudi Regimes] / Abdul Rahman bin Abdullah Al-Khulaifi // Zhurnal islamskikh etyudov i akademicheskikh issledovaniy — Journal of Islamic Essays and Academic Studies. 2016. № 11 (68). S. 17–92. (na arab. yaz. — in the Arabic language).
3. Baranov Kh.K. Arabsko-russkiy slovar [An Arabic-Russian Dictionary] / Kh.K. Baranov ; pod redaktsiyey V.A. Kostina. 3-e izd. Moskva : Kostin — edited by V.A. Kostin. 3rd edition. Moscow : Kostin, 2007. 928 s.
4. Giyam Ismail As-Sahmawi. Sudebny`y pretsedent. Fundamentalnoje issledovanie sovremenno-go arabskogo zakonodatelstva v svete islamskogo prava [دراسة تأصيلية في ضوء الشريعة الإسلامية] [Legal Precedent. A Fundamental Study of Modern Arab Laws in View of Islamic Law] / Giyam Ismail As-Sahmawi // Yuridicheskiy zhurnal pravov`kh i ekonomicheskikh issledovaniy — Legal Journal of Legal and Economic Studies. 2018. № 10 (1). S. 318–406. (na arab. yaz. — in the Arabic language).
5. Jalal Tharwat. Printsipy` ugovalnogo protsesssa. Ugovnoje delo [أصول المحاكمات الجزائية الدعوى الجنائية] [Criminal Procedure Principles. Criminal Case] / Jalal Tharwat, Suleiman Abdel Al-Moneim. Beyrut : Arabskiy fond issledovaniy i publikatsiy — Beirut : Arab Fund of Studies and Publications, 1996. 641 s. (na arab. yaz. — in the Arabic language).
6. Kunev D.A. Vozvrat iz-za rubezha prestupny`kh aktivov: teoriya i praktika : uchebnoje posobie [Return of Criminal Assets from Abroad: The Theory and Practice : textbook] / D.A. Kunev ; pod nauchnoy redaktsiyey A.G. Volevodza. Moskva : Prometey — scientific editor A.G. Volevodz. Moscow : Prometheus, 2021. 542 s.

7. Rubakh F. Lektsii po obschemu ugolovnomu pravu: publikatsii zanyatij dlya studentov 2-go kursa [Lectures on General Criminal Law: Publications of Lessons for 2nd-Year Students] / F. Rubakh // Fakultet prava i politicheskikh nauk Universiteta Mukhammada Lamina Debaghine. 2018–2019. URL: https://fdsp.univ-setif2.dz/images/2019-2018_الجنائي_القانون_محاضرات_مطبوعة_2.pdf (data obrascheniya : 18.09.2024 — date of access : September 18, 2024) (na arab. yaz. — in the Arabic language).
8. Syukiyaynen L.R. O pravovoy prirode shariata i ego vzaimodeystvii s evropeyskim pravom [On the Legal Nature of Sharia and Its Interrelation with European Law] / L.R. Syukiyaynen // Islam na postsovetском prostranstve. Vzgl'yad iznutri / pod redaktsiei A. Malashenko i M. Brill Olcott. Moskva : Art-Biznes-Tsentr — Islam in the Post-Soviet Space. A View from the Inside / edited by A. Malashenko and M. Brill Olcott. Moscow : Art-Business-Center, 2001. S. 15–44.
9. Syukiyaynen L.R. Osnovy` teorii islamskogo prava : uchebnoe posobie [Fundamentals of the Islamic Law Theory : textbook] / L.R. Syukiyaynen. Sankt-Peterburg : Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta — Saint Petersburg : Publishing house of the Saint Petersburg University, 2019. 170 s.
10. Tawfiq Shawi. Lektsii po ugolovnomu zakonodatelstvu v arabskikh gosudarstvakh [Lectures on Criminal Laws of Arab States] / Tawfiq Shawi. Kair : Arabskiy gosudarstvenny`y universitet — Cairo : Arab State University, 1954. 140 s. (na arab. yaz. — in the Arabic language).
11. Al-Jawziyya ibn Qayyim. The Invocation of God / Al-Jawziyya ibn Qayyim ; translated by M. Abdurrahman Fitzgerald and Youssef Slitine. London : Islamic Text Society, 2001. 202 s.
12. Arkhipova E.A. Collecting Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Foreign Countries: Experiences and Problems : monograph : translation from Russian / E.A. Arkhipova, E.V. Bykova, S.P. Shcherba [et al.] ; eds. by S.P. Shcherba (Russian ed.) and P.A. Litvishko (English ed.). Moscow : Gorodets, 2024. 222 s.

Приглашаем к сотрудничеству по тематическим номерам!

Издательская группа «Юрист» успешно взаимодействует с ведущими вузами различных городов России по изданию тематических номеров, посвященных важным событиям и датам в профессиональной деятельности вузов, факультетов и кафедр.

Если вы желаете издать тематический номер, включающий статьи профессорско-преподавательского состава вашей кафедры, пишите нам на адрес: avtor@lawinfo.ru и мы будем рады сотрудничеству!

Критический анализ стереотипов о федеративном устройстве: контуры новых дискуссий исследователей и практиков государственного строительства в современной России.

Часть 3. Конъюнктурные стереотипы

Корольков Вадим Владимирович,
ассистент кафедры конституционного и муниципального права
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, глава дискуссионного клуба федералистов,
кандидат юридических наук
w.korolkov@mail.ru

В настоящем исследовании продолжается критическое осмысление наиболее известных стереотипов о федеративном устройстве, сложившихся в мировой доктрине. С позиций критического реализма анализируются конъюнктурные стереотипы, связанные с когнитивными искажениями под воздействием текущей политической повестки, к числу которых отнесены отождествление централизации с бесконтрольностью центральных государственных органов, представления об оптимальной численности субъектов, а также нормализация произвольных вмешательств вышестоящего уровня публичной власти. Выявленные таким образом проблемы значительно выходят за рамки вопросов федеративного устройства и могут быть обнаружены в других элементах предмета отечественного конституционного права.

Ключевые слова: федерализм, критический реализм, либерализм, социализм, консерватизм, государственное строительство.

В опубликованных ранее частях настоящей работы¹ были рассмотрены либеральные стереотипы о федерализме, характерные для общемировой доктрины федерализма, а также некоторые стереотипы, сложившиеся в советской доктрине и по сей день сохраняющие свое значение. Однако научная добросовестность требует подвергнуть

критическому анализу не только утверждения, в последнее время подверженные усиленной критике в академическом и особенно публичном дискурсе, но и ряд тезисов, набирающих популярность в связи с текущей политической обстановкой.

III. Конъюнктурные стереотипы

Фактически эти идеи отражают квазиконсервативные, псевдо-традиционалистские взгляды на судьбу российского государства как

¹ См. «Право между Востоком и Западом» № 3 за 2024 г.; № 4 за 2024 г.

институциональное воплощение «третьего русского пути». Будучи локальным проявлением общеевропейской романтической оппозиции прогрессизму и потому крайне сомнительной в своей исконности и «русскости»², сегодня, во времена обостренного запроса на политическую самоидентификацию российских граждан, эта идея и основанные на ней подходы, претендующие на научность, все чаще встречаются в публичном дискурсе. Таким образом, на замену не оправдавшей надежды советской интеллектуальной традиции и демонстративно отвергаемой западной интеллектуальной поп-культуре приходит суррогат собственной интеллектуальной традиции — своего рода интеллектуальный фольклор. В этой парадигме при сохранении реального содержания публичной власти меняются акценты при ее трактовке в научном дискурсе, что, в свою очередь, меняет характер и сферу ее осуществления. Иначе говоря, происходит мистификация политических отношений, влекущая за собой выведение предмета конституционного права из-под действия формальной (научной), институциональной, общеправовой и отраслевой логики.

Чаще всего это касается **отождествления централизации с бесконтрольностью центральных органов публичной власти**. Отечественные критики либеральной модели федерализма, рассматривающие децентрализацию как основание для усиления сепаратистских настроений,

² См. подробнее: «Особый путь»: от идеологии к методу / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева, А. Зорина. 2-е изд. М. : Новое литературное обозрение, 2023.

в целях сохранения государственности, укрепления стабильности территориального устройства и его поступательного расширения требуют передачи большего количества полномочий федеральным органам власти³. Именно угрозой сепаратизма и противодействием центробежным тенденциям 1990-х годов и была обусловлена централизация 2000–2010-х годов, получившая свое конституционное оформление в поправках 2020 г.⁴ Примечательно, что разработчики поправок комментировали включение в конституционный текст упоминания о «единой системе публичной власти» так, будто никакой системы публичной власти в России ранее и не существовало. «Необходимость конституционного подтверждения единства системы публичной власти в стране» была обусловлена «недостаточной скоординированностью» деятельности государственного и муниципального уровней власти, что было предложено исправить правовыми способами, ведь «под воздействием власти общественные отношения становятся целенаправленными, приобретают характер управляемых и контролируемых связей»⁵. Конституционный

³ См., например: Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2016. С. 522–672.

⁴ См. критический разбор проявления этих тенденций в реформе 2020 г.: Гриценко Е.В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 80–97.

⁵ Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. С. 207–214.

Суд РФ, анализируя соответствующие положения поправок, признал их соответствующими Конституции Российской Федерации⁶ (далее — Конституция РФ), увязывая единство системы публичной власти с понятием государственности⁷. В контексте реальной Конституции РФ контролируемое «единство» публичной власти сводится к единству воли ее руководства — Президента РФ, а управляемая «системность» воплощается в ограничении возможных форм осуществления публичной власти⁸.

Глобальный выбор цивилизации, к социальному аспекту которого, несомненно, принадлежит идея об организации общественных отношений на правовой основе, требует, чтобы с переходом публичных функций, составляющих позитивную политико-правовую ответственность, происходил и переход способности нести за их осуществление негативную политико-правовую ответственность. Обратное означало бы неоправданное усиление контроля над одним уровнем власти и его ослабление над другим, что в конечном счете привело бы к тотальной несбалансированности общественных отношений и подрыву самого

публичного интереса. Не оспаривая необходимость централизации для стабильного развития большой и непропорционально развитой территории России, следует осуществлять эту централизацию адекватными институциональными средствами, предусматривающими, прежде всего, усиление отчетности федеральных органов государственной власти. В этом контексте речь идет о пересмотре существующей процедуры отрешения Президента РФ от должности или лишения неприкосновенности после прекращения выполнения полномочий Президента РФ, расширение полномочий и усиление правового эффекта правовых позиций Конституционного Суда РФ, создание (ибо в настоящий момент мы вынуждены констатировать его отсутствие) института полноценного парламентского контроля, введение императивного начала в общественный контроль за органами государственной власти и местного самоуправления. Обсуждение и дальнейшее введение подобных инициатив не затронет собственно властное начало органов власти, не изменит содержания компетенции этих органов, однако создаст условия, при которых указанные органы будут осуществлять свои функции в публичном интересе вне зависимости от объема положительных качеств лиц, замещающих соответствующие должности.

Далее, одной из характерных форм мистификации федеративных отношений является **поиск оптимальной численности субъектов Федерации**. Одним из проявлений централизации в 2000–2020-х годах стали укруп-

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Пункт 7 Заключения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

⁸ Речь, прежде всего, идет о различных формах непосредственной демократии, которые не охватываются легальным определением публичной власти, содержащимся в ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс»).

нение субъектов и связанная с этим процессом дискуссия об оптимальной численности субъектов РФ. Сторонники усиления централизации утверждают, что большое количество субъектов РФ является неэффективной управленческой практикой, и, стремясь сократить это количество, называют различные оптимальные, на их взгляд, возможные числа субъектов РФ⁹. При этом остается неясным, на чем именно основываются подобные суждения: мировая практика федеративного строительства до сих пор иллюстрировала нам лишь один — минимальный — предел численности субъектов всякой федерации. Так, в литературе отмечается, что федерации, состоящие из двух субъектов, как правило, являются крайне неустойчивыми образованиями, поскольку в таких условиях государственное устройство как бы конституционализирует существующий конфликт интересов, перевес в котором всегда будет на стороне самого экономически и культурно сильного субъекта¹⁰. Следовательно, всякая федерация должна включать в себя не менее двух субъектов, а негативные последствия от их значительного увеличения можно нивелировать при помощи калибровки

федеративного представительства, распределения компетенции и иных институтов федерализма. И хотя порой среди сторонников «золотого числа» субъектов РФ звучат ссылки на науку управления, ограничивающую численность объектов управления 25¹¹, стоит согласиться с мнением А.С. Автономова о том, что субъекты РФ не являются объектами управления¹², что должно быть самоочевидным исходя из наименования этих публично-правовых образований. Безусловно, в рамках исключительной компетенции РФ ее субъекты представляют собой объекты управления, однако эта проблема должна решаться соответствующей организацией институтов самой РФ, не ставя под вопрос право на существование субъектов РФ.

Примечательно и то, что в ходе социологических исследований, последовавших за процессом укрупнения субъектов РФ в 2000-х годах, обнаружилось, что этот процесс не только не решил существовавшие проблемы, но и, наоборот, создал новые, понизив уровень жизни в регионах, отказавшихся от своей субъектности¹³. Таким образом, процесс объединения субъектов РФ, равно

⁹ См.: Добрынин Н.М. Новый федерализм. Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск: Наука, 2003. С. 260–313; Глигич-Золотарева М.В. Теория и практика федерализма: системный подход. Новосибирск: Наука, 2009. С. 507–529.

¹⁰ См., например: Vile M. Federation and Confederation: the Experience of the United States and the British Commonwealth // *Political Co-operation in Divided Societies* / ed. by D. Rea. Dublin: Gill and Macmillan, 1982. P. 222; O'Leary B. An Iron Law of Federations? A (neo-Diceyan) theory of the Necessity of a Federal Staatsvolk, and of Consociational Rescue. The 5th Ernest Gellner Memorial Lecture // *Nations and Nationalism*. 2001. Vol. 7. № 3. P. 284.

¹¹ Глигич-Золотарева М.В. Указ. соч. С. 504–505.

¹² Цитата по: Золотарева М.В., Хабриева Т.Я. Правовые основы изменения состава субъектов Российской Федерации // *Государство и право*. 2001. № 1. С. 94. См. также: Лексин И.В. Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 77–89; Ливеровский А.А. Исторические и правовые особенности субъектного состава Российской Федерации // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2001. № 1. С. 83–85.

¹³ См. подробнее: Объединение регионов Российской Федерации: социологические данные, глубинные интервью, сравнительный анализ / под ред. И.Ю. Окунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020.

как и лежащая в его основе идея об их оптимальной численности, является продуктом творчества интересантов федерального уровня, мало знакомых с реальными проблемами населения российских регионов. Отсутствие объективных данных и наличие субъективных интересов толкает их ради достижения конъюнктурных целей применять псевдонаучные, практически нумерологические аргументы. Для сохранения стабильности нашей Федерации необходимо признать подобные интеллектуальные практики несостоятельными.

Наконец, тенденцией, опасной для федерализма и конституционного строя в целом, превращенной квазиконсерваторами в полноценный стереотип, является **нормализация произвольных властных вмешательств**. Являясь закономерным продолжением бесконтрольной централизации, эта тенденция крайне редко подвергается критическому осмыслению и публичному обсуждению. К ее проявлениям можно отнести *дублирование особых правовых режимов для отдельных территорий*: в то время, когда отечественное конституционное право содержало в себе достаточное количество исключений из общего порядка управления для отдельных территорий на основе федерального закона, в Конституцию РФ в 2020 г. был введен институт федеральных территорий. Фактически же этот институт не в формально-юридическом, но в доктринальном понимании уже существовал ранее в виде закрытых административно-территориальных образований, наукоградов, пригра-

дных территорий, инновационных центров, территорий опережающего развития и т.д. Примечательно, что формально первая федеральная территория — «Сириус», — как отмечается, была учреждена, поскольку существовавшие модели особых территориальных единиц показали свою неэффективность¹⁴, а для учреждения два года спустя федерального технополиса «Эра» вновь понадобилось создавать новую организационную форму в федеральном законодательстве¹⁵. Таким образом, институт федеральных территорий, учрежденный для решения существующих проблем эффективности отдельных типов особых территориальных образований, не только не был применен для реорганизации уже существующих образований, но и не стал основой для организации новых образований в ближайшем будущем. При этом мы оставили за рамками такой немаловажный вопрос, как общий закон о федеральных территориях, без принятия которого будут непонятны формальные и материальные пределы, критерии и процедура учреждения федеральных территорий, которая в данный момент фактически осуществляется путем изъятия части территории у субъекта РФ на основании решения федерального законодательного органа.

¹⁴ Афанасьева О.Н., Сычев В.В. Институт федеральной территории как инструмент снижения рисков правового регулирования и раскрытия интеллектуального потенциала наукограда «Сириус» // Федерализм. 2022. № 4. С. 41–44.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 253-ФЗ «О Военном инновационном технополисе «Эра» Министерства обороны Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29. Ст. 4503.

Не менее важной проблемой является *увеличение массива федерального законодательства по вопросам совместного ведения*. Аргументы сторонников этой тенденции сводятся к необходимости федерального контроля за субъектами РФ в сфере совместного ведения в целях противодействия сепаратизму. Однако излишняя регламентация общественных отношений способна привести к их дисбалансу, а то и вовсе к ослаблению и прекращению. Эта практика не является проблемой для вертикально интегрированной партийной системы и связанной с ней бюрократии, рассматривающей подобное регулирование как усиление внутренней дисциплины, в то время как для лиц, не встроженных в эту систему, она представляет собой законное оформление произвола высшего уровня публичной власти. Подобная ситуация ведет к большому обособлению групповых интересов как несистемных элементов, становящихся все более радикальными и рассматривающих всякий публичный порядок как угрозу собственному существованию, так и интегрированных в такую систему элементов, отвечающих на современные вызовы еще большим обособлением и централизацией. В этой связи представляется, что требуются серьезный научный пересмотр существующих взглядов на сферу совместного ведения, создание прозрачных и сбалансированных механизмов для распределения полномочий в этой сфере компетенции.

Наконец, не может не вызывать опасений участвовавшая в последнее время практика *признания иностран-*

ными агентами депутатов законодательных органов субъектов РФ и представительных органов муниципальных образований. Представительное народовластие, федерализм и местное самоуправление как основы конституционного строя РФ требуют повышенного контроля за их реализацией, однако подобная практика, оправдываемая соображениями национальной безопасности, способна их подорвать. Ведь если ранее агентами иностранного влияния не были признаны многочисленные государственные служащие исполнительных органов, имеющие за рубежом значительные активы, то есть все основания усомниться в том, что воля иностранных инвесторов подобных лиц будет сильнее воли российских граждан, избравших эти лица на выборные должности. В этой связи представляется, что решение народа относительно своих представителей не должно перевешиваться решением чиновника из Министерства юстиции РФ, принимающего административное решение о присвоении этим лицам статуса иностранного агента. Обязанности, налагаемые вместе с этим статусом, зачастую мешают выполнять обязанности народных представителей, что, на наш взгляд, еще больше вредит публичному интересу, чем сохранение за такими лицами возможности свободно высказываться. Используемая как средство недобросовестной политической борьбы, эта практика должна быть ограничена посредством предоставления депутатам муниципального и регионального уровней больших гарантий на срок выполнения их полномочий.

Заключение

Глобальной целью настоящей работы было не представление ученому сообществу исчерпывающего перечня стереотипов о федеративном устройстве, бытующих в отечественной конституционно-правовой литературе, но выявление глубинных предпосылок, лежащих в их основе. Представленные выше стереотипы, хотя и отстаиваются сторонниками различных политических взглядов и научных школ, вместе с тем обладают общим интеллектуальным истоком — идеалистическим восприятием реальности. В либеральных стереотипах проявляется идеализация свободы выбора, навязываемой интеллектуальной поп-культурой западных стран; за советскими стереотипами скрывается идеализация социальной инженерии, характерная для советской интеллектуальной традиции; в современных конъюнктурных стереотипах при помощи интеллектуального фольклора происходит идеализация произвола. Наука, подверженная перечисленным когнитивным искажениям, не способна сообщать достоверные и адекватные сведения о социальной реальности, что, как следствие, негативно влияет на прогнозирование развития федеративных отношений и их последующее правовое регулирование. При этом очевидно, что проблема исходит не от представителей какой-то одной политической идеологии, но от различных интеллектуальных традиций, происходящих от глобальной философской установки о возможности объективного существования человеческого общежития на началах утопии.

В этом смысле важна не столько свобода, гарантируемая этой утопией, будь то свобода от внешнего воздействия, нужды или ответственности за собственный выбор, сколько сама идея о реальной возможности существования такой утопии.

Выявленные таким образом проблемы значительно выходят за рамки вопросов федеративного устройства и могут быть обнаружены в других элементах предмета отечественного конституционного права. Хотелось бы призвать уважаемое научное сообщество обратить на эти проблемы больше внимания и по возможности сделать их приоритетными направлениями дальнейших исследований. Сделать это необходимо, поскольку борьба с выявленными стереотипами не только будет полезна для стабилизации и гармоничного развития федеративных отношений, но и позволит бросить высвободившийся интеллектуальный потенциал теоретиков и практиков на формулирование, анализ и решение новых вызовов и проблем нашей федеративной государственности. При этом не следует бояться деконструировать категории, ранее считавшиеся конвенциональными, поскольку преодоление кризиса, возникшего ввиду невозможности противостоять новым вызовам старыми средствами, подразумевает разработку новых средств, новой политической конвенции. Однако без предварительного достижения конвенций в интеллектуальном поле, в науке их существование в политическом поле, в практике будет скоротечным или вовсе сомнительным.

Литература

1. «Особый путь»: от идеологии к методу / под редакцией Т. Атнашева, М. Велижева, А. Зорина. 2-е изд. Москва : Новое литературное обозрение, 2023. 483 с.
2. Афанасьева О.Н. Институт федеральной территории как инструмент снижения рисков правового регулирования и раскрытия интеллектуального потенциала наукограда «Сириус» / О.Н. Афанасьева, В.В. Сычев // Федерализм. 2022. № 4. С. 41–44.
3. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С.Н. Бабурин. Москва : Магистр : ИНФРА-М, 2016. 829 с.
4. Глигич-Золотарева М.В. Теория и практика федерализма: системный подход / М.В. Глигич-Золотарева. Новосибирск : Наука, 2009. 639 с.
5. Гриценко Е.В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года / Е.В. Гриценко // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 80–97.
6. Добрынин Н.М. Новый федерализм. Модель будущего государственного устройства Российской Федерации / Н.М. Добрынин. Новосибирск : Наука, 2003. 467 с.
7. Золотарева М.В. Правовые основы изменения состава субъектов Российской Федерации / М.В. Золотарева, Т.Я. Хабриева // Государство и право. 2001. № 1. С. 91–96.
8. Лексин И.В. Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы / И.В. Лексин. Москва : ЛЕНАНД, 2014. 432 с.
9. Ливеровский А.А. Исторические и правовые особенности субъектного состава Российской Федерации / А.А. Ливеровский // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 1. С. 83–85.
10. Объединение регионов Российской Федерации : социологические данные, глубинные интервью, сравнительный анализ : монография / под редакцией И.Ю. Окунева. Москва : Аспект Пресс, 2020. 205 с.
11. Хабриева Т.Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. 237 с.
12. O’Leary, B. An Iron Law of Federations? A (neo-Diceyan) theory of the Necessity of a Federal Staatsvolk, and of Consociational Rescue. The 5th Ernest Gellner Memorial Lecture / B. O’Leary // Nations and Nationalism. 2001. Vol. 7. Iss. 3. P. 273–296.
13. Vile, M. Federation and Confederation: the Experience of the United States and the British Commonwealth / M. Vile // Political Co-operation in Divided Societies: A Series of Papers Relevant to the Conflict in Northern Ireland / ed. by D. Rea. Dublin : Gill and Macmillan, 1982. P. 216–228.

References

1. “Osoby’y put’”: ot ideologii k metodu [The Special Path: From Ideology to Method] / pod redaktsiey T. Atnasheva, M. Velizheva, A. Zorina. 2-e izd. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — edited by T. Atnashev, M. Velizhev, A. Zorin. 2nd edition. Moscow : New Literary Overview, 2023. 483 s.
2. Afanasyeva O.N. Institut federalnoy territorii kak instrument snizheniya riskov pravovogo regulirovaniya i raskry’iya intellektualnogo potentsiala naukograda “Sirius” [The Federal Territory Institution as an Instrument of Mitigation of Legal Regulation Risks and Development of the Intellectual Potential of the Sirius Science City] / O.N. Afanasyeva, V.V. Sychev // Federalizm — Federalism. 2022. № 4. S. 41–44.

3. Baburin S.N. Mir imperiy: territoriya gosudarstva i mirovoy poryadok [The World of Empires: State Territory and World Order] / S.N. Baburin. Moskva : Magistr : INFRA-M — Moscow : Master : INFRA-M, 2016. 829 s.
4. Gligich-Zolotareva M.V. Teoriya i praktika federalizma: sistemny'y podkhod [The Theory and Practice of Federalism: The System Approach] / M.V. Gligich-Zolotareva. Novosibirsk : Nauka — Novosibirsk : Science, 2009. 639 s.
5. Gritsenko E.V. Federalizm i mestnoe samoupravlenie v svete rossiyskoy konstitutsionnoy reformy` 2020 goda [Federalism and Local Self-Government in View of the 2020 Constitutional Reform in Russia] / E.V. Gritsenko // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie — Comparative Constitutional Overview. 2020. № 4. S. 80—97.
6. Dobrynin N.M. Novy'y federalizm. Model buduschego gosudarstvennogo ustroystva Rossiyskoy Federatsii [New Federalism. A Model of the Future State Structure of the Russian Federation] / N.M. Dobrynin. Novosibirsk : Nauka — Novosibirsk : Science, 2003. 467 s.
7. Zolotareva M.V. Pravovy'e osnovy` izmeneniya sostava subyektov Rossiyskoy Federatsii [Legal Fundamentals for Changing the Constituent Entities of the Russian Federation] / M.V. Zolotareva, T.Ya. Khabrieva // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2001. № 1. S. 91—96.
8. Leksin I.V. Territorialnoe ustroystvo Rossii: konstitutsionno-pravovy'e problemy` [The Territorial Structure of Russia: Constitutional Law Problems] / I.V. Leksin. Moskva : LENAND — Moscow : LENAND, 2014. 432 s.
9. Liverovsky A.A. Istoricheskie i pravovy'e osobennosti subyektного sostava Rossiyskoy Federatsii [Historical and Legal Features of the Constituent Entities of the Russian Federation] / A.A. Liverovsky // Izvestiya vy'sshikh uchebny'kh zavedeniy. Pravovedenie — News of Higher Educational Institutions. Legal Studies. 2001. № 1. S. 83—85.
10. Obyedinenie regionov Rossiyskoy Federatsii: sotsiologicheskie dannye, glubinny'e intervyyu, sravnitelny'y analiz : monografiya [Uniting of Regions of the Russian Federation: Sociological Data, In-Depth Interviews, Comparative Analysis : monograph] / pod redaksiyey I.Yu. Okuneva. Moskva : Aspekt Press — edited by I.Yu. Okunev. Moscow : Aspect Press, 2020. 205 s.
11. Khabrieva T.Ya. Tematicheskii kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ “O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelny'kh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti” [A Topic-Based Commentary on Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 1-FKZ of March 14, 2020, On the Improvement of Regulation of Some Issues of Organization and Functioning of Public Government] / T.Ya. Khabrieva, A.A. Klishas. Moskva : Norma : INFRA-M — Moscow : Norm : INFRA-M, 2020. 237 s.
12. O'Leary B. An Iron Law of Federations? A (Neo-Diceyan) Theory of the Necessity of a Federal Staatsvolk, and of Consociational Rescue. The 5th Ernest Gellner Memorial Lecture / B. O'Leary // Nations and Nationalism. 2001. Vol. 7. Iss. 3. S. 273—296.
13. Vile M. Federation and Confederation: The Experience of the United States and the British Commonwealth / M. Vile // Political Co-Operation in Divided Societies: A Series of Papers Relevant to the Conflict in Northern Ireland / ed. by D. Rea. Dublin : Gill and Macmillan, 1982. S. 216—228.

При возникновении вопросов,
связанных с оформлением материалов,
просим обращаться в редакцию по телефону:
8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Влияние финансово-правовой политики на становление и развитие финансовой системы: опыт Китая

Савина Анна Владимировна,
доцент кафедры гражданского права
Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук, доцент
anna.savina56@mail.ru

В статье проводится исследование финансово-правовой политики Китая и определяется ее значение для финансовой системы страны. В исследовании ставится вопрос о финансовой системе России и Китая, выявляются различия. В статье рассматриваются исторические аспекты развития экономических отношений, управленческих подходов и законодательства, которые легли в основу социально-экономического и технологического успеха Китая. Делается вывод, что устойчивое развитие финансовой системы Китая во многом зависит от развития негосударственного сектора экономики и инвестиционной активности иностранных государств. На государственном уровне создается благоприятная среда к международному сотрудничеству, бизнес активно взаимодействует с зарубежными партнерами, расширяя все сферы производства, делая их инвестиционно-привлекательными. В качестве приоритетных направлений финансово-правовой политики Китая выделяются следующие: развитие и активная поддержка со стороны государства банковской системы и, соответственно, национальной денежно-кредитной сферы; формирование экономических стратегий на повышение инвестиционной привлекательности государства; проведение фундаментальной политики открытости для геоэкономического сотрудничества с другими государствами; и др.

Ключевые слова: финансовая система России, финансовая система Китая, финансово-правовая политика, инвестиционная политика, экономика Китая.

Финансовая система государства является комплексным, изменчивым и многофункциональным организмом. Каждое ее звено представляет собой определенную группу финансовых отношений. В целом она состоит из различных сфер финансовых отношений, которые так или иначе связаны с образованием, распределением и использованием фондов денежных средств. От устойчивости финансовой системы зависит социально-экономическая система государства. При этом всегда следует

стремиться к финансовой устойчивости системы в целом, а не ее отдельных звеньев. Способность учиться на опыте дает возможность организации правильно скорректировать свое стратегическое направление и повысить профессионализм в области стратегического управления¹.

В современной финансовой системе России правоведы традиционно выделяют следующие звенья:

¹ См.: Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента (Management). М.: Дело, 1997. С. 178.

бюджетная система, внебюджетные государственные и муниципальные фонды, кредит (государственный и муниципальный), государственное страхование, финансы предприятий различных форм собственности, объединений, организаций, учреждений, отраслей народного хозяйства. Эти взгляды не всегда совпадают с воззрениями ученых-экономистов, которые рассматривают звенья финансовой системы в несколько иной последовательности и значении. Экономисты во главу рассмотрения финансовой системы ставят финансы предприятий, организаций и т.д. ввиду их участия в производстве материальных благ, реализация которых лежит в основе возникновения финансов как экономической категории. Следующим по значению рассматриваются финансы страховщиков, а государственные финансы как звено финансовой системы рассматриваются с позиции участия государства в развитии рыночных отношений, регулирования общественного воспроизводства и иных сфер общественной жизни².

В зависимости от изменения финансовой политики меняются финансовые правоотношения и, соответственно, звенья финансовой системы. Например, Н.И. Химичева отмечала, что в финансовой системе РФ за последние 25 лет произошли существенные изменения в связи с новыми экономическими и политическими условиями. Эти изменения коснулись как состава финан-

совой системы (что проявилось в появлении новых институтов), так и содержания звеньев, вошедших в состав современной финансовой системы³.

Кризисные условия зачастую являются катализатором кардинальных перемен и реформ в финансовой системе. Например, распад СССР и стремительный переход к рыночным отношениям способствовали появлению новых финансовых институтов в России.

С кризисами, особенно экономическими, сталкивались большинство государств, что приводило к нестабильности финансовой системы. Лишь при условии реализации эффективной финансовой политики можно преодолевать такие кризисы. Опыт некоторых государств демонстрирует практики успешного выхода из финансовых кризисов и укрепление финансовой системы. Для российской школы сравнительного правоведения характерно обращение к законодательству и практике основных торговых партнеров, одним из которых является Китай.

Существенные успехи Китая в социально-экономическом развитии, которые были бы недостижимы без эффективного управления публичными финансами, побуждают провести научное исследование финансовой системы Китая (далее также — КНР), сравнить ее с российской финансовой системой в целях выявления ключевых факторов, инструментов финансовой политики, способствующих успешному развитию.

² См.: Финансовое право : учебн. для среднего профессионального образования / под ред. Г.Ф. Ручкиной. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 15.

³ См.: Финансовое право : учебн. / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2017. С. 29.

Изучая теорию финансов и финансовое законодательство Китая, можно отметить отсутствие единого представления о финансовой системе этого государства. Риксу Ланом отмечается, что в начале существования Китайской Народной Республики финансовая отрасль Китая была довольно хаотичной, и основными задачами, стоявшими перед центральным правительством, были создание единой системы юаней и эффективная интеграция финансовых организаций в старых и новых освобожденных районах на базе Народного банка Китая для создания новой китайской финансовой системы, унификации валюты, стабилизации цен и содействия быстрому восстановлению национальной экономики⁴.

Следует отметить, что среди российских исследователей, изучающих финансовые системы стран Азии, не сформировано единое представление о финансовой системе Китая. Но в целом усматриваются подходы к изучению отдельных систем, так или иначе связанных с финансами: бюджетная система, банковская система, финансовый рынок и др.⁵

Китай — государство, имеющее в настоящее время особую финансовую и управленческую политику, которая привела к социально-экономическому и технологическому успеху.

Тун Вэй отмечает, что «финансовая реформа в Китае вступила в новый исторический этап» после того, как на третьем Пленуме ЦК КПК 18-го созыва в 2013 г. был выдвинут тезис о том, что «финансы есть основа и важнейший инструмент государственного управления»⁶. На заседании этого пленума участниками также было отмечено, что «основные цели всестороннего углубления реформ заключаются в усовершенствовании и развитии социалистического строя с китайской спецификой, продвижение модернизации системы государственного управления и обновления управленческих функций»⁷. От управленческих подходов и, в частности, управления публичными финансами зависит не только состояние экономики, но и уровень социальной стабильности, инновационного развития страны, инвестиционный климат. Государство является одним из мировых экономических лидеров, а также крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций в мире. В последние годы в стране уделяется особое внимание привлечению их в высокотехнологичные отрасли, в том числе цифровые⁸.

За последнее десятилетие крупный бизнес КНР стал занимать верхние позиции в рейтинге крупнейших

⁴ Lan R. The Establishment of China's Financial System // The Financial Development of China. Singapore : Springer, 2024. P. 21–45.

⁵ Удовик Е.Э., Гончар М.В., Маркарянц П.С. Особенности финансовой системы Китая: актуальные проблемы и перспективы развития // Финансовая экономика. 2019. № 11. С. 734–737.

⁶ Тун В. Развитие финансовой системы КНР в условиях проведения налоговых реформ // ПСЭ. 2017. № 4 (64). С. 160.

⁷ Коммюнике 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-01/15/content_31202916_2.htm (дата обращения: 23.12.2024).

⁸ Левченко Т.А. Инвестиционная политика Китая: основные особенности и приоритеты // Фундаментальные исследования. 2023. Т. 7. С. 39.

компаний Forbes Global 2000. В первую очередь к таким компаниям относятся китайские банки и высокотехнологичные компании. Сейчас миру известна реальность, в которой важнейшие финансовые и технологические потоки контролируют китайцы⁹. Согласно ежегодному рейтингу S&P Global Market Intelligence за 2023 г., по размеру активов крупнейшие четыре банка в мире являются китайскими. К ним относятся Промышленный и коммерческий банк Китая, Китайский строительный банк, Сельскохозяйственный банк Китая и Банк Китая, совокупные активы которых составляют более 19,87 триллиона долларов¹⁰.

Китайские банки являются крупнейшими кредиторами в мире, поэтому именно банковской системе Китая в анализе финансовой системы страны в целом отводится первостепенная роль, и финансовое законодательство страны имеет основным вектором регулирование именно этой сферы.

Это демонстрирует интересный аспект: в социалистическом государстве широкое развитие получают частные компании, где социалистические принципы гармонично сочетаются с принципами капитализма. Имеются разные подходы к обозначению этой модели: государственный капитализм с социалистической надстройкой, социализм с китайской спецификой и т.п. В исследова-

нии Сун Лэя «Китайский путь — путь социализма с китайской спецификой» отмечено, что китайский путь «связан с европейским марксизмом, советским ленинизмом, стремлением китайского народа к освобождению и независимости, к созданию мощного государства и благосостоянию народа. Следовательно, речь идет о нескольких системах взаимоотношений: Китай — Запад, Китай — “третий мир”, социализм — капитализм, китайская традиция — модернизация»¹¹.

Истории Китая известны разные политические проявления, оказывающие влияние на экономическое развитие, а также на становление устойчивой правовой системы, позволяющей соблюдать баланс в условиях социал-капитализма. В преамбуле действующей Конституции КНР закреплено: «Китай — страна с одной из самых продолжительных историй в мире». И так или иначе, эта история включает в себя колебание экономических отношений длительное время.

До конца 1950-х годов под коммунистическим началом в Китае более 67% предприятий стали принадлежать государству, а остальная часть находилась в смешанной собственности государства и частного сектора¹², однако к 70-м годам стал неизбежен курс на проведение реформ, направленных на преодоление экономической отсталости. Отмечается, что в Китае реформы прав собствен-

⁹ URL: <https://www.forbes.ru/biznes/362987-novaya-realnost-kak-kitayskiy-biznes-poluchil-kontrol-nad-mirom> (дата обращения: 23.12.2024).

¹⁰ URL: <https://www.spglobal.com/market-intelligence/en/news-insights/research/the-world-s-100-largest-banks-2023> (дата обращения: 20.12.2024).

¹¹ Сун Л. Китайский путь — путь социализма с китайской спецификой // Власть. 2017. № 11. С. 153.

¹² Коростиков М.Ю. Власть и собственность в Китае // Сравнительная политика и геополитика. 2015. № 2 (19). С. 51.

ности проходили постепенно и медленно по сравнению с реформами в других сферах, проводимыми правящей партией в то время, проходили они в процессе индустриализации¹³.

Тем не менее после ряда существенных реформ и принятия Конституции КНР 1982 г., действующей до сих пор, экономический успех в стране наступил только спустя несколько десятилетий.

Как пишет В.В. Невинский, пришедшая на смену политике опоры на собственные силы и самоизоляции государственная политика открытых дверей нашла отражение и в конституционно-правовом регулировании страны, в том числе в нормах конституции о связанности будущего Китая с будущим всего мира, о поощрении деятельности иностранных компаний и вложения иностранных инвестиций в экономику Китая на основе китайских законов (ст. 18 Конституции КНР)¹⁴.

Согласно статье 7 Конституции КНР, ведущей силой в национальной экономике является государственная (социалистическая) экономика, однако ст. 11 выделяет негосударственные секторы экономики: индивидуальный и частный секторы, действующие в пределах, установленных законом, и являющиеся важной составляющей рыночной

экономики. При этом обращает на себя внимание норма данной статьи: «Государство защищает законные права и интересы негосударственных секторов экономики, таких как индивидуальный и частный секторы экономики. Государство поощряет, поддерживает и направляет развитие негосударственных секторов экономики и в соответствии с законом осуществляет надзор и контроль за негосударственными секторами экономики»¹⁵.

Видится, что именно негосударственный сектор экономики имеет активное проявление в международных экономических отношениях, представляя тем самым Китай. В этой связи следует привести суждение В.В. Невинского: «Конституционно-правовое регулирование в этой области осуществляется синхронно с развивающимися внутриобщественными отношениями. Прежде всего акцент делается на максимальное приближение внутригосударственных экономических принципов к принципам экономических отношений, доминирующим в развитых странах»¹⁶.

Размышляя о финансовой политике Китая внешней направленности, можно выделить стремление к экономическому кооперированию с другими государствами, вовлекая их в совместные проекты для достижения собственных глобальных целей развития. Ярким тому примером может служить Азиатская ассоциация финансового сотрудничества,

¹³ Аношин А.А., Большакова В.М., Емельянова С.К. Экономико-правовой статус частного сектора в современной экономике Китая // Современные тренды общественно-экономического развития России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2020 г. Н. Новгород, 2021. С. 279.

¹⁴ Невинский В.В. Основные тенденции конституционно-правового регулирования экономики Китайской Народной Республики на рубеже XX–XXI веков // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 1. С. 89.

¹⁵ Конституция КНР. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/chinas-constitution> (дата обращения: 23.12.2024).

¹⁶ См.: Невинский В.В. Указ. соч. С. 89.

на базе которой создана благоприятная платформа для регионального финансового сотрудничества. «Давайте и дальше придерживаться духа сотрудничества, открытости и взаимной выгоды, следовать принципу “вместе планировать, вместе строить и вместе получать выгоду”, прилагать совместные усилия, чтобы использовать возможности и способствовать качественному развитию сотрудничества в рамках инициативы “Один пояс, один путь”», — было отмечено Чжоу Ляном на ежегодном форуме Азиатской ассоциации финансового сотрудничества в 2024 г.¹⁷ «Каждое государство преследует прежде всего национальный фискальный интерес»¹⁸, и видится, что Китай не исключение.

Действительно, инициатива Китая по реализации проекта «Один пояс, один путь» имеет всеобъемлющую цель возродить не только исторически утраченное торговое лидерство Великого шелкового пути, но и возглавить проект геоэкономического сотрудничества. Сопутствует этому процессу заявленная в Китае фундаментальная государственная политика внешней открытости, которая и стала ключевым фактором реформ и развития финансового сектора. Как было анонсировано на Азиатском финансовом форуме в Гонконге, успех данной политике принесло полное снятие ограниче-

ний на долю иностранного капитала в банковских и страховых учреждениях и снижение количественных пороговых значений для иностранных инвестиций. Именно институты, финансируемые из-за рубежа, активно участвуют в финансовом рынке материкового Китая и играют незаменимую роль в стимулировании экономического роста и содействии парадигме развития «двойного обращения»¹⁹.

Исследование показывает, что устойчивое развитие финансовой системы Китая во многом зависит от развития негосударственного сектора экономики и инвестиционной активности иностранных государств. На государственном уровне создается благоприятная среда для международного сотрудничества, бизнес активно взаимодействует с зарубежными партнерами, расширяя все сферы производства, делая их инвестиционно-привлекательными. В качестве приоритетных направлений финансово-правовой политики Китая можно выделить следующие: развитие и активная поддержка со стороны государства банковской системы и, соответственно, национальной денежно-кредитной сферы; формирование экономических стратегий на повышение инвестиционной привлекательности государства; проведение фундаментальной политики открытости для геоэкономического сотрудничества с другими государствами и др.

¹⁷ URL: <https://www.cbirc.gov.cn/en/view/pages/ItemDetail.html?docId=1190372> (дата обращения: 23.12.2024).

¹⁸ Грачева Е.Ю., Артемов Н.М., Пономарева К.А. Трансформация правового регулирования налоговых отношений в условиях цифровой экономики // Правоприменение. 2021. № 3. С. 52.

¹⁹ Содействие качественному финансовому развитию и активизация азиатского финансового сотрудничества. Выступление Ли Юньцзе на 17-м Азиатском финансовом форуме в Гонконге. URL: <https://www.cbirc.gov.cn/en/view/pages/ItemDetail.html?docId=1149715&itemId=982>

Литература

1. Аношин А.А. Экономико-правовой статус частного сектора в современной экономике Китая / А.А. Аношин, В.М. Большакова, С.К. Емельянова // Современные тренды общественно-экономического развития России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2020 г. : материалы научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки (Нижегород, 9 февраля 2021 г.) : сборник научных статей / редакторы К.А. Демичев, А.Н. Штефан. Нижний Новгород : Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, 2021. С. 278–284.
2. Грачева Е.Ю. Трансформация правового регулирования налоговых отношений в условиях цифровой экономики / Е.Ю. Грачева, Н.М. Артемов, К.А. Пономарева // Правоприменение. 2021. № 3. С. 45–56.
3. Коростиков М.Ю. Власть и собственность в Китае / М.Ю. Коростиков // Сравнительная политика и геополитика. 2015. № 2 (19). С. 50–65.
4. Левченко Т.А. Инвестиционная политика Китая: основные особенности и приоритеты / Т.А. Левченко // Фундаментальные исследования. 2023. Т. 7. С. 39–44.
5. Мескон М. Основы менеджмента : учебник / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури ; перевод с английского М.А. Майорова [и др.] ; общая редакция и вступительная статья Л.И. Евенко. 3-е изд. Москва : Вильямс, 1997. 704 с.
6. Невинский В.В. Основные тенденции конституционно-правового регулирования экономики Китайской Народной Республики на рубеже XX–XXI веков / В.В. Невинский // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 1. С. 83–91.
7. Сун Л. Китайский путь — путь социализма с китайской спецификой / Л. Сун // Власть. 2017. Т. 25. № 11. С. 152–157.
8. Тун В. Развитие финансовой системы КНР в условиях проведения налоговых реформ / В. Тун // Проблемы современной экономики. 2017. № 4 (64). С. 160–163.
9. Удовик Е.Э. Особенности финансовой системы Китая: актуальные проблемы и перспективы развития / Е.Э. Удовик, М.В. Гончар, П.С. Маркарянц // Финансовая экономика. 2019. № 11. С. 734–737.
10. Финансовое право : учебник / ответственные редакторы Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. 798 с.
11. Финансовое право : учебник для среднего профессионального образования / под редакцией Г.Ф. Ручкиной. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. 334 с.
12. Lan, R. The Establishment of China's Financial System // Lan R. The Financial Development of China / R. Lan. Singapore : Springer, 2024. P. 21–45.

References

1. Anoshin A.A. Ekonomiko-pravovoy status chastnogo sektora v sovremennoy ekonomike Kitaya [The Economic and Legal Status of the Private Sector in the Present-Day Chinese Economy] / A.A. Anoshin, V.M. Bolshakova, S.K. Emelyanova // Sovremennyye trendy' obshchestvenno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii. Osnovny'e itogi nauchnoy raboty' v Nizhegorodskom institute upravleniya v 2020 g. : materialy' nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschennoy Dnyu rossiyskoy nauki (Nizhniy Novgorod, 9 fevralya 2021 g.) : sbornik nauchny'kh statey / redaktory' K.A. Demichev, A.N. Shtefan. Nizhniy Novgorod : Nizhegorodskiy institut upravleniya — filial RANKhiGS — Modern Trends of Social and Economic Development of Russia. The Key Results of the Scientific Work at the Nizhny Novgorod Institute of Management in 2020 : materials of a scientific and practical conference dedicated to the Russian Science Day (Nizhny Novgorod, February 9, 2021) : collection of scientific articles / editors K.A. Demichev, A.N. Shtefan. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Institute of Management, RANEPa Branch, 2021. S. 278–284.

2. Gracheva E.Yu. Transformatsiya pravovogo regulirovaniya nalogovy`kh otnosheniy v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Transformation of Legal Regulation of Tax Relations in the Digital Economy Conditions] / E.Yu. Gracheva, N.M. Artemov, K.A. Ponomareva // Pravoprimenenie — Law Enforcement. 2021. № 3. S. 45–56.
3. Korostikov M.Yu. Vlast i sobstvennost v Kitae [Power and Property in China] / M.Yu. Korostikov // Sravnitel'naya politika i geopolitika — Comparative Politics and Geopolitics. 2015. № 2 (19). S. 50–65.
4. Levchenko T.A. Investitsionnaya politika Kitaya: osnovny`e osobennosti i priorityty` [The Chinese Investment Policy: The Main Features and Priorities] / T.A. Levchenko // Fundamentalny`e issledovaniya. 2023. T. 7 — Fundamental Studies. 2023. Vol. 7. S. 39–44.
5. Mescon M. Osnovy` menedzhmenta : uchebnik [Management : textbook] / M. Mescon, M. Albert, F. Khedouri ; perevod s angliyskogo M.A. Mayorova [i dr.] ; obschaya redaktsiya i vstupitel'naya statya L.I. Evenko. 3-e izd. Moskva : Vilyams — translated from English by M.A. Mayorov [et al.] ; general editing and introductory article by L.I. Evenko. 3rd edition. Moscow : Williams, 1997. 704 s.
6. Nevinsky V.V. Osnovny`e tendentsii konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya ekonomiki Kitayskoy Narodnoy Respubliki na rubezhe XX–XXI vekov [The Main Tendencies of Constitutional and Legal Regulation of the Economy of the People's Republic of China at the Turn of the 21st Century] / V.V. Nevinsky // Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYUA) — Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. № 1. S. 83–91.
7. Song L. Kitayskiy put — put sotsializma s kitayskoy spetsifikoy [The Chinese Path: The Path of Socialism with the Chinese Specifics] / L. Song // Vlast. 2017. T. 25 — Power. 2017. Vol. 25. № 11. S. 152–157.
8. Tong W. Razvitie finansovoy sistemy` KNR v usloviyakh provedeniya nalogovy`kh reform [Development of the Financial System of the PRC in the Conditions of Tax Reforms] / W. Tong // Problemy` sovremennoy ekonomiki — Problems of Contemporary Economy. 2017. № 4 (64). S. 160–163.
9. Udovik E.E. Osobennosti finansovoy sistemy` Kitaya: aktualny`e problemy` i perspektivy` razvitiya [Special Aspects of the Financial System of China: Relevant Problems and Development Prospects] / E.E. Udovik, M.V. Gonchar, P.S. Markaryants // Finansovaya ekonomika — Financial Economy. 2019. № 11. S. 734–737.
10. Finansovoe pravo : uchebnik [Financial Law : textbook] / otvetstvenny`e redaktory` N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6-e izd., pererab. i dop. Moskva : Norma : INFRA-M — publishing editors N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6th edition, revised and enlarged. Moscow : Norm : INFRA-M, 2017. 798 s.
11. Finansovoe pravo : uchebnik dlya srednego professionalnogo obrazovaniya [Financial Law : textbook for secondary vocational education] / pod redaktsiyey G.F. Ruchkinoy. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Yurayt — edited by G.F. Ruchkina. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Urait, 2024. 334 s.
12. Lan R. The Establishment of China's Financial System // Lan R. The Financial Development of China / R. Lan. Singapore : Springer, 2024. S. 21–45.

Для оформления заказа на приобретение одного
и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной
статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи
в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону:
8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

Перспективы внедрения положений о разрешении спора *ex aequo et bono* и *amiable compositeur* в законодательство России и Беларуси о международном коммерческом арбитраже

Давыденко Дмитрий Леонидович,
доцент кафедры международного права факультета
международных отношений Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук
dmitridavydenko@gmail.com

Лазаренок Константин Александрович,
выпускник факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
konstantin20021009@gmail.com

Данная работа посвящена вопросам правовой природы и соотношения особых способов разрешения споров составом международного арбитражного суда — *ex aequo et bono* («на основе добра и справедливости») и *amiable compositeur* (в качестве «дружественного посредника»). В ходе исследования проанализированы действующие положения о разрешении спора *ex aequo et bono* и *amiable compositeur* в регламентах некоторых постоянно действующих на территории России и Беларуси международных арбитражных учреждений. В завершении сравнительно-правового анализа авторы делают вывод о целесообразности включения в российское и белорусское законодательство о международном коммерческом арбитраже положений об *ex aequo et bono* и *amiable compositeur*, представляют их в авторской редакции и выделяют преимущества такой новации в законодательстве.

Ключевые слова: *ex aequo et bono*, *amiable compositeur*, разрешение споров, публичный порядок, международный коммерческий арбитраж.

В переводе с латинского языка *ex aequo et bono* означает «из справедливого и доброго» (вспомним в этой связи также латинское требование, применимое к арбитрам, *vir bonus*, и его аналог в старорусском «добрый муж»¹). Таким образом, предполага-

ется, что арбитр разрешает спор исходя из этических норм, которые он выводит из своего представления о справедливости и нравственности.

Amiable compositeur в переводе с французского языка означает «мировой посредник», «тот, кто помогает дружественному урегулированию спора». *Composer une litige* во старофранцузском означает «уладить спор». Это отражает историческую функцию этого лица: понятие про-

¹ Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры в российской правовой культуре: мировой ряд — особый способ урегулирования споров в Новгородской республике в XI–XV вв. // Третейский суд. 2011. № 3. С. 157–169.

исходит от лат. *amicabilis compositor*, так в XIII в. обозначали нейтрально-го посредника без полномочий выносить решения². Сегодня это не так: как правило, подразумевается надевание этого лица функцией по вынесению решения, если это станет необходимым, т.е. если стороны не придут к согласию.

В официальном тексте Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 г. о международном торговом арбитраже (далее — Типовой Закон) в п. 3 ст. 28 термин *amiable compositeur* на русском языке передан как «дружественный посредник»³.

Выбор в пользу *ex aequo et bono* и *amiable compositeur* справедливо называют вершиной автономии воли сторон⁴.

В современной доктрине международного коммерческого арбитража (далее — МКА) часто утверждается об утрате популярности таких способов разрешения споров, как арбитраж *ex aequo et bono* и в качестве *amiable compositeur*. Так, А.С. Йилдирим отмечает, что наибольшее количество решений на основе дан-

ных способов разрешения спора были вынесены арбитрами в 1970—1980-х годах, а в настоящее время их публикация — весьма большая редкость⁵.

На наш взгляд, такой арбитраж, при условии прямого согласия сторон, может быть полезен и, в частности, может скорректировать результат чрезмерно формального применения правовых норм и, например, помочь учесть положение в споре более слабой стороны или стороны, которая в результате запрета иностранных государственных принудительных/ограничительных мер оказалась лишенной фундаментальных прав на правосудие.

Как Закон России о международном коммерческом арбитраже (МКА)⁶, так и Закон Республики Беларусь о международном арбитражном (третейском) суде⁷ (далее — Закон о МАС) не предусматривают возможности разрешения спора как *ex aequo et bono*, так и в качестве *amiable compositeur*, хотя прямо этого и не запрещают.

Арбитражные правила российских арбитражных учреждений положений на этот счет не содержат. В Беларуси п. 5 ст. 38 Регламента международного арбитражного суда при Белорусской Торгово-промышленной палате (далее — МАС при БелТПП)⁸ содержит

² Rubino-Sammartano M. *Amiable Compositeur (Joint Mandate to Settle) and Ex Bono et Aequo (Discretionary Authority to Mitigate Strict Law)* // *Journal of International Arbitration*. 1992. Vol. 9. Iss. 1. P. 5 ; цит. по: Yildirim A.C. *Amiable Composition in International Arbitration* // *Journal of Arbitration Studies*. 2014. Vol. 24. Iss. 3. P. 33.

³ Типовой закон о международном торговом арбитраже от 21 июня 1985 г. с изменениями, принятыми 7 июля 2006 г. // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: <https://goo.su/gU2v89k> (дата обращения: 12.03.2024).

⁴ *Международный коммерческий арбитраж* : учебн. / науч. ред.: О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов ; отв. ред. Т.А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : АНО «Редакция журнала «Третейский суд»» ; М. : Статут, 2018. (Библиотека журнала «Третейский суд». Вып. 9.) С. 726.

⁵ Yildirim A.C. *Op. cit.* P. 34.

⁶ См. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде» // URL: <https://pravo.by/docume nt/?guid=3871&p0=h19900279> (дата обращения: 18.02.2024).

⁸ Регламент Международного арбитражного суда при БелТПП, утвержденный Постановлением

упоминание о разрешении спора на основе «справедливости (общепринятых норм морали)» (т.е. *ex aequo et bono*). *Amiable compositeur* там не упоминается. Арбитражный регламент международного арбитражного суда «Палата арбитров при союзе юристов» (далее — Палата арбитров)⁹ в п. 2 ст. 35 закрепляет обе эти возможности: «Состав арбитража выносит решение в качестве “дружественного посредника”, или *ex aequo et bono*, лишь в том случае, если стороны прямо уполномочили Состав арбитража на это». В связи со указанными моментами следует выявить соотношение рассматриваемых понятий.

Проблема соотношения *ex aequo et bono* и *amiable compositeur*

Решение проблем соотношения данных понятий, по нашему мнению, следует искать в выявлении правовой природы (материальной или процессуальной) *ex aequo et bono* и *amiable compositeur*. В доктрине отмечается, что границы между данными понятиями весьма размыты, что, по причине существования множества правовых систем, объясняется

различным пониманием того, каким образом ту или иную правовую категорию следует относить к материальному или процессуальному праву¹⁰.

В этой связи представляется заслуживающими внимания арбитражные правила Международного арбитражного суда при Международной торговой палате (далее — МТП), который, как и всякое международное арбитражное учреждение, стремится отобразить в них тенденции сложившейся мировой арбитражной практики, а не традиции какой-либо одной конкретной правовой системы. Пункт 3 ст. 21 арбитражных правил МТП закрепляет, что арбитражный суд **принимает на себя полномочия *amiable compositeur* или разрешает спор *ex aequo et bono***, только если стороны согласились на передачу таких полномочий¹¹.

Ключевым моментом здесь являются выделенные словосочетания. «Принимать на себя полномочия» означает выступать в особом качестве, иметь особый статус участника арбитражного разбирательства с набором специальных правомочий — «дружественного посредника». Это выражается в том, что арбитры, принимая решение на основе материального права, уполномочены на установление пределов его применимости, а также метода их примене-

Президиума Белорусской торгово-промышленной Палаты от 17 марта 2011 г. (в ред. с изменениями и дополнениями от 10 ноября 2017 г.) // МАС при БелТПП. 2017. URL: <https://iac.by/%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82/> (дата обращения: 18.02.2024).

⁹ Арбитражный регламент Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при союзе юристов», утвержденный решением Президиума Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при союзе юристов» от 28 декабря 2020 г. // URL: <https://arbchamber.by/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82/> (дата обращения: 09.01.2024).

¹⁰ Bělohávek A.J. Application of Law in Arbitration, Ex Aequo et Bono and Amiable Compositeur // Czeck (& Central European) Yearbook of Arbitration. 2013. Vol. III. P. 28.

¹¹ Arbitration rules of International Court of Arbitration under the International Chamber of Commerce (ICC). 2021. URL: <https://iccwbo.org/dispute-resolution/dispute-resolution-services/arbitration/rules-procedure/2021-arbitration-rules/#block-accordion-21> (date of access: 09.01.2025).

ния для целей справедливого слушания¹². То есть в отношении *amiable compositeur* речь идет не об определении применимого к существу спора права, а об особом процессуальном положении состава арбитража. «Разрешает спор» означает разрешение спора по существу на основе категорий, входящих в содержание *ex aequo et bono* — справедливости, морали, добросовестности, которые заменяют собой *lex causae*.

Таким образом, понятия ***ex aequo et bono*** и ***amiable compositeur*** подлежат разграничению, поскольку имеют, соответственно, **материально-правовой и процессуально-правовой характер**.

Формулировка об арбитраже ***ex aequo et bono*** основной акцент делает на применении правового принципа добросовестности, а ***amiable compositeur*** — на установлении или восстановлении баланса в правоотношениях сторон, достижении общеприемлемого компромисса, *aurea mediocritas*.

С точки зрения юридической техники в русскоязычных нормативных документах представляется целесообразным использовать не латинские термины, а термин «дружественный посредник» как эквивалент *amiable compositeur* и «разрешение спора по справедливости (на основании общепринятых норм морали)» для *ex aequo et bono*: это более принято в рамках как российской, так и белорусской правовых систем. В этой связи мы считаем для *ex aequo et bono* удачной следующую формулировку п. 5 ст. 38 Регламента МАС

при БелТПП: «Разрешение спора по справедливости (на основании общепринятых норм морали)».

Как справедливо отмечает И.В. Никифоров, арбитраж *ex aequo et bono* позволяет скорректировать ситуацию, когда результат формально-юридического анализа не позволяет восстановить баланс нарушенных отношений сторон. Функция *amiable compositeur* особенно полезна при решении вопроса об объеме возмещения убытков, определении размера неустойки, оценке положений об ограничении ответственности либо действий кредитора по снижению потерь¹³.

Итак, основываясь на положениях п. 3 ст. 28 Типового закона, с учетом п. 5 ст. 38 регламента МАС при БелТПП, п. 2 ст. 35 регламента Палаты арбитров, а также на вышеприведенных формулировках понятий *ex aequo et bono* и *amiable compositeur*, мы полагаем, что было бы целесообразно рассмотреть возможность ввести в ст. 28 Закона РФ о МКА и в ст. 36 Закона Беларуси о МАС п. 4 следующего содержания:

«Третейский суд / состав международного арбитражного суда принимает решение по справедливости (на основании общепринятых норм морали) или в качестве “дружественного посредника” только при условии прямо выраженного согласия обеих сторон».

С учетом вышеизложенного было бы логично расширить название данной статьи так: «Нормы, применимые к существу спора. Разреше-

¹² Bělohávek A.J. Op. cit. P. 25.

¹³ Международный коммерческий арбитраж : учебн. С. 727–728.

ние спора в качестве «дружественного посредника»».

Также во избежание проблемы толкования законодателем термина «дружественный посредник» мы предлагаем его следующее определение: «**Дружественный посредник** — процессуальный статус арбитра состава международного арбитражного суда, предоставляемый ему по прямому согласию сторон и представляющий собой совокупность особых правомочий по разрешению спора посредством вынесения справедливого решения с учетом материального права, включая пределы его применимости, а также определения метода его применения в конкретном споре, поиска возможностей компромисса».

Проблема различия между белорусским законодательством и регламентами МАС при БелТПП и Палаты арбитров в отношении допустимости разрешения составом арбитража спора *ex aequo et bono*

Как отмечено выше, в регламентах МАС БелТПП и Палаты арбитров предусмотрена возможность разрешения спора *ex aequo et bono*, в то время как такое положение отсутствует в ст. 36 белорусского Закона о МАС. Это создает неопределенность в отношении того, насколько законодатель считает допустимым арбитраж спора *ex aequo et bono*.

В пользу того, что суд не уполномочен отменить арбитражное решение (или не выдать исполнительный лист) по причине разрешения спора арбитрами *ex aequo et bono* можно привести п. 3 ст. 254 Хозяйственно-процессуального кодекса

Республики Беларусь (далее — ХПК): экономический суд не вправе исследовать обстоятельства, установленные МАС, или осуществлять пересмотр решения, вынесенного им, по существу¹⁴.

Учитывая, что МКА по своей природе является альтернативным суду способом разрешения споров¹⁵, представляются допустимыми более широкие возможности арбитров по определению *lex causae*, а также разрешение споров на основе или с учетом справедливости и морали, если на то их уполномочили стороны¹⁶. Это, однако, не означает, что арбитры вправе не аргументировать свои решения (если только стороны прямо не договорились об ином).

Государство при этом благодаря институту «публичного порядка» (аб. 6 ч. 2 ст. 43 Закона о МАС, ч. 3 ст. 255 ХПК, аб. 9, ч. 1 ст. 248) сохраняет за собой контроль за арбитражем в ходе процедур признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений (выдачи исполнительных листов) и оспаривания (обжалования) стороной такого решения, так как в исключительных случаях результат разрешения

¹⁴ Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-3: принят Палатой Представителей 11 ноября 1998 г.: одобр. Советом Республики 26 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

¹⁵ Trakman L., Montgomery H. The “judicialization of International Commercial Arbitration: Pitfall or Virtue?” // 30 *Leiden Journal of International Law* 405. 2017. Vol. 30. P. 405.

¹⁶ Колпиков Д.В. Недостатки разрешения споров путем международного коммерческого арбитража, приведшие к возникновению институтов *amiable compositeur* и *ex aequo et bono* // Образование и право. 2022. № 5. С. 220–225.

спора арбитрами окажется противоречащим фундаментальным основам правопорядка.

В доктрине распространен формально-юридический подход к пониманию публичного порядка, исключаящий из содержания последнего социальные регуляторы (в том числе представления о справедливости. — Прим. авт.)¹⁷. Более того, такой подход закреплен в абз. 3 ч. 2 ст. 260 ХПК, поскольку в качестве одного из оснований отказа в выдаче исполнительного документа для исполнения решения МАС предусматривается уже нарушение **основополагающих принципов права Республики Беларусь**.

Тем не менее нельзя пренебрегать важной особенностью публичного порядка — данной категория имеет **оценочный характер**. Законодатель сознательно допустил введение такого абстрактного понятия по причине **значимости и масштаба правоотношений**, которые оно охватывает (как минимум основополагающие принципы (существо) национального правопорядка, если следовать вышеупомянутому подходу). Кроме того, абстрактный и общий характер оценочных понятий обусловлен их целью — предоставить правоприменителю **определенную свободу действий** в рамках **конкретного дела**¹⁸.

¹⁷ Романова О.Н. Некоторые вопросы применения оговорки о публичном порядке как основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Вып. 6 / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенков [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2011. С. 287–295.

¹⁸ Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 33.

Не вызывает сомнений и тот факт, что вышеуказанное свойство публичного порядка может быть использовано национальным судом в каждом конкретном деле.

Таким образом, представления арбитров о разрешении конкретного спора на основе добра и справедливости входят в сферу действия публичного порядка. Следовательно, в таком случае категория публичного порядка может быть использована государством для отказа в признании и/или приведении в исполнение соответствующего арбитражного решения, равно как и для его отмены по ходатайству заинтересованной стороны.

В этой связи следует отметить, что п. 5 ст. 38 регламента МАС при БелТПП предусматривает в качестве условия разрешения спора *ex aequo et bono* отсутствие противоречия *императивным нормам законодательства*. Вместе с тем важно учесть, что понятия справедливости и морали, входящие в содержание *ex aequo et bono*, не могут быть по своей природе формально определенными. Более того, представляется целесообразным применение государственным судьей понятия «публичный порядок», предоставляющего ему относительную свободу действий, поскольку это является следствием той свободы, которую получают арбитры от сторон, разрешая спор *ex aequo et bono*. По этой причине представляется, что использование института «*публичный порядок*» будет более уместным.

С учетом изложенного законодателям предлагается принять во внимание, что введение в Закон о между-

народном коммерческом арбитраже/ МАС положения о рассмотрении составом арбитража спора *ex aequo et bono* в качестве *amiable compositeur* при условии прямого и явно выраженного согласия сторон имеет следующие преимущества.

Во-первых, это может сделать соответственно Россию и Беларусь для участников международной торговли более привлекательной как место международного коммерческого арбитража.

Во-вторых, как отмечено выше, такой арбитраж, при условии прямого согласия сторон, может быть полезен и, в частности, способен скорректировать результат чрезмерно формального применения правовых норм и, например, помочь учесть положение в споре более слабой стороны или стороны, которая

в результате запрета иностранных государственных принудительных/ограничительных мер оказалась лишенной фундаментальных прав на правосудие.

При этом контроль со стороны государства над арбитражем не будет утрачен: всякое арбитражное решение, вынесенное на основе *ex aequo et bono*, национальный суд может подвергнуть проверке на соответствие публичному порядку в рамках таких процедур судебного надзора в сфере МКА, как признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения (выдача исполнительного листа) и оспаривание (обжалование, в белорусской терминологии) проигравшей стороной такого решения путем подачи соответствующего заявления.

Литература

1. Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры в российской правовой культуре: мировой ряд — особый способ урегулирования споров в Новгородской республике в XI—XV вв. / Д.Л. Давыденко // Третейский суд. 2011. № 3. С. 157—169.
2. Колпиков Д.В. Недостатки разрешения споров путем международного коммерческого арбитража, приведшие к возникновению институтов *amiable compositeur* и *ex aequo et bono* / Д.В. Колпиков // Образование и право. 2022. № 5. С. 220—225.
3. Международный коммерческий арбитраж : учебник / научные редакторы: О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов ; ответственный редактор Т.А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : АНО «Редакция журнала “Третейский суд” ; Москва : Статут, 2018. 965 с.
4. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве / Р.О. Опалев. Москва : Волтерс Клувер, 2008. 234 с.
5. Романова О.Н. Некоторые вопросы применения оговорки о публичном порядке как основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений / О.Н. Романова // Право в современном белорусском обществе : сборник научных статей. Вып. 6 / редакторы: Г.А. Василевич, А.Г. Тиковенко, В.И. Шабайлов [и др.] ; главный редактор В.И. Семенков. Минск : Бизнесофсет, 2011. С. 287—295.
6. Bělohávek, A.J. Application of Law in Arbitration, Ex Aequo et Bono and Amiable Compositeur / A.J. Bělohávek // Czeck (& Central European) Yearbook of Arbitration. 2013. Vol. 3. P. 25—52.
7. Rubino-Sammartano M. Amiable Compositeur (Joint Mandate to Settle) and Ex Bono et Aequo (Discretionary Authority to Mitigate Strict Law) / M. Rubino-Sammartano // Journal of International Arbitration. 1992. Vol. 9. Iss. 1. P. 5—16.

8. Trakman, L. The “judicialization” of International Commercial Arbitration: Pitfall or Virtue? / L. Trakman, H. Montgomery // 30 Leiden Journal of International Law. 2017. Vol. 30. P. 405.
9. Yildirim, A.C. Amiable Composition in International Arbitration / A.C. Yildirim // Journal of Arbitration Studies. 2014. Vol. 24. Iss. 3 P. 33–46.

References

1. Davydenko D.L. Primiritelny'e protsedury` v rossiyskoy pravovoy kulture: mirovoy ryad — osoby'y sposob uregulirovaniya sporov v Novgorodskoy respublike v XI–XV vv. [Conciliation Procedures in the Russian Legal Culture: Mirovoy Ryad (Peaceful Dispute Settlement) as a Special Means of Dispute Settlement in the Novgorod Republic from the 11th to the 15th Century] / D.L. Davydenko // Treteyskiy sud — Arbitration Court. 2011. № 3. S. 157–169.
2. Kolpikov D.V. Nedostatki razresheniya sporov putem mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha, privedshie k vozniknoveniyu institutov amiable compositeur i ex aequo et bono [Shortcomings of Dispute Resolution by Means of International Commercial Arbitration Resulting in the Origination of the Amiable Compositeur and Ex Aequo Et Bono Institutions] / D.V. Kolpikov // Obrazovanie i pravo — Education and Law. 2022. № 5. S. 220–225.
3. Mezhdunarodny'y kommercheskiy arbitrazh : uchebnik [International Commercial Arbitration : textbook] / nauchny'e redaktory` : O.Yu. Skvortsov, M.Yu. Savransky, G.V. Sevastyanov ; otvetstvenny'y redaktor T.A. Lunaeva. 2-e izd., pererab. i dop. Sankt-Peterburg : ANO “Redaktsiya zhurnala ‘Treteyskiy sud’” ; Moskva : Statut — scientific editors : O.Yu. Skvortsov, M.Yu. Savransky, G.V. Sevastyanov ; publishing editor T.A. Lunaeva. 2nd edition, revised and enlarged. Saint Petersburg : Editor’s office of the Arbitration Court journal ; Moscow : Statute, 2018. 965 s.
4. Opalev R.O. Otsenochny'e ponyatiya v arbitrazhnom i grazhdanskom protsessualnom prave [Evaluative Concepts in Arbitral and Civil Procedure Law] / R.O. Opalev. Moskva : Volters Kluver — Moscow : Wolters Kluwer, 2008. 234 s.
5. Romanova O.N. Nekotory'e voprosy` primeneniya ogovorki o publichnom poryadke kak osnovaniya dlya otkaza v priznanii i privedenii v ispolnenie inostranny'kh sudebny'kh resheniy [Some Issues of Application of the Public Order Clause as the Basis for Refusal from Recognition and Enforcement of Foreign Court Rulings] / O.N. Romanova // Pravo v sovremennom belorusskom obschestve : sbornik nauchny'kh statey. Vy'p. 6 / redaktory` : G.A. Vasilevich, A.G. Tikovenko, V.I. Shabaylov [i dr.] ; glavny'y redaktor V.I. Semenkov. Minsk : Biznesofset — Law in the Contemporary Belarusian Society : collection of scientific articles. Issue 6 / editors : G.A. Vasilevich, A.G. Tikovenko, V.I. Shabaylov [et al.] ; editor-in-chief V.I. Semenkov. Minsk : Biznesofset, 2011. S. 287–295.
6. Bělohávek A.J. Application of Law in Arbitration, Ex Aequo et Bono and Amiable Compositeur / A.J. Bělohávek // Czeck (& Central European) Yearbook of Arbitration. 2013. Vol. 3. S. 25–52.
7. Rubino-Sammartano M. Amiable Compositeur (Joint Mandate to Settle) and Ex Bono t Aequo (Discretionary Authority to Mitigate Strict Law) / M. Rubino-Sammartano // Journal of International Arbitration. 1992. Vol. 9. Iss. 1. S. 5–16.
8. Trakman L. The “Judicialization” of International Commercial Arbitration: Pitfall or Virtue? / L. Trakman, H. Montgomery // 30 Leiden Journal of International Law. 2017. Vol. 30. S. 405.
9. Yildirim A.C. Amiable Composition in International Arbitration / A.C. Yildirim // Journal of Arbitration Studies. 2014. Vol. 24. Iss. 3 S. 33–46.

Сопоставление некоторых аспектов института поручительства по нормам ГК РФ и ГК КНР

Волчанский Михаил Алексеевич,
доцент кафедры международного частного и гражданского права
имени С.Н. Лебедева Московского государственного института
международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
заместитель руководителя департамента частного права,
доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», кандидат юридических наук
mavolchanskiy@mail.ru

В статье проводится сравнение принятых китайским законодательством идей с отечественными решениями в части одних из наиболее важных аспектов поручительства: акцессорности, квалификации основания возникновения и ответственности поручителя. Автор приходит к выводу о том, что по всем рассматриваемым параметрам отечественный и китайский законопорядки в целом имеют единый концептуальный фундамент регулирования. Несмотря на выявленную разницу в некоторых деталях, квинтэссенция института поручительства по сравниваемым аспектам воспринимается законодательствами симметричным образом.

Ключевые слова: обеспечение обязательств, поручительство, акцессорность, ответственность.

1. Вводные комментарии

Первого января 2021 г. вступил в силу новый Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. Среди прочего в указанном кодексе было обновлено регулирование одного из главных частноправовых личных обеспечений — института поручительства. Для инициирования научной дискуссии по осмыслению названных пореформенных норм представляется верным сравнить принятые китайским законодательством идеи с отечественными решениями в части одних из наиболее важных аспектов поручительства: акцессорности, квалификации основания возникновения и ответственности поручителя.

2. Реализация идеи акцессорности поручительства по нормам ГК РФ и ГК КНР

В российской науке общей является позиция о том, что отечественное позитивное право исходит из акцессорного характера поручительства как способа обеспечения обязательств¹. Хотя прямого указания

¹ См., к примеру: Гражданское право : учебн. : в 4 т. Т. 3 / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е из., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. С. 115, 120 ; Крашенинников Е.А. и др. Гражданское право и процесс. Избранные труды / ответственный редактор Ю.В. Байгушева. М. : Юрайт, 2020. С. 498 ; Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М. : Статут, 2005. С. 117–118 ; Новиков К.А. Понятие способа обеспечения исполнения обязательств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 186–188 ; Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств. М. : Статут, 2013. 96 с. ; Кашников Н.Б. Обратное требование

на акцессорность поручительства Гражданский кодекс Российской Федерации² (далее — ГК РФ) не содержит, она может быть выведена косвенным образом³. Проявления акцессорности поручительства можно видеть в следующих нормах ГК РФ:

— наличие у поручителя возможности защищаться против требования кредитора возражениями, которые мог бы представить должник (п. 1, п. 2 ст. 364 ГК РФ);

— прекращение поручительства в случае прекращения обеспеченного им обязательства (п. 1 ст. 367 ГК РФ);

— истечение исковой давности по требованию к поручителю в случае истечения исковой давности по основному обязательству (п. 1 ст. 207 ГК РФ);

— тождественность долговой нагрузки поручителя и основного должника (п. 2 ст. 363 ГК РФ)⁴;

— возможность поручителя не исполнять обеспеченное требование кредитора, если последнее мо-

жет быть прекращено зачетом против требований должника (п. 2 ст. 364 ГК РФ, п. 2 ст. 399 ГК РФ);

— акцессорность следования прав к поручителю за правами из обеспеченного обязательства (п. 1 ст. 384 ГК РФ, аналог с п. 2 ст. 354 ГК РФ, абз. 2 п. 1. ст. 372 ГК РФ);

— главенство интересов кредитора, в ущерб которым не могут быть реализованы права поручителя при суброгации (п. 4 ст. 364 ГК РФ).

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (далее — ГК КНР)⁵ симметричным образом устанавливает, что поручительство рассматривается правом порядком в качестве акцессорного обеспечения, имеющего функциональную зависимость от основного обязательства кредитора (ст. 682 ГК КНР).

Данная идея похожим с ГК РФ образом реализуется в ГК КНР. К примеру, ГК КНР прямо проводит одно из самых главных проявлений акцессорности осуществления (принудительной реализации), устанавливая среди прочего возможность для поручителя использовать все возражения, имеющиеся у должника против кредитора (ст. 701 ГК КНР). Этот постулат затем последовательно распространяется и на зачет: в силу ст. 702 ГК КНР, если у должника имеется право зачесть и (или) прекратить требования кредитора, поручитель может отказываться удовлетворять притязания кредитора.

Симметричным образом ГК КНР, как и ГК РФ, принимает в качестве

поручителя: регресс, суброгация // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 2. С. 115–151; № 3. С. 137–173; Меньшенин П.А. Цель и акцессорность поручительства при банкротстве должника // Об обеспечении обязательств: сб. ст. к юбилею С.В. Сарбаша / сост. и отв. ред. А.В. Егоров. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 307; Сайфуллин Р.И. Тождественность долговой нагрузки основного должника и поручителя // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 7. С. 120–137; и др.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Такая функциональная зависимость и является акцессорностью — см. Новиков К.А. Указ. соч. С. 17.

⁴ Отнесение данного проявления к понятию акцессорности спорно, но теоретически возможно (см. подробнее анализ проблематики тождественности долговой нагрузки в: Сайфуллин Р.И. Указ. соч.).

⁵ Вступил в силу с 1 января 2021 г., опубликован в англоязычной версии на портале: URL: <http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/pdf/civilcodeofthepeoplesrepublicofchina.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

основополагающего постулата идею о том, что права поручителя имеют подчиненный и вспомогательный для кредитора характер, поэтому не могут быть реализованы во вред кредитору, в том числе при осуществлении обратного требования к должнику (ст. 701 ГК КНР).

Однако несмотря на, казалось бы, единый для ГК РФ и ГК КНР фундамент в виде квалификации поручительства в качестве акцессорного личного обеспечения, ряд проявлений акцессорности в сопоставляемых кодексах имеет значительную разницу.

В частности, с точки зрения ГК КНР недействительность обеспечиваемого обязательства влечет за собой недействительность поручительства, если иное не предусмотрено законом (ст. 682 ГК КНР). Это положение логичным образом продолжает идею акцессорности поручительства: отсутствие ввиду недействительности основного обязательства неизбежно означает нулевую квалификацию обеспечения.

Отечественный же правопорядок по политико-правовым соображениям в данной части пришел к выводу о необходимости ослабить проявление акцессорности. С одной стороны, в ГК РФ имеется аналогичная ГК КНР идея, согласно которой прекращение основного обязательства означает, что прекращается и поручительство (п. 4 ст. 329 ГК РФ, п. 1 ст. 367 ГК РФ). Однако, с другой стороны, ГК РФ применительно именно к ситуациям недействительности обеспеченной сделки выбрал более прокредиторский подход: в таком случае обеспечен-

ными считаются реституционные обязанности, возникшие в связи с недействительностью основного обязательства (п. 3 ст. 329 ГК РФ). Отечественная практика применяет такой же подход и к случаям расторжения договора, после которого соответствующий контрагент все равно сохраняет за собой права, возникшие из обеспечительных сделок для целей обеспечения реверсивных обязательств в рамках ликвидационной стадии правоотношения (см. п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35⁶).

В отличие от вышеприведенного примера с проявлением акцессорности на случай недействительности обеспеченной сделки, применительно к акцессорности следования обеспечительных обязательств уже ГК КНР видит необходимость допустить ослабление. В этой части необходимо отметить, что в рамках реформы ГК КНР одной из фундаментальных идей как раз и был концепт ослабления акцессорности, строгость которой была типична для китайского правопорядка⁷. ГК РФ и практика его применения, в свою очередь, наоборот, в этой части строго поддерживают идею функциональной зависимости.

В частности, ст. 696 ГК КНР прямо предусматривает, что кредитор вправе уступить его требование к поручителю полностью или в части, при этом для противопоставления

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 г. № 35 «О последствиях расторжения договора» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., к примеру: Chen Lei. *The Security Interests in Chinese Law: Some Nuances* // *The Making of the Chinese Civil Code*. Cambridge University Press, 2023. P. 131–152.

эффекта от уступки против поручителя необходимо уведомить последнего о состоявшейся уступке.

ГК РФ в специальных нормах о поручительстве (ст. 361–367) не регулирует, какие правовые последствия будут в случае сепаратной уступки требований к поручителю. Вместе с тем в отечественной доктрине нередко можно встретить ссылку на то, что в качестве общепризнанного и особо значимого принципа оборота обеспечительных прав (в том числе требований к поручителю) является то, что субсидиарная природа обеспечительных прав означает невозможность их передачи отдельно от основных, т.е. акцессорные обеспечительные права, будь то личные или реальные, следуют за дебиторской задолженностью, которую они обеспечивают⁸. Схожая позиция, но уже со ссылкой на ст. 329, 361, 364 ГК РФ высказывается отечественной судебной практикой. В частности, Арбитражный суд Московского округа отметил⁹:

«Из системного толкования норм гражданского законодательства следует недопустимость изолированной уступки прав из поручительства. Так, в соответствии со ст. 329, ст. 361 ГК РФ поручительство не является самостоятельным обязатель-

ством, поскольку является средством обеспечения исполнения другого обязательства. Положения ГК РФ о поручительстве не предполагают предъявления требования к поручителю иным лицом, чем кредитор по обеспеченному обязательству.

Поручитель вправе выдвинуть кредитору те же возражения, что и основной должник (п. 1 ст. 364 ГК РФ), по смыслу закона такое правомочие предполагает единого кредитора для основного должника и поручителя».

Данная позиция является преобладающей в России, хотя и в доктрине, и в практике встречаются сторонники противоположной идеи¹⁰.

Подводя итог вышеприведенным особенностям регулирования, следует отметить, что ГК РФ и ГК КНР симметричным образом идентифицируют основной концепт поручительства как акцессорного личного обеспечения. Данная идея проводится в сопоставляемых нормах кодексах весьма последовательно и гармонично, с использованием схожих инструментов. Между тем в кодексах встречается несколько существенных различий в сопутствующих факультативных вопросах, связанных с ослаблением идеи акцессорности поручительства: нормы ГК РФ, в отличие от ГК КНР, позволяют ослаблять проявления акцессорности прекращения на случай недействительности основного обязательства, а ГК КНР, в отличие от ГК РФ, более

⁸ См. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2008. С. 471; Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003. 494 с. Схожую позицию см.: Гражданское право: учебн. в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 116, 120.

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 сентября 2023 г. № Ф05-14399/2021 по делу № А40-251810/2018 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

¹⁰ См., к примеру: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 6 декабря 2021 г. № Ф09-8991/21 по делу № А50-2387/2018 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>; Крашенинников Е.А. и др. Указ. соч. С. 498.

лояльно, нежели ГК РФ, относится к идее отступления от акцессорности следования.

3. Сопоставление квалификации юридического факта, в силу которого возникает поручительство, по нормам ГК РФ и ГК КНР

В рамках отечественного регулирования ГК РФ недвусмысленно устанавливает (ст. 361), что поручительство по общему основанию возникает на основании договора между должником и поручителем или на основании закона. Эта позиция также поддерживается доктриной¹¹. При этом отношения покрытия (между поручителем и должником по основному обязательству) по общему правилу являются иррелевантными, согласие и (или) уведомление должника для вступления в силу поручительства не требуются¹².

В ГК КНР же содержится подход (ст. 685), по которому (если речь идет о добровольном поручительстве, а не о поручительстве в силу закона) формально также поддерживается идея о необходимости согласования волеизъявлений поручителя и кредитора для возникновения поручительства.

Между тем ГК КНР (ст. 685) исходит из того, что договор поручительства считается заключенным, даже если соответствующее третье лицо в одностороннем порядке дает гаран-

тию в письменной форме кредитору, который не делает в ее отношении возражений.

Такой подход напоминает несколько идей, представленных в отечественном правопорядке:

а) положение п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45¹³ о том, что единого письменного договора не нужно; достаточным будет письменное сообщение поручителя в адрес кредитора, принятое последним;

б) позицию доктрины о том, что раз более сильное обеспечение в виде независимой гарантии можно осуществлять посредством односторонней сделки гаранта¹⁴, то уж тем более похожее личное обеспечение менее жесткого характера можно осуществлять симметрично посредством односторонней сделки поручителя;

в) идею о том, что согласие контрагента, которому поручитель направил свое письмо о гарантии, будет подразумеваемым, однако его можно будет отменить возражением.

Первое положение (А) прямо не идентифицирует молчание кредитора в качестве выражения волеизъявления. Разъяснение Пленума ВС РФ, по-видимому, предполагает наличие юридического, а не бытового понимания словосочетания «принято кредитором», т.е. имеется в виду такое принятие, которое означает согласование условий поручительства¹⁵.

¹¹ См.: Гражданское право : учебн. : в 4 т. Т. 3 / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 121 ; Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Беляева О.А. и др. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017.

¹² См. пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См. Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Беляева О.А. и др. Указ. соч.

¹⁵ Сарбаш С.В. Поручительство: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве». М., 2021. С. 51.

Следовательно, молчание кредитора в случае направления ему письменного сообщения поручителя о гарантии будет означать отсутствие согласия в силу п. 4 ст. 157.1, п. 2 ст. 438 ГК РФ, что контрастирует с подходом, близким к ГК КНР.

Вторая идея (Б), хотя и имеет поддержку отечественных авторитетных представителей доктрины, в судебной практике не проведена в качестве общепринятой.

Третье положение (В) имеет отражение как в российской доктрине, так и в практике, однако не для поручительства, а для института прощения долга.

В частности, ст. 415 ГК РФ сформулирована как предоставляющая кредитору секундарное право прекратить обязательство, которое считается ликвидированным с момента получения должником соответствующего уведомления. При этом такое прекращение может быть нивелировано имеющимся у должника возражением против прощения долга (п. 2 ст. 415 ГК РФ). Однако в рамках Постановления Пленума ВС РФ от 11 июня 2020 г. № 6¹⁶ норма ст. 415 ГК РФ была истолкована иным образом. Пленум ВС РФ посчитал (п. 34), что, согласно указанной статье, «прощение долга представляет собой двустороннюю сделку с *подразумеваемым*, по общему правилу, *согласием должника* на ее совершение... В то же время прощение долга следует считать несостоявшимся, если должник в разумный срок с момента получения такого уведомления *направит кредитору в любой форме возражения*

против прощения долга». Такой подход весьма близок к изложенному выше решению ГК КНР применительно к поручительству.

Таким образом, ГК РФ и ГК КНР имеют единый общий теоретический базис по поводу вопроса того, что является основанием возникновения добровольного поручительства. Оба кодекса считают, что договор как юридический факт является таковым. Между тем правовые порядки имеют отличия в реализации данного подхода — ГК КНР имеет меньшую строгость, позволяя при фактическом молчании кредитора (при отсутствии его возражений) считать поручительство установленным. Отечественный правовой порядок же на настоящий момент придерживается более традиционного подхода, не допуская установления поручительства без явно выраженного согласия кредитора, хотя ряд идей российской доктрины и судебной практики весьма близок к подходу, закреплённому в ГК КНР.

4. Сравнение идей ответственности поручителя по нормам ГК РФ и ГК КНР

ГК КНР в качестве общего правила устанавливает, что поручительство распространяется как на основное требование кредитора, так и на проценты по нему, заранее определенные убытки, компенсационные убытки и расходы на обеспечение исполнения требования.

ГК РФ в этой части имеет симметричное регулирование: в силу п. 2 ст. 363 ГК РФ поручитель отвечает в том числе и по требованиям о взыскании процентов, судебных

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

издержек по взысканию долга и иных убытков кредитора, возникших неисполнением обязательства должником.

Аналогичным образом и китайский правопорядок, и российский устанавливают, что после заключения договора поручительства ответственность поручителя уже не может быть увеличена посредством соглашения кредитора и основного должника — любые подобные изменения основного обязательства, имеющие потенциальный негативный эффект для поручителя (к примеру, увеличение объема долга, сокращение срока исполнения и т.д.), не будут оказывать на последнего эффект, поручитель считается ответственным на прежних условиях (кроме случаев согласия поручителя отвечать соответственно новым условиям)¹⁷.

Однако ГК КНР (ст. 687) предполагает, что в рамках общего поручительства объем ответственности поручителя ограничивается только тем размером долга, который не удалось погасить за счет имущества должника по основному обязательству после взыскания долга в судебном порядке и реализации соответствующего имущества. Данное правило не действует (и предполагается, что можно сразу обращаться к поручителю), если возникнет одно из следующих обстоятельств:

— местонахождение должника неизвестно, а также у него отсутствуют активы для принудительного взыскания;

— суд принял заявление о банкротстве должника;

— у кредитора есть доказательства, подтверждающие, что активы должника недостаточны для исполнения всех обязательств или должник утрачивает способность исполнять обязательства;

— поручитель в письменной форме отказывается от своих прав на ограничение объема ответственности, указанных выше.

Отечественный правопорядок по общему правилу придерживается иного решения: кредитор после неисполнения основного обязательства может сразу обратиться к поручителю за взысканием задолженности. Для кредитора не требуется предварительно пытаться взыскивать долг по обеспечиваемому обязательству в судебном порядке и (или) исполнительном производстве¹⁸.

Примечательно, что симметричное решение распространено даже на так называемое субсидиарное поручительство. В частности, когда стороны договора поручительства согласовали субсидиарный характер ответственности поручительства, кредитору достаточно по общему правилу лишь получить отказ должника (либо молчание в течение разумного срока после направления предупреждения) добровольно удовлетворить требования, после чего можно сразу обращаться за взысканием задолженности к поручителю¹⁹.

¹⁷ См.: статья 696 ГК КНР; Chen Lei. *Op. cit.* P. 131–152; пункт 3 ст. 308 ГК РФ, п. 2 ст. 367 ГК РФ, п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45.

¹⁸ См. пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45.

¹⁹ См. пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45. Данная идея соответствует подходу о том, что субсидиарность является частным видом солидаритета, отличаясь лишь техническим

При этом отечественный право-порядок признает возможность достичь такого же результата, который приведен выше со ссылкой на ГК КНР, посредством использования инструментария условных сделок (ст. 157 ГК РФ). Данный механизм позволяет согласовать среди прочего то, что кредитор, к примеру, получает право обратиться к поручителю лишь после окончания в связи с отсутствием активов исполнительного производства в отношении основного должника либо в случае признания последнего банкротом²⁰.

моментом предварительного обращения к основному должнику (см. подробнее: Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : моногр. М. : Статут, 2020. 144 с.).

²⁰ См. пункт 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45.

Изложенное позволяет достичь такого же результата, который закреплен в вышеприведенном решении ГК КНР.

5. Выводы

На основании вышеизложенного следует прийти к выводу о том, что по всем рассматриваемым параметрам (акцессорности, квалификации основания возникновения поручительства, ответственности поручителя) отечественный и китайский правопорядки в целом имеют единый концептуальный фундамент регулирования. Несмотря на выявленную разницу в некоторых деталях, квинт-эссенция института поручительства по сравниваемым аспектам воспринимается правопорядками симметричным образом.

Литература

1. Байбак В.В. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева [и др.] ; ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : М-Логос, 2017. 453 с.
2. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота / В.В. Байбак. Москва : Статут, 2005. 220 с.
3. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств / Р.С. Бевзенко. Москва : Статут, 2013. 96 с.
4. Брагинский М.И. Договорное право. В 5 книгах. Кн. 1. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 2-е изд., стер. Москва : Статут, 2008. 840 с.
5. Гражданское право : учебник. В 4 томах. Т. 3. Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / ответственный редактор Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2023. 524 с.
6. Кашников Н.Б. Обратное требование поручителя: регресс, суброгация (часть 1) / Н.Б. Кашников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 2. С. 115–151.
7. Крашенинников Е.А. Гражданское право и процесс. Избранные труды / Е.А. Крашенинников [и др.] ; ответственный редактор Ю.В. Байгушева. Москва : Юрайт, 2020. 1125 с.
8. Меньшенин П.А. Цель и акцессорность поручительства при банкротстве должника / П.А. Меньшенин // Об обеспечении обязательств : сборник статей к юбилею С.В. Сарбаша / составитель и ответственный редактор А.В. Егоров. Москва : ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. 523 с.

9. Новиков К.А. Понятие способа обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве : диссертация кандидата юридических наук / К.А. Новиков. Москва, 2012. 223 с.
10. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг / Л.А. Новоселова. Москва : Статут, 2003. 492 с.
11. Сайфуллин Р.И. Тождественность долговой нагрузки основного должника и поручителя / Р.И. Сайфуллин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 7. С. 120–137.
12. Сарбаш С.В. Поручительство: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» / С.В. Сарбаш. Москва : Статут, 2021. 546 с.
13. Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография / Н.В. Тололаева. Москва : Статут, 2020. 144 с.
14. Chen, Lei. The Security Interests in Chinese Law: Some Nuances / Lei Chen // The Making of the Chinese Civil Code / eds. by H. Jiang, P. Sirena. Cambridge University Press, 2023. P. 131–152.

References

1. Baybak V.V. Dogovornoe i obyazatelstvennoe pravo (obschaya chast) : postateyny'y kommentariy k statyam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contractual Law and Law of Obligations (the General Part) : an article-by-article commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation] / V.V. Baybak, R.S. Bevzenko, O.A. Belyaeva [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor A.G. Karapetov. Moskva : M-Logos — V.V. Baybak, R.S. Bevzenko, O.A. Belyaeva [et al.] ; publishing editor A.G. Karapetov. Moscow : M-Logos, 2017. 453 s.
2. Baybak V.V. Obyazatelstvennoe trebovanie kak obyekt grazhdanskogo oborota [A Claim under the Law of Obligations as an Object of Civil Commerce] / V.V. Baybak. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2005. 220 s.
3. Bevzenko R.S. Aktsessornost obespechitelny'kh obyazatelstv [The Accessory Nature of Security Obligations] / R.S. Bevzenko. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2013. 96 s.
4. Braginsky M.I. Dogovornoe pravo. V 5 knigakh. Kn. 1. Obschie polozheniya [Contractual Law. In 5 books. Book 1. General Provisions] / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. 2-e izd., ster. Moskva : Statut — 2nd edition, stereotyped. Moscow : Statute, 2008. 840 s.
5. Grazhdanskoe pravo : uchebnik. V 4 tomakh. T. 3. Obschie polozheniya ob obyazatelstvakh i dogovorakh. Dogovorny'e obyazatelstva po peredache veschey v sobstvennost ili v polzovanie [Civil Law : textbook. In 4 volumes. Vol. 3. General Provisions on Obligations and Agreements. Contractual Obligations to Transfer the Title to or the Right of Use of Property] / otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Statut — publishing editor E.A. Sukhanov. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Statute, 2023. 524 s.
6. Kashnikov N.B. Obratnoe trebovanie poruchitelya: regress, subrogatsiya (chast 1) [Surety's Recourse: Regress, Subrogation (Part 1)] / N.B. Kashnikov // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. № 2. S. 115–151.
7. Krasheninnikov E.A. Grazhdanskoe pravo i protsess. Izbranny'e trudy' [Civil Law and Procedure. Selected Works] / E.A. Krasheninnikov [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor Yu.V. Baygusheva. Moskva : Yurayt — E.A. Krasheninnikov [et al.] ; publishing editor Yu.V. Baygusheva. Moscow : Urait, 2020. 1125 s.
8. Menshenin P.A. Tsel i aktsessornost poruchitelstva pri bankrotstve dolzhnika [The Goal and Accessory Nature of Suretyship in the Event of Debtor's Bankruptcy] / P.A. Menshenin // Ob obespecheniyakh obyazatelstv : sbornik statey k yubileyu S.V. Sarbasha / sostavitel

- i otvetstvenny'y redaktor A.V. Egorov. Moskva : ITSCHP im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF — On Security of Obligations : collection of articles on the anniversary of S.V. Sarbash / compiler and publishing editor A.V. Egorov. Moscow : Private Law Research Center under the President of the Russian Federation Named after S.S. Alexeev, 2017. 523 s.
9. Novikov K.A. Ponyatie sposoba obespecheniya ispolneniya obyazatelstv v grazhdanskom prave : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Concept of a Means of Securing Discharge of Obligations in Civil Law : thesis of PhD (Law)] / K.A. Novikov. Moskva — Moscow, 2012. 223 s.
 10. Novoselova L.A. Sdelki ustupki prava (trebovaniya) v kommercheskoy praktike. Faktor-ing [Right (of Claim) Assignment Transactions in the Commercial Practice. Factoring] / L.A. Novoselova. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2003. 492 s.
 11. Sayfullin R.I. Tozhdestvennost dolgovoy nagruzki osnovnogo dolzhnika i poruchitelya [Equality of the Debt Burden of the Main Debtor and Surety] / R.I. Sayfullin // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. № 7. S. 120—137.
 12. Sarbash S.V. Poruchitelstvo : kommentariy k Postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 24 dekabrya 2020 g. № 45 “O nekotory'kh voprosakh razresheniya sporov o poruchitelstve” [Suretyship : a commentary on Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45 of December 24, 2020, On Some Issues of Resolution of Disputes over Suretyship] / S.V. Sarbash. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2021. 546 s.
 13. Tololaeva N.V. Passivny'e solidarny'e obyazatelstva: rossiyskiy podkhod i kontinentalno-evropeyskaya traditsiya : monografiya [Passive Solidary Obligations: The Russian Approach and the Continental European Tradition : monograph] / N.V. Tololaeva. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2020. 144 s.
 14. Chen, Lei. The Security Interests in Chinese Law: Some Nuances / Lei Chen // The Making of the Chinese Civil Code / eds. by H. Jiang, P. Sirena. Cambridge University Press, 2023. S. 131—152.

ИГ «ЮРИСТ» — ВАШ ВЕРНЫЙ СПУТНИК В ПОИСКЕ НУЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Вы активно занимаетесь научной деятельностью, но не знаете, где еще можно найти интересный и авторитетный материал?

Мы готовы помочь Вам! Предлагаем подготовить подборку статей по Вашей теме, опубликованных на страницах более 40 наших журналов за последние 15 лет.

Что для этого нужно?

Пришлите запрос на адрес: anketa@lawinfo.ru, с указанием интересующей темы. Мы сделаем подборку и сканы публикаций. Готовый архив отправим Вам на электронную почту.

Стоимость подборки по нашей базе составит всего 990 руб. Если из всего перечня Вас заинтересует только несколько материалов, то PDF одной статьи обойдется в 300 руб.

Модели правового регулирования коммерческого найма жилья в сравнительно-правовом измерении

Фролов Алексей Иннокентьевич,
советник **Управления конституционных основ частного права**
Конституционного Суда Российской Федерации,
кандидат юридических наук
f_ai@bk.ru

В статье рассматриваются модели регулирования отношений коммерческого найма жилья, дифференцированные в зависимости от преобладающего в той или иной правовой системе подхода к поддержанию стабильности отношений найма и степени правовой защиты нанимателя. Дана оценка влиянию выбора регуляторной модели коммерческого найма жилья на социально-экономические процессы в жилищной сфере. Проведен правовой анализ проблемы внесудебного одностороннего расторжения договора коммерческого найма жилья по требованию наймодателя как элемента, определяющего модель правового регулирования отношений в указанной сфере. Обоснован вывод о необходимости поддержания стабильности отношений коммерческого найма жилья и правовой защиты нанимателя преимущественно на основе императивных норм права.

Ключевые слова: коммерческий наем, аренда жилья, одностороннее расторжение договора, выселение, свобода договора, защита нанимателя.

Специальное регулирование отношений найма жилья, отличное от общей системы регулирования отношений найма (аренды), складывалось исторически и обусловлено стремлением защитить слабую сторону отношения — нанимателя. Еще в римском праве в рамках общего регулирования найма вещей (*locatio conductio rei*) предусматривался специальный режим найма жилья¹ (в частности, в отличие от общего правила при продаже здания продавец-наймодатель обязан был озаботиться, чтобы жильцу дали жить в этом доме²).

¹ Наем квартир в Риме был рассчитан на бедных людей: вольноотпущенников, клиентов, поэтов (Дернбург Г. Пандекты. Обязательственное право. М., 1900. С. 361 ; Митюков К. Курс римского права. Киев, 1902. С. 281–283).

² Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 299.

Регулирование отношений найма жилья специальными нормами характерно для большинства зарубежных правовых порядков. При этом ограничение свободы договора и прав наймодателя в целях защиты нанимателя является общей характерной чертой. Например, в Швеции наймодатель может расторгнуть договор найма жилья, заключенный без указания срока, только в случае нарушения договора нанимателем и если получит на это согласие особого суда по арендной плате (*rent tribunal*)³. В Германии основанием для расторжения бессрочного договора найма жилья могут быть правомерный интерес⁴

³ Hussar A., Kull, I. The Landlord's Limited Right to Terminate a Residential Lease Contract: Estonian Law in Comparative Perspective // *Juridica International*. 2016. № 24. P. 75.

⁴ ГГУ, §573.

(а для срочного договора — серьезные основания, если при учете интересов двух сторон продолжение договора найма невозможно)⁵, виновное нарушение нанимателем договора, имеющее значительную степень (значительность определяется судом)⁶; расторжение договора, преследующее цель повышения арендной платы, исключается⁷. В правоприменительной практике, допускающей без объяснения причин расторжение наймодателем договора найма, заключенного на неопределенный срок (Швейцария, Финляндия), решение о расторжении договора может быть оспорено по причине нарушения добрых нравов⁸ или по причине неоправданного расторжения договора, а также с учетом наличия у нанимателя затруднений в поисках нового жилья в том же районе⁹.

Отмеченная общность цели поддержки нанимателя не препятствует выделению различных моделей регулирования отношений найма жилья, дифференцированных в зависимости от преобладающего в той или иной правовой системе подхода к поддержанию стабильности отношений найма жилого помещения и интенсивности правовой защиты нанимателя. Отмеченные модели можно условно разделить на две группы: первые обеспечивают относительно большую стабильность отношений найма жилья, что предполагает

ограничение права наймодателя немотивированно расторгнуть договор найма жилого помещения (особенно заключенный на неопределенный срок), а вторые предполагают приоритет свободы собственника-наймодателя.

Важность этой дихотомии обусловлена тем значением, которое имеет поддержка стабильности отношений найма жилья применительно к решению стоящих перед государством на макроэкономическом уровне задач по обеспечению жилищных прав граждан, развитию жилищного строительства и сопутствующих рынков оказания финансовых услуг (кредитных, страховых и т.п.).

Модели правового регулирования найма, обеспечивающие слабую защиту нанимателя, как показывают исследования, ведут к маргинализации сегмента найма жилья¹⁰. Наниматели, вынужденные снимать жилье, рассматривают наем как временную перспективу и вынуждены искать пути обретения жилья в собственность (например, в Чехии и Финляндии).

Напротив, в Германии¹¹ и Дании, право которых обеспечивает относительно большую защиту нанимателя, последний часто склонен рассматривать наем в качестве основного способа удовлетворения своих потребностей в жилище. Исследования также показывают, что стабильность и защищенность нанимателя

⁵ ГГУ, §543 (1).

⁶ Никитина В.А. Основания прекращения договора найма жилого помещения по инициативе наймодателя по праву Российской Федерации и Федеративной Республики Германия // Семейное и жилищное право. 2016. № 2. С. 35–39.

⁷ Абзац 1 §573 ГГУ.

⁸ Статьи 271, 271а Швейцарского обязательственного закона.

⁹ Статья 56 закона об аренде жилья Финляндии.

¹⁰ Boer R. de, Bitetti R. A Revival of the Private Rental Sector of the Housing Market?: Lessons from Germany, Finland, the Czech Republic and the Netherlands // OECD Economics Department Working Papers. OECD Publishing. Paris. 2014. № 1170. P. 53–54.

¹¹ В Германии и Швейцарии более 60% жителей снимают жилье. См.: Калинин К. В России жилье арендуют в шесть раз меньше, чем в Германии // РИА Новости. 2023. 14 ноября.

обеспечивают свободный выбор места жительства, способствуют росту трудовой мобильности, снижают негативное влияние рисков собственности и способствуют экономическому росту¹². Стабильное правовое положение нанимателя обнаруживает в праве пользования жилым помещением отчетливые признаки вещных прав (в том числе удовлетворение имущественного интереса правообладателя непосредственно из пользования вещью без участия третьих лиц, признак следования, абсолютный характер права по отношению к третьим лицам) или даже дает основание рассматривать его в качестве вещного права. Договоры найма, конструирующие права нанимателя, сходные с вещными, относятся к моделям, обеспечивающим наивысшую защиту нанимателя.

Выбор той или иной модели регулирования отношения найма может обуславливаться не только политико-правовыми целями, направленными непосредственно на регулирование отношений найма жилья, но и более широким контекстом — политическими, культурными, идеологическими, религиозными условиями бытия соответствующего социума. Однако вне зависимости от причин, в силу которых в отдельном порядке сложилась система правового регулирования отношений найма жилья, эта система способна оказывать влияние на оборот жилья, жилищное строительство и рынок найма жилья.

В этой связи интересны исследования в области экономического анализа последствий закрепления в законе различных моделей регули-

рования найма жилья¹³. Так, закрепление в законе большей защиты прав нанимателя может способствовать снижению инвестиционной привлекательности жилых помещений, приобретаемых для сдачи внаем. Самостоятельным фактором, способствующим снижению спроса на объекты жилой недвижимости, может выступать осознанный выбор снимать жилье, в особенности когда права нанимателя получают должную защиту.

По данным Росстата, общая площадь жилых помещений в стране (4 193 361 тыс. кв. м.) в зависимости от формы собственности распределена следующим образом: в муниципальной собственности находится 148 630,4 тыс. кв. м. жилья (3,54%), в государственной — 85 858,7 (2,05%), в частной — 3 958 872,3 (94,41%). Общая же площадь жилых помещений в среднем, приходящаяся на одного жителя, с 1995 по 2023 г. выросла с 18 кв. м. до 28,8 кв. м. Такой рост с учетом распределения жилищных фондов по формам собственности с подавляющим преобладанием частной формы собственности позволяет предполагать (за отсутствием соответствующей статистики и из-за теневых характера рынка найма жилья в частном секторе) рост коммерческого жилищного фонда, используемого для передачи в коммерческий наем. При этом, согласно опросу, проведенному Дом.РФ, за последние 25 лет каждый четвертый респондент из 1,6 тыс. опрошенных хотя бы раз снимал квартиру и жил в ней

¹² Boer R. de, Bitetti R. Op. cit. P. 53–54.

¹³ Andrews D., Caldera A., Johansson A. Housing Markets and Structural Policies in OECD Countries // OECD Economics Department Working Papers. 2011. № 836. OECD Publishing. 2011. P. 65.

не менее года¹⁴. Незначительный объем жилья, находящегося в публичной собственности, не позволяет реализовывать масштабно задачи обеспечения граждан социальным наемным жильем, пользование которым обычно длительно и стабильно, а нанимателю предоставляются большие юридические гарантии в сравнении с наймом жилья у частного собственника. Для сравнения: КНР реализует такую форму поддержки граждан, как средство регулирования рынка недвижимости в целях сдерживания роста цен¹⁵.

Выводы о влиянии соответствующих решений на рынок российской недвижимости нуждаются в подкреплении результатами специальных исследований. Но можно предположить, что снижение ажиотажного спроса на жилье, обусловленного российскими реалиями, в том числе незащищенностью нанимателя, стремлением приобрести собственное жилье, несмотря на существенный рост цен, а также высокой инвестиционной привлекательностью жилья как источника рентного дохода (что обусловлено фактической безальтернативностью именно такой инвестиции для многих граждан по причине неразвитости финансовой и инвестиционной культуры населения), будет способствовать решению жилищной проблемы в стране.

В условиях недоступности многим россиянам собственного жилья, недостаточности объема жилищных фондов публично-правовых образо-

ваний и предназначенности их для обеспечения жильем только узких слоев населения (в основном малоимущих граждан) усиление юридических гарантий прав нанимателя по договору коммерческого найма жилого помещения представляется эффективным способом реализации конституционной обязанности государства содействовать реализации права гражданина на жилище.

Усиление защиты интересов нанимателя может способствовать в условиях российской действительности переходу рынка коммерческого найма жилья в теневой сектор. Однако и сейчас отмечается нежелание наймодателей делать публичными отношения найма путем регистрации соответствующего обременения в реестре прав на недвижимость, равно как и добровольно исполнять обязанность по уплате налогов на доходы от найма. И уж тем более указанные риски не должны выступать аргументом в пользу отказа от построения более эффективных способов защиты прав нанимателя.

Конституция Российской Федерации¹⁶ (далее — Конституция РФ) закрепляет принцип неприкосновенности жилища (ст. 25), право граждан свободно передвигаться, выбирать место жительства (ст. 27). Право на жилище, являясь одним из основных конституционных прав гражданина (ст. 40 Конституции РФ), подразумевает возможность его реализации, в том числе посредством пользования жилым помещением по договору найма жилого помещения

¹⁴ Густова Н. «Дом.РФ» оценил долю россиян, арендующих жилье без договора // gbc.ru. 2023. 13 марта.

¹⁵ Чжаося Е., Петров А.В. Система обеспечения жильем в Китае: экономико-социологический анализ // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2021. № 2 (59). С. 19–23.

¹⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

жилищного фонда коммерческого использования.

В целях реализации указанных конституционных прав законодатель вводит специальное регулирование отношений найма жилых помещений, закрепляющее необходимые для этого гарантии. К такому специальному регулированию следует отнести нормы гл. 35 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁷ (далее — ГК РФ), которые, прежде всего, направлены на защиту слабой стороны договора найма, которой является наниматель.

В то время как в России механизм осуществления конституционного права на жилище (в частности, посредством установления гарантий для нанимателя жилого помещения) раскрывается в отраслевом законодательстве, в ряде стран мира защита нанимателей реализована непосредственно в нормах конституций и в правовых позициях конституционных судов. Так, в статье 109 Конституции Швейцарии («Наем жилья») указано, что Швейцарский союз издает предписания против злоупотреблений при найме жилья, против произвольного установления квартирной платы, а также об оспори-мости произвольных расторжений договоров жилищного найма и ограниченного сроком продления отношений жилищного найма¹⁸.

Конституционный суд Латвии, толкуя ст. 105 Конституции Латвии¹⁹ (закрепляющую наряду с беспрепятственной реализацией пра-

ва собственности право государства ограничивать в интересах общества использование собственности), подчеркнул, что собственность должна служить интересам общества (решение КС Латвии от 20 мая 2002 г. по делу № 2002-01-03²⁰). Дефицит дешевой жилой площади на рынке, по мнению указанного суда, является учитываемым и признаваемым фактором при оценке легитимной цели ограничений права собственности домовладельцев. Проблематичным является обеспечение кровом небогатых нанимателей, для которых приобретение дорогого жилья невозможно. Поэтому цель ограничения прав собственности связана не с дефицитом жилой площади вообще, а скорее с недостаточной доступностью дешевых квартир²¹.

Формат научной статьи не позволяет охватить весь масштаб регулирования, определяющий ту или иную модель правовой регламентации отношений коммерческого найма жилья. Однако можно проанализировать один из основных элементов механизма правового регулирования указанных отношений, оказывающий решающее влияние на стабильность отношений найма, — досрочное расторжение договора по инициативе наймодателя. Особенности представляют допустимость расширения договором найма жилья предусмотренных законом оснований его расторжения по требованию наймодателя и установление этим договором внесудебного

¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 556.

¹⁹ URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Latvia_2016 (date of access: 24.12.2024).

²⁰ URL: https://www.satv.tiesa.gov.lv/wp-content/uploads/2002/01/2002-01-03_Spriedums_ENG.pdf (date of access: 24.12.2024).

²¹ Цомартова Ф.В. Принципы правового регулирования прекращения договорного пользования жилищем // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 100–110.

его расторжения вследствие одностороннего отказа наймодателя от договора.

Проблема защиты права нанимателя от одностороннего расторжения договора коммерческого найма жилого помещения является частью более общей проблемы — проблемы соотношения (и конкуренции) права собственности и жилищных прав.

По мнению О.С. Пчелинцева, обеспечение крыши над головой — такая область распределения ресурсов, в которой социальные критерии безусловно доминируют над экономическими. Только за пределами этой нормы (крыши над головой) жилье выступает как обычный частный товар, распределение которого должно диктоваться спросом и предложением²².

В правовых системах различных стран мира распространяется идея собственности как социальной функции (а не права), впервые высказанная Л. Дюги²³, которая, в сущности, состоит в том, что собственник должен нести свою долю социальной ответственности. Социальная ответственность собственника оправдывает социально обусловленные ограничения права собственности, в частности при ограничении прав наймодателя. Этот подход Л. Дюги вдохновляет исследователей по настоящее время и послужил идейной основой доктрины социально ориентированных норм права (The Social-

Function Norm; The Social-Obligation Norm)²⁴. Идеи Л. Дюги о социальных функциях собственности получили популярность в праве Латинской Америки и нашли свое выражение в текстах конституций Чили²⁵ (1925, ст. 10), Боливии²⁶ (1993, ст. 7 (1)). Популярны эти идеи в праве США, закреплены в современных конституциях Германии и ЮАР²⁷.

Применительно к этому в дополнение к упомянутой позиции Конституционного суда Латвии можно привести аналогичную позицию Федерального конституционного суда ФРГ, основанную на п. 2 ст. 14 Основного Закона ФРГ²⁸, согласно которому использование собственности должно служить одновременно благу общества и что императивные нормы жилищного права должны устанавливаться при учете в равной степени интересов наймодателя и нанимателя²⁹.

В противоположность идей о социальных функциях собственности Конституционный суд Ирландии, Конституционный трибунал Польши и Конституционный суд Чехии сформулировали позиции, исключаящие ограничения прав собственников-наймодателей³⁰.

²² Пчелинцев О. Жилищная ситуация и перспективы институциональных изменений // Вопросы экономики. 1994. № 10. С. 11–12.

²³ «Собственность больше не является субъективным правом собственника; она является социальной функцией обладателя богатства» // Duguit L. Les Transformations Générales du Droit Privé Depuis the Code Napoléon 21 (2d ed. 1920). P. 158.

²⁴ Mirow M. C. The Social-Obligation Norm of Property: Duguit, Hayem, and Others // Florida Journal of International Law. 2010. Vol. 22. P. 191–226.

²⁵ URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Chile_1925 (date of access: 24.12.2024).

²⁶ URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009 (date of access: 24.12.2024).

²⁷ Lubens R. The Social Obligation of Property Ownership: A Comparison of German and U.S. Law // Arizona Journal of International & Comparative Law. 2007. № 24. P. 389–449.

²⁸ URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/index.html> (date of access: 24.12.2024).

²⁹ BVerfGE 37, 132 — Vergleichsmiete I. Цит. по: Цомартова Ф.В. Указ. соч. С. 100–110.

³⁰ Там же.

Практика Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) ориентирована на поиск баланса при решении проблемы защиты нанимателей. По мнению этого суда, в современном обществе обеспечение населения жильем является важнейшей социальной потребностью, решение жилищного вопроса не может быть целиком отдано на откуп рынку, неограниченное действие которого, особенно в ситуации трансформации экономики, способно создавать опасность нежелательных социальных последствий, а потому отражает не только частный, но и публичный интерес³¹.

К принципам правового регулирования договорных отношений по найму жилья в отечественной литературе относят всемерную защиту жилищных интересов съемщиков, стабильность пользования жильем, потребительский характер прав граждан, прочность правового положения нанимателей³². Как особенность договора найма жилья отмечают свойственные ему ограничение свободы договора и социальную направленность³³. Отдельного внимания заслуживает отмечаемый принцип императивности предписаний жилищных законов³⁴, а также

судебные расторжение договора найма жилья и выселение³⁵.

На основании изложенного можно утверждать, что специальное регулирование — как содержащее гарантии реализации прав и охраняемых интересов на жилище — основано преимущественно на императивных нормах. Соглашения (или соответствующие условия), снижающие установленный законом уровень гарантий, следует рассматривать или как совершенные в обход закона, или как посягающие на публичные интересы, а следовательно, ничтожные на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Вопрос имеет самое непосредственное отношение к проблеме пределов договорной свободы. В науке и практике набирает популярность концепция презюмирования диспозитивности норм договорного права³⁶.

В судебной практике распространен подход, основанный на идее диспозитивности нормы п. 2 ст. 687 ГК РФ, в том числе в части возможности установления в договоре права на односторонний отказ наймодателя от договора при нарушении его нанимателем (например, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 июня 2020 г. по делу № 88-14218/2020, апелляционное

³¹ Решение ЕСПЧ от 21 февраля 1986 г. по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-57507%22> (дата обращения: 24.12.2024).

³² Басин Ю.Г. Принципы советского жилищного права // Правоведение. 1961. № 4. С. 82–91; Толстой Ю.К. Проблемы жилищного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 88; Свердлов Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск, 1985. С. 123–130.

³³ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. Кн. 2. 4-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2002.

³⁴ Марткович И.Б. Право на жилище и его обеспечение: учеб. пособ. по спецкурсу. М., 1983.

С. 29–30; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч.

³⁵ Корнеев С.М. Обязательства из договоров найма жилого помещения и другие жилищные правоотношения // Гражданское право: в 4 т. Т. 3. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2007. С. 602; Цомартова Ф.В. Указ. соч. С. 100–110.

³⁶ Карапетов А.Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 124; Степанов Д.И. Диспозитивность норм договорного права // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5. С. 6–59.

определение Московского городского суда от 9 февраля 2021 г. по делу № 33-5182/2021³⁷ и др.). Этот подход получил наибольшее распространение в судебной практике, но не имеет подтверждения в актах официального толкования Верховного Суда Российской Федерации. Подход к толкованию нормы п. 2 ст. 687 ГК РФ в качестве диспозитивной имеет модификацию — установление дополнительных оснований для расторжения договора в суде по требованию наймодателя (апелляционное определение Московского городского суда от 14 марта 2016 г. по делу № 33-8705/2016, от 22 марта 2016 г. по делу № 33-8177/2016³⁸).

Подход, основанный на признании нормы п. 2 ст. 687 ГК РФ императивной, не распространен, есть лишь единичные дела, в которых суды толковали норму в качестве императивной (апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 5 июня 2015 г. по делу № 33-3406/2015; апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2020 г. по делу № 66а-2272/2020³⁹).

Таким образом, судебная практика чаще всего исходит из свободы договора при формулировании оснований для отказа наймодателя от договора найма. Так, признавая право на односторонний отказ наймодателя, суд мотивировал решение принципом свободы договора коммерческого найма жилого помещения (апелляционное определение

Омского областного суда от 11 декабря 2013 г. по делу № 33-8043/13⁴⁰).

Возможно, такое толкование п. 2 ст. 687 ГК РФ осуществляется по аналогии с устоявшимся судебным толкованием норм договора аренды, стороны которого могут установить право арендодателя отказаться от договора, отступив тем самым от специального правила ст. 619 ГК РФ о судебном порядке расторжения (постановление Президиума ВАС РФ от 9 сентября 2008 г. № 5782/08, п. 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66, определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 1 сентября 2016 г. № 306-ЭС16-3858⁴¹).

Определенность по этому вопросу внес Конституционный Суд Российской Федерации, указав в Постановлении от 2 июня 2022 г. № 23-П⁴² по жалобе гражданки Т.В. Пыкиной, что диспозитивная норма не обязательно может быть признана судом таковой лишь при наличии в тексте закона указания на право сторон договора предусмотреть иное. Этим Конституционный Суд повысил «юридический ранг» правила, закрепленного в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»⁴³ (далее — Постановление № 16), о том, что императивность нормы гражданского права — при отсутствии явно выраженного запрета установить иное правило

³⁷ При рассмотрении этого дела суд признал правомерным уведомление нанимателя за 1 день до расторжения договора найма. См.: СПС «КонсультантПлюс».

³⁸ URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases> (дата обращения: 24.12.2024).

³⁹ СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰ URL: <https://actofact.ru/case-55OS0000-33-8043-2013-2013-11-14-0-1/> (дата обращения: 24.12.2024).

⁴¹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

⁴² СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ СПС «КонсультантПлюс».

поведения договором — не свойственна ей по умолчанию, а выводится судом исходя из целевой направленности нормы в случаях, когда она ориентирована на защиту особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), на недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон, а также если императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора. С учетом этого Конституционный Суд РФ допустил возможность включения в договор найма жилого помещения условия о его расторжении в одностороннем порядке по инициативе наймодателя (т.е. вопреки правилу, следующему из буквального смысла ст. 687 ГК РФ), если соответствующие условия сформулированы ясно, определенно и относятся к существенному нарушению по вине нанимателя законного интереса наймодателя. К последнему же предъявляется требование действовать добросовестно.

Однако указанные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации нельзя понимать превратно. Они сформулированы с учетом специфики договора краткосрочного найма жилого помещения, судебное расторжение которого существенно нарушало бы интересы наймодателя, вынужденного претерпевать длящиеся нарушения договора со стороны нанимателя, притом что рассмотрение дела судом может превысить срок самого договора найма. Указанное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации содержит оговор-

ку о неприменимости изложенных в нем выводов к договорам найма, которые, формально являясь краткосрочными, фактически таковыми не являются в силу продления отношений между сторонами путем заключения договора на новый срок, если в совокупности сроки превышают один год. Поэтому предполагать во всех случаях диспозитивность норм о договоре коммерческого найма жилого помещения на основе указанных правовых позиций, учитывая, что они затрагивают только исключение из общего правила, было бы неверным.

Законодатель, конструируя договор найма как самостоятельный договорный тип, намеренно не относит договор найма жилого помещения к виду договора аренды (последний основан на принципе свободы договора). Императивность нормы п. 2 статьи 687 ГК РФ объясняется необходимостью защиты слабой стороны обязательства — нанимателя. При этом вывод об императивности п. 2 ст. 687 ГК РФ напрашивается и при толковании ее на основе указанной дискуссионной концепции. Судебный порядок расторжения договора найма жилого помещения по требованию наймодателя установлен в качестве гарантии интересов нанимателя (как стороны более слабой по отношению к наймодателю), заинтересованного в стабильности пользования жилым помещением в контексте реализации конституционного права на жилище.

В пользу императивности нормы п. 2 ст. 687 ГК РФ свидетельствует установление указанной статьей для нанимателя и наймодателя различных возможностей в части расторже-

ния договора. Наниматель в силу п. 1 ст. 687 ГК РФ вправе в одностороннем порядке отказаться от договора найма. Это можно рассматривать и в качестве признания нанимателя более слабой стороной правоотношения. Для нанимателя прекращение договора имеет более серьезные последствия, поскольку для него это жилье часто является единственным. Вынужденная же смена места жительства может создать существенные сложности для нанимателя, например необходимость перевода детей в иные образовательные организации (что может являться стрессом и для ребенка), изменение транспортной доступности мест осуществления привычной деятельности и т.д.

Кроме того, следует отметить, что ст. 310 ГК РФ предусматривает только для предпринимателей возможность дополнения договором установленных в законе оснований одностороннего отказа от договора (п. 2).

В литературе встречаются мнения о возможности включения в договор найма иного, не поименованного в законе основания, для расторжения договора на основе аргументации, содержащейся в Постановлении № 16, а также что нормы ст. 687 ГК РФ не являются императивными, поскольку не содержат явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила⁴⁴.

Для сравнения нормы Германского гражданского уложения (ГГУ) о прекращении отношений найма

(гл. 5 подразд. 2 разд. 5 ч. 8 кн. 2) предусматривают ничтожность соглашений, отступающих от правил в ущерб нанимателю. Представляется, что отсутствие в тексте ГК РФ положений, аналогичных ГГУ, не является свидетельством диспозитивности его п. 2 ст. 687, которая без изменения действует в первой редакции, вступившей в силу с 1 марта 1996 г., когда идеи о презумпции диспозитивности норм договорного права не были распространены.

Расторжение договора найма для нанимателя означает лишение права на жилище, что позволяет юридически квалифицировать эту меру как санкцию⁴⁵. При расторжении договора найма вследствие виновных действий нанимателя такая санкция является мерой ответственности. Применение такой ответственности должно санкционироваться судом, который мог бы оценить степень виновности нарушителя, установить наличие других условий ответственности, обеспечить гарантии защиты права нанимателя.

Положения статьи 687 ГК РФ находятся в системной связи со ст. 688 того же кодекса, в соответствии с которой в случае расторжения договора найма жилого помещения наниматель и другие граждане, проживающие в жилом помещении к моменту расторжения договора, подлежат выселению из жилого помещения

⁴⁴ Сулова С.И. Непоименованность в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 322–347.

⁴⁵ Расторжение договора как санкцию рассматривают и в литературе (Кириченко О.В. Расторжение договора коммерческого найма жилого помещения по требованию одной из сторон // Современное право. 2013. № 11. С. 61–66 ; Вавилин Е.В., Гонгало Б.М., Ем В.С. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации. Аренда. Наем жилого помещения. Постатейный комментарий к главам 34 и 35 / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2014. 228 с. Комментарий к ст. 687).

на основании решения суда. Однако установление судебного порядка выселения (как последствия расторжения договора) не снимает проблемы внесудебного одностороннего отказа от договора найма, поскольку расторжение договора найма и выселение не являются тождественными понятиями⁴⁶. Это означает, что в отношении нанимателя, не проживающего в жилом помещении (в том числе временно пребывающего в ином месте), договор может расторгаться без выселения. Также отсутствует необходимость выселения и в других случаях, когда не требуется принудительное удаление нанимателя из жилого помещения.

Судебная процедура выселения нанимателя несколько смягчает остроту проблемы (хотя и не устраняет ее вполне), поскольку суд проверяет правомерность одностороннего отказа наймодателя от договора. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴⁷ и в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»⁴⁸, если односторонний

отказ (односторонняя сделка) совершен, когда законом, иным правовым актом или соглашением сторон его совершение не предусмотрено или не соблюдены требования к его совершению, то по общему правилу он не влечет юридических последствий, на которые был направлен. Иными словами, неправомерный отказ от договора является ничтожной сделкой, что не требует его отдельного оспаривания.

Однако и при этом есть вероятность того, что суд при выселении нанимателя, с которым расторгнут договор найма, ограничится установлением формальной стороны вопроса (соблюдение порядка одностороннего расторжения, сроков уведомления и т.п.) и не станет вникать в существо вопроса, устанавливая существенность нарушения договора нанимателем и уважительность причин нарушения.

Нормы пункта 2 ст. 450 ГК РФ не исключают права сторон указать в договоре на то, что при наступлении тех или иных обстоятельств (в том числе при определенном нарушении договора) договор будет считаться расторгнутым автоматически. В таком случае фактически в договор включено условие, наступление которого прекращает договор⁴⁹. Статьи 327.1 и 157 ГК РФ предусматривают возможность сторонам договора поставить прекращение договора под отменительное условие, в том числе потестативное. В принципе, такой вариант автома-

⁴⁶ Андропов В.В., Гетман Е.С., Гонгало Б.М. и др. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. Комментарий к ст. 83 Жилищного кодекса Российской Федерации.

⁴⁷ СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸ СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁹ Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Беляева О.А. и др. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Комментарий к ст. 450 ГК РФ.

тического прекращения договора, подчиненный принципу свободы договора, представляется возможным. Но использование отменительных потестативных условий не может выступать как способ обхода закона, устанавливающего в п. 2 ст. 687 ГК РФ гарантии прав нанимателя при расторжении договора по инициативе наймодателя. В силу этого представляется невозможным ставить действительность договора найма в зависимость от обстоятельств, находящихся исключительно под контролем наймодателя, поскольку в таком случае наймодатель приобретает возможность прекратить договор найма своими произвольными действиями.

Вывод. Рынок найма жилья в России с учетом преобладания частного

жилья и ограниченности жилищных фондов публично-правовых образований не способствует укреплению стабильности правового положения нанимателя жилого помещения по договору коммерческого найма жилого помещения, что стимулирует спрос на приобретение собственного жилья и рост цен. Это делает жилье недоступным для приобретения многими гражданами. В этих условиях требуется поддержка стабильности отношений найма, в том числе за счет толкования соответствующих норм права в качестве императивных, направленных на защиту нанимателя как слабой стороны, если нет веских оснований для вывода о диспозитивности конкретной нормы права.

Литература

1. Андропов В.В. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / В.В. Андропов, Е.С. Гетман, Б.М. Гонгало [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. Москва : Статут, 2012. 625 с.
2. Байбак В.В. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева [и др.] ; ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : М-Логос, 2017. 1120 с.
3. Басин Ю.Г. Принципы советского жилищного права / Ю.Г. Басин // Правоведение. 1961. № 4. С. 82–91.
4. Брагинский М.И. Договорное право. В 5 книгах. Кн. 2. Договоры о передаче имущества / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 4-е изд., стереотипное. Москва : Статут, 2002. 795 с.
5. Вавилин Е.В. Гражданский кодекс Российской Федерации. Аренда. Наем жилого помещения: Постатейный комментарий к главам 34 и 35 / Е.В. Вавилин, Б.М. Гонгало, В.С. Ем [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. Москва : Статут, 2014. 228 с.
6. Густова Н. «Дом.РФ» оценил долю россиян, арендующих жилье без договора / Н. Густова // RBC.ru. 2023. 13 марта.
7. Дернбург Г. Пандекты. Обязательственное право / Г. Дернбург. Москва : [Б.и.], 1900. 488 с.
8. Калинин К. В России жилье арендуют в шесть раз меньше, чем в Германии / К. Калинин // РИА Новости. 2023. 14 ноября.
9. Карапетов А.Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права / А.Г. Карапетов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 100–133.
10. Кириченко О.В. Расторжение договора коммерческого найма жилого помещения по требованию одной из сторон / О.В. Кириченко // Современное право. 2013. № 11. С. 61–66.

11. Конституции государств Европы. В 3 томах. Т. 3 / под общей редакцией Л.А. Окунькова. Москва : Норма, 2001. 792 с.
12. Корнеев С.М. Обязательства из договоров найма жилого помещения и другие жилищные правоотношения / С.М. Корнеев // Гражданское право. В 4 томах. Т. 3. Обязательственное право / ответственный редактор Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Волтерс Клувер, 2007. 766 с.
13. Марткович И.Б. Право на жилище и его обеспечение : учебное пособие по специальному курсу / И.Б. Марткович. Москва : ВЮЗИ, 1983. 80 с.
14. Митюков К.А. Курс римского права / К.А. Митюков. 2-е изд. с доб. А.К. Митюкова. Киев ; Санкт-Петербург : Н.Я. Оглоблин, 1902. 501 с.
15. Никитина В.А. Основания прекращения договора найма жилого помещения по инициативе наймодателя по праву Российской Федерации и Федеративной Республики Германия / В.А. Никитина // Семейное и жилищное право. 2016. № 2. С. 35–39.
16. Пчелинцев О. Жилищная ситуация и перспективы институциональных изменений / О. Пчелинцев // Вопросы экономики. 1994. № 10. С. 11–12.
17. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права / Г.А. Свердлык. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1985. 200 с.
18. Степанов Д.И. Диспозитивность норм договорного права. К концепции реформы общих положений Гражданского Кодекса РФ о договорах / Д.И. Степанов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 5. С. 6–59.
19. Сулова С.И. Непоименованность в гражданском праве / С.И. Сулова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 322–347.
20. Толстой Ю.К. Проблемы жилищного законодательства / Ю.К. Толстой // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 88–95.
21. Цомартова Ф.В. Принципы правового регулирования прекращения договорного пользования жилищем / Ф.В. Цомартова // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 100–110.
22. Чжаося Е. Система обеспечения жильем в Китае: экономико-социологический анализ / Е. Чжаося, А.В. Петров // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 2 (59). С. 19–23.
23. Andrews, D. Housing Markets and Structural Policies in OECD Countries. OECD Economics Department Working Papers. 2011. № 836 / D. Andrews, A.C. Sánchez, A. Johansson. OECD Publishing, 2011. 85 p.
24. Boer, R. de. A Revival of the Private Rental Sector of the Housing Market?: Lessons from Germany, Finland, the Czech Republic and the Netherlands. OECD Economics Department Working Papers. № 1170 / R. de Boer, R. Bitetti. Paris : OECD Publishing, 2014. 64 p.
25. Duguit, L. Les Transformations Générales du Droit Privé Depuis the Code Napoléon / L. Duguit. 2d ed. Paris, 1920. 206 p.
26. Hussar, A. The Landlord's Limited Right to Terminate a Residential Lease Contract: Estonian Law in Comparative Perspective / A. Hussar, I. Kull // Juridica International. 2016. Vol. 24. P. 71–83.
27. Lubens, R. The Social Obligation of Property Ownership: A Comparison of German and U.S. Law / R. Lubens // Arizona Journal of International & Comparative Law. 2007. Vol. 24. P. 389–449.
28. Mirow, M.C. The Social-Obligation Norm of Property: Duguit, Hayem, and Others / M.C. Mirow // Florida Journal of International Law. 2010. Vol. 22. P. 191–226.

References

1. Andropov V.V. Postateynny`y kommentariy k Zhilishnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [An Article-by-Article Commentary on the Housing Code of the Russian Federation] / V.V. Andropov, E.S. Getman, B.M. Gongalo [i dr.] ; pod redaktsiey P.V. Krashenninnikova. Moskva : Statut — V.V. Andropov, E.S. Getman, B.M. Gongalo [et al.] ; edited by P.V. Krashenninnikov. Moscow : Statute, 2012. 625 s.
2. Baybak V.V. Dogovornoe i obyazatelstvennoe pravo (obschaya chast) : postateynny`y kommentariy k statyam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contractual Law

- and Law of Obligations (the General Part) : an Article-by-Article Commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation] / V.V. Baybak, R.S. Bevzenko, O.A. Belyaeva [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor A.G. Karapetov. Moskva : M-Logos — V.V. Baybak, R.S. Bevzenko, O.A. Belyaeva [et al.] ; publishing editor A.G. Karapetov. Moscow : M-Logos, 2017. 1120 s.
3. Basin Yu.G. Printsipy' sovetskogo zhilishchnogo prava [Principles of Soviet Housing Law] / Yu.G. Basin // Pravovedenie — Legal Studies. 1961. № 4. S. 82–91.
 4. Braginsky M.I. Dogovornoe pravo. V 5 knigakh. Kn. 2. Dogovory' o peredache imushchestva [Contractual Law. In 5 books. Book 2. Property Transfer Agreements] / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. 4-e izd., stereotipnoe. Moskva : Statut — 4th edition, stereotyped. Moscow : Statute, 2002. 795 s.
 5. Vavilin E.V. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Arenda. Naem zhilogo pomescheniya : Postateyny'y kommentariy k glavam 34 i 35 [The Civil Code of the Russian Federation. Rent. Lease of Housing : an article-by-article commentary on Chapters 34 and 35] / E.V. Vavilin, B.M. Gongalo, V.S. Em [i dr.] ; pod redaktsiyey P.V. Krashenninnikova. Moskva : Statut — E.V. Vavilin, B.M. Gongalo, V.S. Em [et al.] ; edited by P.V. Krashenninnikov. Moscow : Statute, 2014. 228 s.
 6. Gustova N. “Dom.RF” otsenil dolyu rossiyan, arenduyuschikh zhilye bez dogovora [Dom.RF Has Assessed the Share of Russians Leasing Housing Without an Agreement] / N. Gustova // rbc.ru. 2023. 13 marta — rbc.ru. 2023. March 13.
 7. Dernburg G. Pandekty'. Obyazatelstvennoe pravo [Pandects. Law of Obligations] / G. Dernburg. Moskva : [B.i.] — Moscow : [No source indicated], 1900. 488 s.
 8. Kallinikov K. V Rossii zhilye arenduyut v shest raz menshe, chem v Germanii [The Housing Lease Volume in Russia Is Six Times Less Than in Germany] / K. Kallinikov // RIA Novosti. 2023. 14 noyabrya — RIA News. 2023. November 14.
 9. Karapetov A.G. Svoboda dogovora i predely' imperativnosti norm grazhdanskogo prava [Contractual Freedom and Limits of Imperativeness of Civil Law Provisions] / A.G. Karapetov // Vestnik Vy'sshego Arbitrazhnogo Suda RF — Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. 2009. № 11. S. 100–133.
 10. Kirichenko O.V. Rastorzhenie dogovora kommercheskogo nayma zhilogo pomescheniya po trebovaniyu odnoy iz storon [Termination of an Agreement of Commercial Lease of Housing on Request of One of the Parties] / O.V. Kirichenko // Sovremennoe pravo — Modern Law. 2013. № 11. S. 61–66.
 11. Konstitutsii gosudarstv Evropy'. V 3 tomakh. T. 3 [Constitutions of European States. In 3 volumes. Vol. 3] / pod obschey redaktsiyey L.A. Okunkova. Moskva : Norma — under the general editorship of L.A. Okunkov. Moscow : Norm, 2001. 792 s.
 12. Korneev S.M. Obyazatelstva iz dogovorov nayma zhilogo pomescheniya i drugie zhilishchnye pravootnosheniya [Obligations out of Housing Lease Agreements and Other Housing Relations] / S.M. Korneev // Grazhdanskoe pravo. V 4 tomakh. T. 3. Obyazatelstvennoe pravo / otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Volters Kluwer — Civil Law. In 4 volumes. Vol. 3. Law of Obligations / publishing editor E.A. Sukhanov. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Wolters Kluwer, 2007. 766 s.
 13. Martkovich I.B. Pravo na zhilische i ego obespechenie : uchebnoe posobie po spetsialnomu kursu [The Right to Housing and Enforcement Thereof : textbook for the special course] / I.B. Martkovich. Moskva : VYUZI — Moscow : All-Union Correspondence Institute of Law, 1983. 80 s.
 14. Mityukov K.A. Kurs rimskogo prava [A Course of Roman Law] / K.A. Mityukov. 2-e izd. s dob. A.K. Mityukova. Kiev ; Sankt-Peterburg : N.Ya. Ogloblin — 2nd edition, enlarged by A.K. Mityukov. Kiev ; Saint Petersburg : N.Ya. Ogloblin, 1902. 501 s.
 15. Nikitina V.A. Osnovaniya prekrascheniya dogovora nayma zhilogo pomescheniya po initsiative naymodatelya po pravu Rossiyskoy Federatsii i Federativnoy Respubliki Germaniya [Grounds for Termination of a Housing Lease Agreement at the Landlord's Initiative under the Law of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany] / V.A. Nikitina // Semeynoe i zhilishchnoe pravo — Family and Housing Law. 2016. № 2. S. 35–39.

16. Pchelintsev O. Zhilishchnaya situatsiya i perspektivy` institutsionalny`kh izmeneniy [The Housing Situation and Prospects of Institutional Changes] / O. Pchelintsev // Voprosy` ekonomiki — Issues of Economics. 1994. № 10. S. 11–12.
17. Sverdlyk G.A. Printsipy` sovetskogo grazhdanskogo prava [Principles of Soviet Civil Law] / G.A. Sverdlyk. Krasnoyarsk : Izdatelstvo Krasnoyarskogo universiteta — Krasnoyarsk : Publishing house of the Krasnoyarsk University, 1985. 200 s.
18. Stepanov D.I. Dispozitivnost norm dogovornogo prava. K kontseptsii reformy` obschikh polozheniy Grazhdanskogo Kodeksa RF o dogovorakh [Dispositivity of Provisions of Contractual Law. On the Concept of a Reform of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Agreements] / D.I. Stepanov // Vestnik Vy`sshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. 2013. № 5. S. 6–59.
19. Suslova S.I. Nepoimenovannost v grazhdanskom prave [Innominate Phenomena in Civil Law] / S.I. Suslova // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki — Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2020. № 2. S. 322–347.
20. Tolstoy Yu.K. Problemy` zhilishchnogo zakonodatelstva [Problems of Housing Laws] / Yu.K. Tolstoy // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1987. № 11. S. 88–95.
21. Tsomartova F.V. Printsipy` pravovogo regulirovaniya prekrascheniya dogovornogo polzovaniya zhilishchem [Principles of Legal Regulation of Termination of Use of Housing Based on an Agreement] / F.V. Tsomartova // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2012. № 4. S. 100–110.
22. Zhaoxia Y. Sistema obespecheniya zhilem v Kitae: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz [The System of Provision of Housing in China: An Economic and Sociological Analysis] / Y. Zhaoxia, A.V. Petrov // Obschestvo. Sreda. Razvitie — Society. Environment. Development. 2021. № 2 (59). S. 19–23.
23. Andrews D. Housing Markets and Structural Policies in OECD Countries. OECD Economics Department Working Papers. 2011. № 836 / D. Andrews, A.C. Sánchez, A. Johansson. OECD Publishing, 2011. 85 s.
24. Boer R. de. A Revival of the Private Rental Sector of the Housing Market?: Lessons from Germany, Finland, the Czech Republic and the Netherlands. OECD Economics Department Working Papers. № 1170 / R. de Boer, R. Bitetti. Paris : OECD Publishing, 2014. 64 s.
25. Duguit L. Les Transformations Générales du Droit Privé Depuis the Code Napoléon / L. Duguit. 2d ed. Paris, 1920. 206 s.
26. Hussar A. The Landlord's Limited Right to Terminate a Residential Lease Contract: Estonian Law in Comparative Perspective / A. Hussar, I. Kull // Juridica International. 2016. Vol. 24. S. 71–83.
27. Lubens R. The Social Obligation of Property Ownership: A Comparison of German and U.S. Law / R. Lubens // Arizona Journal of International & Comparative Law. 2007. Vol. 24. S. 389–449.
28. Mirow M.C. The Social-Obligation Norm of Property: Duguit, Hayem, and Others / M.C. Mirow // Florida Journal of International Law. 2010. Vol. 22. S. 191–226.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

тел. (495) 617-18-88 – многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru

Тенденции развития форм труда и занятости в рамках БРИКС

Чайка Лия Николаевна,

доцент кафедры международного частного и гражданского права имени С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук

l.chaika@inno.mgimo.ru

В данной статье автор анализирует актуальные тенденции развития форм труда и занятости в странах БРИКС. Успешное межгосударственное сотрудничество в экономической сфере предполагает расширение взаимодействия и в социальной сфере. Внедрение цифровых технологий в сферу трудовых отношений, новые формы занятости нуждаются в эффективном правовом регулировании, отвечающем современным вызовам в мире. Автором предложены для обсуждения направления, выделенные в качестве приоритетных государствами — участниками БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, трудовые отношения, рынок труда, формы труда, платформенная занятость, социальное партнерство.

Одним из направлений сотрудничества государств — участников БРИКС является развитие рынка труда, обмен опытом, расширение взаимодействия в социальной сфере. В Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС, утвержденной Президентом РФ, среди базовых факторов, способствующих сближению участников объединения, отмечено наличие у участников БРИКС схожих вызовов и проблем, связанных с потребностями масштабной модернизации экономики и социальной жизни¹. Взаимодействие стран БРИКС в рамках экономической и торговой деятельности обуславливает необходимость объединить усилия и в сфе-

ре труда и занятости, ведь межгосударственное объединение оказывает влияние на развитие глобальной экономики, а численность населения государств-участников суммарно составляет более 40 процентов населения мира. Стремительный технологический прогресс, активное внедрение цифровых технологий и другие процессы не могли не оказать влияние на правовое регулирование трудовых отношений. Классическое представление о трудовых отношениях претерпевает изменения, появляются новые формы занятости, необходимость правового регулирования которых зачастую является вызовом для трудового права. Еще в принятой в 2019 г. Международной Конференции труда Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда было отмечено, что «крайне важно предпринять безотлагательные действия, с тем чтобы воспользоваться

¹ Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (утв. Президентом РФ). Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте www.kremlin.ru по состоянию на 21.03.2013 // СПС «КонсультантПлюс».

открывающимися возможностями и преодолеть вызовы в целях обеспечения справедливого, инклюзивного и безопасного будущего сферы труда, в котором будут обеспечены полная, продуктивная и свободно избранная занятость и достойный труд для всех» в период «преобразующих изменений в сфере труда, обусловленных технологическими инновациями, демографическими сдвигами, изменением окружающей среды и климата и глобализацией, а также в условиях сохраняющегося неравенства»².

Первое заседание министров труда и занятости в истории БРИКС прошло в январе 2016 г. Встреча состоялась с целью обсуждения новых направлений сотрудничества в сфере труда и занятости, социального обеспечения и социальной инклюзии, государственной политики. Ключевыми направлениями, требовавшими принятия мер каждым государством — участником БРИКС, являлись качественная и инклюзивная занятость, формализация рынков труда, обмен информацией в сфере труда и занятости, обеспечение достойного труда. На первый план выдвигалась задача создания качественных рабочих мест, чему должны были способствовать меры по модернизации предприятий и отраслей экономики, внедрению новых технологий, направленных на создание возможностей для трудоустройства, трудовой мобильности, профессионального обучения работников, повышения их квалификации, защиты уязвимых категорий, испытывающих трудно-

сти в поиске работы»³. Данные меры в первую очередь нацелены на обеспечение достойной жизни для населения. Безусловно, и на национальном уровне государства также стремятся реализовать задачи, названные выше. Так, целями трудового законодательства РФ являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей⁴. А в статье 5 Закона КНР «О труде» было закреплено положение о том, что государство принимает различные меры для содействия занятости, развития профессионального образования, разработки трудовых стандартов, регулирования социальных доходов, совершенствования социального страхования, координации трудовых отношений и постепенного повышения уровня жизни работников⁵.

Формализация труда, о которой вели речь министры труда и занятости стран БРИКС на встрече, не теряет своей актуальности и в настоящее время. Связано это и с цифровизацией трудовых отношений, и с появлением новых форм занятости. Нельзя не согласиться с тезисом, изложенным в Декларации: «Неформальная занятость сдерживает нашу производительность, потенциальный экономический рост и усилия по повышению благосостояния

² Декларация Международной организации труда (принята в г. Женеве 21.06.2019 на 108-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Декларация министров труда и занятости стран БРИКС, 2016. URL: <http://brics2015.ru/documents/> (дата обращения: 26.09.2024).

⁴ Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

⁵ Закон КНР «О труде» от 5 июля 1994 г. URL: <https://m.pkulaw.com/pages/details/detail?topicId=1469238631683198977&columnId=1469238619758792708&gid=6393f2e43412bddbdfb> (дата обращения: 28.09.2024).

нашего народа»⁶. В рамках сотрудничества стран БРИКС и Международной организации труда в 2023 г. проводилось совещание, в ходе которого глава МОТ отметил: «Значительное число работников в странах БРИКС занято неформально. Для обеспечения перехода от неформальной экономики к формальной и достойного труда особое значение имеет устранение пробелов в плане сферы охвата и уровня социальной защиты, а также нехватки квалифицированных кадров»⁷. Неформальная экономика является препятствием на пути обеспечения достойных условий труда. Еще в Рекомендации Международной организации труда № 204 были зафиксированы ориентиры, которых следует придерживаться государствам при переходе от неформальной к формальной экономике⁸. В 2023 г. в России был принят новый Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации», ст. 66 которого были закреплены организационные основы противодействия нелегальной занятости в Российской Федерации⁹. Под нелегальной занятостью следует понимать осуществление трудовой деятельности в нарушение

установленного трудовым законодательством порядка оформления трудовых отношений¹⁰. Проблема непризнания трудовых отношений, их подмена гражданско-правовыми отношениями все равно существует, несмотря на прилагаемые к ее решению усилия. Алгоритм выявления фактически сложившихся трудовых отношений с помощью признаков, разработанных судебной практикой и правовой доктриной, не всегда позволяет дать однозначный ответ при наличии спора. Затрудняет решение вопроса и появление новых форм занятости и категорий трудящихся, например самозанятых. Показательный пример приводит А.А. Сапфинова, а именно: работодатели «просто перевели граждан из числа работников в ряд самозанятых и заключили с последними гражданско-правовые договоры о труде, идентичном ранее выполняемой ими трудовой функции. В результате работодатели не оплачивают страховые взносы, а у таких самозанятых снижается сумма налога»¹¹. Остается открытым вопрос, какой

⁶ Декларация министров труда и занятости стран БРИКС, 2016. URL: <http://brics2015.ru/documents/> (дата обращения: 26.09.2024).

⁷ Приверженность БРИКС обеспечению достойного труда, достоинства и уважения для всех и каждого получила высокую оценку Генерального директора МОТ (Новости МОТ). URL: <https://www.ilo.org/ru/resource/news/priverzhenost-briks-obespecheniyu-dostoinogo-truda-dostoinstva-i> (дата обращения: 29.09.2024).

⁸ Рекомендация № 204 Международной организации труда «О переходе от неформальной к формальной экономике» (принята в г. Женеве 12.06.2015 на 104-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс»

⁹ Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

¹⁰ В соответствии с Приказом Минтруда России от 2 февраля 2024 г. № 40н «Об утверждении Перечня сведений и информации, в том числе составляющих налоговую тайну, передаваемых налоговыми органами Российской Федерации в межведомственные комиссии субъектов Российской Федерации по противодействию нелегальной занятости, а также в территориальные органы Федеральной службы по труду и занятости в порядке межведомственного взаимодействия», в соответствии с которым налоговые органы РФ передают соответствующую информацию и сведения в межведомственные комиссии субъектов Российской Федерации по противодействию нелегальной занятости, а также в территориальные органы Федеральной службы по труду и занятости в порядке межведомственного взаимодействия.

¹¹ Сапфинова А.А. Правовое регулирование самозанятости и работы на платформах в условиях цифровой экономики: трудовой и (или) гражданско-правовой аспекты? // Гражданское право. 2021. № 5. С. 41–45.

вариант правовой регламентации трудовой деятельности данных субъектов является оптимальным. Следует подчеркнуть, что мер контроля и применения мер ответственности к работодателям недостаточно, поскольку явление неформальной занятости имеет многоаспектный характер. Соответственно, государствам следует подходить комплексно к решению этой проблемы, не только методами наложения санкций, но и созданием благоприятных условий ведения деятельности компаниями, например снижением налогового бремени, упрощением бюрократических процедур и др.

По прошествии времени можно проследить смещение фокуса внимания к 2024 г. В сентябре прошла Х юбилейная встреча министров труда и занятости стран БРИКС, в рамках которой провели заседания 4 рабочие группы по следующим направлениям:

- платформенная занятость: роль на рынке труда и проблемы регулирования труда платформенных работников;
- развитие системы профессиональной ориентации и непрерывного профессионального образования для всего населения;
- обеспечение безопасного труда и социальной защищенности занятых;
- развитие социальной поддержки граждан стран БРИКС. Современные инструменты социальной политики¹².

Вопрос платформенной занятости продолжает активно обсуж-

даться, несмотря на уже длительное применение на практике. Не сформировалось единого правового подхода регулирования данной формы занятости, поскольку предметом дискуссии выступает ключевой вопрос: следует ли распространить действие положений трудового законодательства на отношения заказчиков, исполнителей и операторов цифровой платформы. В 2024 г. Международная организация труда опубликовала доклад по правовым и практическим вопросам «Обеспечение достойного труда в экономике цифровых платформ»¹³. Следует начать с того, что цифровая платформа — это инструмент, при помощи которого можно организовать трудовую деятельность. Но поскольку классическое трудовое отношение представляет собой соглашение между работником и работодателем о личном выполнении трудовой функции, то включение цифровой платформы нарушает данную структуру правоотношений. Поэтому прежде всего это вызов классическому определению трудовых отношений. Как справедливо отмечает О.В. Чесалина, «работа посредством интернет-платформ представляет вызов выработанным критериям, позволяющим отграничить трудовые правоотношения от гражданско-правовых; сложившимся понятиям “работник” и “работодатель”; классическим представлениям о двухстороннем трудовом правоотношении»¹⁴. Обзор законо-

¹² Сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/cooperation/23>

¹³ Realizing decent work in the platform economy. Geneva : International Labour Office, 2024.

¹⁴ Чесалина О.В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 14–17.

дательства и практики, регулирующих работу на цифровой платформе, изложенный в докладе Международного бюро труда 2024 г., иллюстрирует разнообразие способов регулирования работы на платформах:

— принятие поправок к действующему трудовому законодательству, касающихся работы на платформах (например, в Бельгии, Чили, Хорватии, Франции, Италии и Португалии);

— принятие отдельного законодательства, касающегося работы на платформах (например, в Китае);

— принятие отраслевого законодательства (Соединенные Штаты Америки);

— принятие специализированных законов, которые распространяют охрану труда и/или социальную защиту на работников платформ (например, в Индии и Республике Корея)¹⁵.

Самыми дискуссионными в контексте выработки подхода к правовому регулированию деятельности цифровых платформ являются сферы служб доставки и агрегаторов такси. Например, в Индии в 2020 г. был принят Кодекс социального обеспечения, а также были разработаны Рекомендации для агрегаторов автотранспортных средств, а в штате Раджахстан Индии — Закон о работниках платформ в гиг-экономике 2023 г. Отмечается, что Индия в числе немногих стран предоставила социальные гарантии трудящимся посредством цифровых платформ. Тем не менее следует констатировать тот факт, что в данный момент оптимальный вариант правового регу-

лирования данной формы занятости еще не определен. В Российской Федерации в 2022 г. принят закон, регулирующий отношения в области организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси¹⁶. Перевозчик легкового такси обязан обеспечивать соблюдение установленных законодательством Российской Федерации норм рабочего времени, времени отдыха, норм времени управления транспортным средством, требований по учету указанного времени¹⁷.

Профессиональная ориентация и непрерывное образование являются важнейшим направлением, обуславливающим обеспечение достойного труда и развитие рынка труда в странах БРИКС. В 2022 г. был создан Альянс БРИКС в области сотрудничества в сфере технического и профессионального образования и подготовки. Труд и образование тесно связаны в своем историческом развитии. Изменения в области труда меняют и структуру профессий, а соответственно, оказывают влияние на сферу образования. Отмечается тенденция сокращения материального труда в цифровую эпоху: роботизация, автоматизация производственных процессов. В свою очередь,

¹⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 27.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 2 июня 2023 г. № 908 «Об утверждении норм рабочего времени, времени отдыха, норм времени управления транспортным средством для физических лиц, Правил учета рабочего времени, времени отдыха, норм времени управления транспортным средством физическими лицами и о внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 23 (часть II). Ст. 4211.

¹⁵ Realizing decent work in the platform economy. Geneva : International Labour Office, 2024. P. 44.

труд в цифровом обществе оказывает сильное влияние и на систему профессионального образования. Модели труда и образования становятся очень разнообразными. Шестнадцатого июня 2023 г. Международная организация труда приняла Рекомендацию «О качественных программах ученичества», подчеркнув, что развитие качественных программ ученичества способствует:

- эффективному и качественно-му реагированию на вызовы в сфере труда и обеспечению возможности обучения на протяжении всей жизни в целях повышения производительности;

- расширению возможностей трудоустройства и удовлетворению потребностей учеников, работодателей и рынка труда;

- предпринимательской деятельности, самозанятости, возможностям трудоустройства, переходу к формальной экономике, созданию достойных рабочих мест, а также росту и устойчивости предприятий¹⁸.

Обеспечение непрерывного образования, повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников является необходимым условием сохранения конкурентоспособности каждого работника, т.е. адаптации работников к требованиям рынка. Например, такая категория, как «предпенсионные работники», несмотря на закрепление запрета дискриминации по признаку возраста, тем не менее является уязвимой категорией, нуждающейся в дополнительной поддержке. И обеспечение возможности

актуализации профессии как раз и является одной из ряда мер, позволяющих сохранить свои позиции и востребованность на рынке труда. В то же время такая мера, как наставничество, могла быть весьма эффективной и для молодых специалистов, поскольку предполагает передачу опыта от более квалифицированных специалистов начинающим. Так, в числе задач для реализации национального проекта в сфере образования названы:

- формирование системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков, включая овладение компетенциями в области цифровой экономики всеми желающими;

- создание условий для развития наставничества, поддержки общественных инициатив и проектов, в том числе в сфере добровольчества (волонтерства);

- формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся¹⁹. Среди основных направлений деятельности Правительства РФ закреплена организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста, что будет способствовать повышению благосостояния и соци-

¹⁸ Рекомендация № 208 Международной организации труда № «О качественных программах ученичества» (принята в г. Женеве 16.06.2023 на 111-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

ального благополучия лиц предпенсионного возраста, создаст условия для их активного участия в жизни общества, продолжения трудовой деятельности лиц предпенсионного возраста как на прежних рабочих местах, так и на новых в соответствии с их пожеланиями, профессиональными навыками и физическими возможностями, а также для недопущения дискриминации отдельных категорий работников в связи с увеличением пенсионного возраста²⁰.

Безусловно, актуальность сохраняет и вопрос обеспечения безопасных условий труда и социальной защищенности работников. Стратегия экономического партнерства БРИКС в числе приоритетных направлений взаимодействия называет развитие человеческого капитала, что в свою очередь включает в себя:

— обеспечение рабочей силы стран БРИКС современными навыками, в том числе в целях адаптации к Четвертой промышленной революции;

— решение вопросов занятости, включая возможности внедрения гибких форматов работы, а также со-

действие формированию достойных условий труда в странах БРИКС;

— установление адекватного уровня минимальной заработной платы в каждой из стран БРИКС в целях искоренения бедности и обеспечения приемлемых условий жизни трудящихся;

— стремление к повышению уровня производительности труда и квалификации работников, занятых в передовых отраслях промышленности;

— повышение мобильности внутри БРИКС, включая представителей делового сообщества, медицинских работников, студентов, рабочих, научных сотрудников²¹.

Межгосударственное взаимодействие в рамках БРИКС дает больше возможностей для развития правового регулирования трудовых отношений. Формат взаимодействия позволяет обмениваться мнениями и опытом решения тех или иных вопросов. Сталкиваясь с вызовами современного мира, сообща государства скорее разработают оптимальные пути их успешного преодоления.

²⁰ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г. (утв. Правительством РФ 29.09.2018 № 8028п-П13) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. (Принята 17.11.2020) // Официальный сайт председательства Российской Федерации в БРИКС в 2020 г. URL: <https://brics-russia2020.ru>

Литература

1. Сапфинова А.А. Правовое регулирование самозанятости и работы на платформах в условиях цифровой экономики: трудовой и (или) гражданско-правовой аспекты? / А.А. Сапфинова // Гражданское право. 2021. № 5. С. 41–45.
2. Чесалина О.В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению / О.В. Чесалина // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 14–17.

References

1. Sapfirova A.A. Pravovoe regulirovanie samozanyatosti i raboty` na platformakh v usloviyakh tsi-frovoy ekonomiki: trudovoy i (ili) grazhdansko-pravovoy aspekty`? [Legal Regulation of Self-Employment and Platform Work in the Digital Economy Conditions: Labor and (or) Civil Law Aspects?] / A.A. Sapfirova // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2021. № 5. S. 41–45.
2. Chesalina O.V. Rabota posredstvom internet-platform kak vy`zov trudovomu pravootnoshe-niyu [Work on Internet Platforms as a Challenge to the Labor Relation] / O.V. Chesalina // Tru-dovoe pravo v Rossii i za rubezhom — Labor Law in Russia and Abroad. 2019. № 1. S. 14–17.

Law Between East and West

No. 1 / 2025

The Journal is published with the support of the Foundation of Grateful Graduates of the International Law School of MGIMO

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl No. FC77-84258 of December 5, 2022. Issued since 2024. Published twice a half-year.

Editor in Chief

Gennady P. Tolstopyatenko, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

Aleksey A. Malinovsky, LL.D., Associate Professor
Natalya I. Platonova, PhD (Law), Associate Professor

Executive Secretary

Dina M. Osina, PhD (Law)

Editorial board:

Adel I. Abdullin, LL.D., Professor
Lana L. Arzumanova, LL.D., Professor
Vladimir M. Baranov, LL.D., Professor,
Honored Scientist of the RF
Tatyana A. Vasilyeva, LL.D., Associate Professor
Aleksandr G. Volevodz, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF
Vyacheslav V. Gavrilov, LL.D., Associate Professor
Elena Yu. Gracheva, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF
Maria V. Zakharova, LL.D.
Sergey B. Zinkovsky, PhD (Law), Associate Professor
Igor A. Kravets, LL.D., Professor
Yury E. Monastyrsky, LL.D.
Elena I. Nosyreva, LL.D., Professor
Konstantin V. Obrazhiev, LL.D., Professor
Elena V. Pokachalova, LL.D., Professor
Ekaterina A. Ryzhkova, PhD (Law), Associate Professor
Akmal Kh. Saidov, Academician of the Academy
of Sciences of Uzbekistan, LL.D., Professor;
Elina L. Sidorenko, LL.D., Associate Professor
Oleg Yu. Skvortsov, LL.D., Professor
Elena N. Trikoz, PhD (Law), Associate Professor
Aleksandra A. Troitskaya, LL.D., Associate Professor
Pavel V. Troschinsky, PhD (Law)
Mikhail A. Tserkovnikov, PhD (Law)

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, academician of the RAE,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N., Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Proofreading: Vorobyova N.N.

Layout: Kurukina E.I.

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

- G.M. Lanovaya.** The Criteria of Normal and Abnormal in the Language of Law: Problems of Determination and Application 2
M.A. Belyaev. Special Aspects of the Language Policy of the State in the Conditions of Rapid Development of Information Technology 9

LEGAL GEOGRAPHY AND COMPARATIVE LEGAL STUDIES

- N.L. Peshin, S.A. Akulov.** The Interaction of States and the International Olympic Committee in the Sports Sphere 16
A.D. Tsyplovskaya. Some Legal and Linguistic Features of Sources of Criminal Law and Criminal Procedure of Arab States 28

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL LAW

- V.V. Korolkov.** Critical Analysis of Stereotypes about the Federal Structure: The Outlines of New Discussions of Researchers and Practitioners of State Building in Modern Russia. Part 3: Stereotypes of the Moment 39

COMPARATIVE FINANCIAL LAW

- A.V. Savina.** The Impact of the Financial Law Policy on Establishment and Development of the Financial System: The Chinese Experience 48

PRIVATE INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL COMMERCIAL DISPUTE RESOLUTION

- D.L. Davydenko, K.A. Lazarenok.** The Prospects of Introduction of Ex Aequo Et Bono and Amiable Compositeur Dispute Resolution Provisions in Laws of Russia and Belarus on International Commercial Arbitration 56

COMPARATIVE CIVIL AND TRADE LAW

- M.A. Volchansky.** Some Aspects of the Institution of Surety under the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Civil Code of the PRC: a Comparative Study 64
A.I. Frolov. The Models of Legal Regulation of Commercial Lease of Housing for a Comparative Perspective 74

COMPARATIVE AND INTERNATIONAL LABOR LAW

- L.N. Chayka.** The Development of Labor and Employment Forms in BRICS 89

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495)
617-18-88 (multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper No. 1. Printer's sheet 12,5.

Conventional printed sheet 12,5.

ISSN 3034-2953

Passed for printing: 12.03.2025.

Issue was published: 27.03.2025.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Printed by National Polygraphic
Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga,

248031. Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of
materials without prior written permission
of authors or the Editorial

Office shall be prosecuted in accordance
with law.

Founder: MGIMO University

The Criteria of Normal and Abnormal in the Language of Law: Problems of Determination and Application

Galina M. Lanovaya, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, LL.D., Associate Professor

The solution of the problem of improving the quality of normative legal texts, which is relevant in theoretical and practical terms, is impossible without a clear understanding of what is the norm in the language of law and what is an anomaly. The article substantiates that only linguists can determine the criteria of normal and abnormal in the language of law, relying on knowledge of the laws and trends in the development of language as a cultural phenomenon, as well as on understanding the features that the language of law acquires in modern conditions, functioning and changing in inextricable connection with legislation, legal practice, legal awareness. Taking linguistic concepts of the normal and abnormal for the language of law as given, legal scholars have the opportunity to increase the effectiveness of efforts aimed at the development and implementation of such legal and technical means, techniques and rules, the use of which facilitates the perception and interpretation of legal texts.

Keywords: language of law, language of legislation, requirements for the language of law, legal technique.

Special Aspects of the Language Policy of the State in the Conditions of Rapid Development of Information Technology

Maksim A. Belyaev, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Philosophy)

The article is devoted to the activities of the state in the regulation of social communication and the creation of legal texts. It is shown that modern information technologies challenge such properties of public authority as sovereignty and legitimacy. At the same time, these technologies can be used for the benefit of the state and society, subject to scientifically based regulation of the linguistic and communicative aspects of legal life.

Keywords: public policy, information technology, language of law, legal text, legitimacy, effectiveness of regulation.

The Interaction of States and the International Olympic Committee in the Sports Sphere

Nikolay L. Peshin, Head of the Department of Administrative Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Professor

Sergey A. Akulov, Competitor for PhD Degree of the Department of Administrative Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University

Currently, the International Olympic Committee (IOC) has the status of a private corporation. This legal status does not suit the IOC at all, which from the very moment of its establishment has been determined to conduct a dialogue with states on equal terms and to feel itself a full-fledged subject of international public law, that is, a subject

with the legal capacity of an international intergovernmental organization (IGO), such as, for example, the UN. However, recognition of such a status, due to obvious reasons, is impossible on the part of the absolute majority of states. Therefore, the IOC has to create special forms of interaction with states and justify special Olympic principles, such as organizational and legal autonomy of sports, which presupposes non-interference of states in the Olympic sphere.

Keywords: sports law, autonomy of sports, Olympic Games, IOC.

Some Legal and Linguistic Features of Sources of Criminal Law and Criminal Procedure of Arab States

Alyona D. Tsyplakova, Lecturer of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This study presents some jurislinguistic features of the terminology used in the legal framework of Arab countries, referring to the specifics of the Islamic Shariah (in Arabic “الشريعة الإسلامية”; ashshari’atu alislamiyyatu) as to the sources of law, their hierarchy and specific legal constructions in criminal law and criminal procedure. The name of the sources themselves in Arabic has its own connotations. The author has studied the legislation of several representatives of each subregion of the Arab East, focusing primarily on the regulation of the Kingdom of Saudi Arabia (the KSA), the United Arab Emirates (the UAE), the Arab Republic of Egypt (the ARE) as new members of the BRICS strategic alliance, as well as states that have applied to join or have become partners.

Keywords: Islamic Shariah, Arab criminal procedure, Arab criminal law, linguistic and legal studies.

Critical Analysis of Stereotypes about the Federal Structure: The Outlines of New Discussions of Researchers and Practitioners of State Building in Modern Russia. Part 3: Stereotypes of the Moment

Vadim V. Korolkov, Teaching Assistant of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Head of the Federalist Discussion Club, PhD (Law)

The present study attempts to critically analyse the most famous stereotypes about the federal structure that have developed in the world doctrine. From the perspective of critical realism, the opportunistic stereotypes associated with cognitive distortions under the influence of the current political agenda are analysed, which include the identification of centralisation with the uncontrollability of central state bodies, ideas about the optimal number of subjects, as well as the normalisation of arbitrary interventions of the higher level of public authority. The problems identified in this way go considerably beyond the issues of federal structure and can be found in other elements of the matter of Russian constitutional law.

Keywords: federalism, critical realism, liberalism, socialism, conservatism, state-building.

The Impact of the Financial Law Policy on Establishment and Development of the Financial System: The Chinese Experience

Anna V. Savina, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law and National Security of the Derzhavin Tambov State University, PhD (Law), Associate Professor

The article examines China's financial and legal policy and determines its importance for the country's financial system. The study raises the question of the financial system of Russia and China, and identifies differences. The article examines the historical aspects of the development of economic relations, management approaches and legislation that formed the basis of China's socio-economic and technological success. It is concluded that the sustainable development of China's financial system largely depends on the development of the non-governmental sector of the economy and the investment activity of foreign countries. A favorable environment for international cooperation is being created at the state level, and businesses are actively interacting with foreign partners, expanding all areas of production and making them attractive for investment. The following are highlighted as priority areas of China's financial and legal policy: development and active government support of the banking system and, accordingly, the national monetary sphere; formation of economic strategies to increase the investment attractiveness of the state; implementation of a fundamental policy of openness for geo-economic cooperation with other states; etc.

Keywords: Russian financial system, Chinese financial system, financial and legal policy, investment policy, Chinese economy.

The Prospects of Introduction of Ex Aequo Et Bono and Amiable Compositeur Dispute Resolution Provisions in Laws of Russia and Belarus on International Commercial Arbitration

Dmitry L. Davydenko, Associate Professor of the Department of International Law of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, PhD (Law)

Konstantin A. Lazarenok, Graduate of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University

This paper is dedicated to the issues of a legal nature and correlation of special ways of resolving a dispute by the arbitral tribunal — ex aequo et bono (“on the basis of the good and equity”) and amiable compositeur (as an “amicable intermediary”). The paper considers current provisions of resolving a dispute ex aequo et bono and amiable compositeur in the rules of some international arbitration institutions in Russia and Belarus. The authors conclude that the provisions on ex aequo et bono and amiable compositeur should be included in the Russian and Belarussian legislation on international commercial arbitration, formulate them and outline the advantages of such a legislative initiative.

Keywords: ex aequo et bono, amiable compositeur, dispute resolution, public policy, international commercial arbitration.

Some Aspects of the Institution of Surety under the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Civil Code of the PRC: a Comparative Study

Mikhail A. Volchansky, Associate Professor of the S.N. Lebedev Department of Private International and Civil Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Deputy Head of the Department of Private Law, Associate Professor of the National Research University Higher School of Economics, PhD (Law)

The article compares the Chinese legal order with Russian solutions in terms of some of the most important aspects of suretyship: accessory, causes of occurrence and liability of the surety. The author comes to the conclusion that, for all the parameters under consideration, Russian and Chinese legal orders in general have a single conceptual foundation of regulation. Despite the revealed difference in some details, the quintessence of the surety institution for comparable aspects is perceived by legal orders in a symmetrical manner.

Keywords: securing obligations, suretyship, accessory, liability.

The Models of Legal Regulation of Commercial Lease of Housing for a Comparative Perspective

Aleksey I. Frolov, Advisor of the Department of Constitutional Framework of Private Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, PhD (Law)

The article analyzes the models of rental housing regulation, depending on the prevailing approach in the legal system to ensuring the stability of hiring and the effectiveness of legal protection of the tenant. An assessment of the impact of the regulatory model of rental housing on social and economic processes in the housing sector is given. The legal review of the issue of out-of-court unilateral termination of the lease agreement at the request of the landlord as an element that defines the model of regulation of relations in this area is carried out. It is concluded that the support of the stability of rental housing and the legal protection of the tenant should be carried out mainly on the basis of mandatory rules of law.

Keywords: rental housing, unilateral termination of the contract, eviction, freedom of contract, protection of the tenant.

The Development of Labor and Employment Forms in BRICS

Lia N. Chayka, Associate Professor of the S.N. Lebedev Department of Private International and Civil Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, PhD (Law)

In this article, the author analyzes the current trends in the development of labor and employment in the BRICS countries. Successful interstate cooperation in the economic sphere implies the expansion of cooperation in the social sphere. The introduction of digital technologies in the sphere of labor relations, new forms of employment require effective legal regulation that meets the modern challenges in the world. The author proposes to discuss the areas prioritized by the BRICS member states.

Keywords: BRICS, employment, labor market, forms of employment, digital platform employment, social partnership.